

Славяноведение

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В ЯНВАРЕ 1965 г.
ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД
*Журнал издается под руководством
Отделения историко-филологических наук РАН*

2
2016
МАРТ •
АПРЕЛЬ •

Содержание

СТАТЬИ

<i>Флора Б.Н.</i> (Москва). Славянский мир и его судьбы в раннюю эпоху его истории в произведениях представителей польской исторической мысли второй половины XV – начала XVI века	3
<i>Турилов А.А.</i> (Москва). «Незамеченная» дата в южнославянских кириллической и глаголической палеографиях (к вопросу о времени написания Охридского Апостола).....	21
<i>Кочегаров К.А.</i> (Москва). Русское правительство и право гетмана И.С. Мазепы назначать казацких полковников Войска Запорожского: казус Ивана Черныша 1707 года	29
<i>Палфи Г.</i> (Будапешт). Век разрывов и компромиссов: новый взгляд на историю Венгерского королевства XVII века	41
<i>Амброзьяк Т.</i> (Москва, Торунь). Понятийный аппарат сеймиковых источников конца XVI – первой половины XVII века как проявление политической культуры шляхты Великого княжества Литовского	51
<i>Чубарова В.В.</i> (Москва, Варшава). Представление о славянах в Польше – веки истории	64

СООБЩЕНИЯ

<i>Рыбалка А.</i> (Пенза). Рутены Меркатора.....	76
<i>Полонский Д.Г.</i> (Москва). Почитание Римского папы Льва I Великого в южно- и восточнославянской традициях XII–XVII веков	82

ИЗ ИСТОРИИ СЛАВИСТИКИ

<i>Робинсон М.А., Сазонова Л.И.</i> (Москва). Восстановление И.В. Ягича в статусе действительного члена РАН и состояние проекта «Энциклопедия славянской филологии» (начало 1920-х годов).....	89
<i>Тараканова И.Г.</i> (Москва). «Жизнь прожить – не поле перейти» (новые документы о деятельности В.И. Пичеты в МГПИ)	100

РЕЦЕНЗИИ

<i>Мельников Г.П.</i> Древняя Русь в средневековом мире: энциклопедия	111
<i>Боровков Д.А.</i> Древняя Русь в средневековом мире: энциклопедия	114
<i>Петрухин В.Я.</i> Кенааниты: Евреи в средневековом славянском мире / Jews and Slavs	116
<i>Рашковский Б.Е.</i> Кенааниты: Евреи в средневековом славянском мире / Jews and Slavs	120

НЕКРОЛОГИ

<i>Турилов А.А.</i> Памяти Олега Викторовича Творогова (1928–2015)	126
--	-----

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

М.А. РОБИНСОН (главный редактор),
И.Е. АДЕЛЬГЕЙМ, М.М. ВАЛЕНЦОВА, Г.К. ВЕНЕДИКТОВ, А.А. ГИППИУС,
В.И. КОСИК, М.В. ЛЕСКИНЕН, Г.Ф. МАТВЕЕВ,
В.В. МОЧАЛОВА, К.В. НИКИФОРОВ, В.Я. ПЕТРУХИН, А.С. СТЫКАЛИН,
Б.Н. ФЛОРЯ, О.В. ХАВАНОВА

А.С. Стыкалин (отв. секретарь)

Заведующие отделами: *И.Е. Адельгейм* (отдел литературоведения),
О.В. Белова (отдел культурологии), *М.М. Валенцова* (отдел лингвистики),
А.С. Стыкалин (отдел истории)

Зав. редакцией *Г.А. Михеева*

Сотрудники редакции: *Л.А. Авакова, Е.В. Пономарева, И.Ю. Веслова*

Адрес редакции: 119991, Москва, Ленинский пр-т, 32а
Телефон 8-495-938-01-20
E-mail: zhurslav@mail.ru

Рукописи принимаются в электронном виде с распечаткой (1 экз.) объемом: статьи не более 40 тыс. знаков, сообщения – до 30 тыс., рецензии – до 20 тыс. знаков. Статьи и сообщения должны сопровождаться краткой аннотацией (200–300 знаков) на русском и английском языках и ключевыми словами (5–7 слов).

Научный аппарат должен быть оформлен в соответствии с правилами, принятыми в журнале. Правила оформления см. на сайте: <http://inslav.ru>. Авторы должны предоставить сведения о степени, должности, электронную почту и контактный телефон.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

© Российская академия наук, 2016
© ФГУП «Академиздатцентр «Наука», 2016
© Составление. Редколлегия журнала
«Славяноведение», 2016

© 2016 г. Б.Н. ФЛОРЯ

СЛАВЯНСКИЙ МИР И ЕГО СУДЬБЫ В РАННЮЮ ЭПОХУ ЕГО ИСТОРИИ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ПОЛЬСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ МЫСЛИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XV – НАЧАЛА XVI ВЕКА

В статье показано, под воздействием каких факторов складывались в XV – начале XVI в. представления польских историков о происхождении славян, направлениях их миграций, месте первых славянских государств в славянском мире.

The article demonstrates which factors, in the fifteenth – early sixteenth centuries, influenced the formation of ideas of the Polish historians about the origin of the Slavs, destinations of their migrations, location of the first Slavic states in the Slavic world.

Ключевые слова: Происхождение славян, первые славянские государства, славянский мир.

Keywords: origin of the Slavs, first Slavic states, Slavic world.

На грани двух эпох – позднего Средневековья и Возрождения был создан значительный исторический синтез – «Анналы» Яна Длугоша. Исследователи справедливо отмечали его масштабный характер, когда для реконструкции прошлого было использовано большое количество не только польских, но и других источников, что было нетипично для предшествующей традиции (см. [1]).

Источниковедческое исследование начальной части труда Длугоша¹ показало, что он широко использовал польскую историческую традицию, но для эпохи раннего Средневековья не имел в своем распоряжении каких-либо неизвестных современникам исследователям древних источников. Вместе с тем эта традиция под пером краковского каноника подвергалась активной переработке, чтобы создать у читателя такое представление о прошлом, которое он считал правильным. Это делает «Анналы» важным памятником исторической мысли той эпохи, когда они создавались. В свою очередь авторы более поздних исторических сочинений в своем творчестве должны были отталкиваться от того представления о древнейших судьбах славянского мира и Польши, которое воссоздал в «Анналах» этот историк.

Создавая свой труд, Длугош должен был отталкиваться от предшествующей исторической традиции, прежде всего польской. Историческая традиция, на которую опирался Длугош, открывалась хроникой начала XII в. так называемого Галла Анонима. В введении к этому труду [3] Польша определялась как страна, занимающая северную часть земли, заселенной славянскими народами. Далее Галл пытался определить границы этого славянского мира, охватывающего ог-

Флоря Борис Николаевич – чл.-корр., зав. отделом Института славяноведения РАН.

¹Здесь надо прежде всего отметить не потерявшую своего значения работу Семковича [2].

ромную территорию от Балтийского моря, побережье которого заселено «дикими языческими народами», до Адриатического моря, где расположены Далмация, Хорватия и Истрия. Западная граница славянского мира отмечена такими германскими землями как Саксония и Бавария, а также владениями Венеции. Восточная граница у Галла не рисуется ясно. Он, правда, указывает, что восточным соседом Польши является Русь, но, определяя восточную границу славянского мира, он ограничивается словами, что она «тянется от сарматов». Больше этот античный этноним в хронике не упоминается и его содержание у Галла остается неизвестным. Древняя история славян, их происхождение, время появления предков поляков на польских землях, их отношения с другими возникающими славянскими народами – хрониста все это не интересует. Он начинает свое повествование с прихода к власти в Польше династии Пястов. В последующем изложении в описании походов Болеслава I и Болеслава II на соседние страны также отсутствуют какие-либо экскурсы в древнее прошлое.

Напротив, древняя история славян и предков поляков – лехитов заняла весьма заметное место в написанной на рубеже XII–XIII вв. хронике Винченца Кадлубка [4]. Блестяще образованный интеллект своего времени ставил целью связать героические деяния предков с главными событиями мировой истории, как она понималась в то время, т.е. историей античной. Поэтому в его труде говорится о войнах предков поляков – лехитов в древние времена с галлами, некогда завоевавшими полмира, а затем с Александром Македонским и Цезарем. Все эти войны закончились победой лехитов [Кадлубек, I, 3, 9.17].

В историческом повествовании отмечено, что после долгих войн галлы и лехиты поделили между собой земли. Галлы получили Грецию, а под властью лехитов оказалась территория, на границах которой находились около германских земель Каринтия, на юге – Болгария, на востоке край «партов» (парфян), этим названием Кадлубек обозначал господствовавших в XII – начале XIII в. в восточноевропейских степях половцев [Кадлубек, I, 3]. Все это достаточно близко к границам славянского мира, как они были очерчены в хорошо известной Кадлубку хронике Галла Анонима. Получалось, что уже в древние времена весь этот мир находился под властью лехитов.

Так стали намечаться определенные особенности формирующейся польской исторической традиции, связанные с представлением о первенствующей и господствующей роли лехитов в славянском мире.

В древнерусской исторической традиции Русь также выступала как держава, которой подчинены многие «языци», которые платят ей дань [5. Стб. 11], но власть древнерусских правителей не распространялась на другие славянские народы. В чешской традиции имелось представление о существовании в древности некой державы Святополка, которому подчинялись «Hungari, Bohemi, Russani Polonique» [6. S. 38]. Однако между этой державой и Чешским государством не было прямой связи, и действия чешских правителей не мотивировались стремлением эту державу восстановить.

Иную картину мы находим у Кадлубка. В его тексте говорится об избрании лехитами своим правителем Гракха-Крака, основателя Кракова. Далее довольно последовательно утверждается, что правители лехитов удерживали все эти территории под своей властью, совершая новые завоевания. Так, один из них, Лестко III, воевавший с Юлием Цезарем, подчинил не только «партов», но и земли, лежавшие за владениями «партов». Любопытно, что в том же рассказе земли такой ветви полабских славян, как лужицкие сербы, образуют часть владений Лестка [Кадлубек, I, 17]. Земли эти отпадали, но правители лехитов возвращали их под свою власть (как, например, Земовит, первый правитель династии Пястов [Кадлубек, II, 3]).

Более конкретное представление о державе «лехитов» дает рассказ Кадлубка о польском правителе Болеславе I Храбром, который сделал зависимыми от

Польши Поморье, Чехию, Русь, покорил венгров и хорватов. Западную границу державы он отметил железным столбом на р. Заале в Саксонии, восточную – мечом на Золотых воротах Киева [Кадлубек, II, 12].

Кадлубек ничего не сообщает читателю о последующей судьбе великой державы, как и о происхождении поляков, и о том, как и при каких обстоятельствах предки поляков пришли на территорию Польши. Первая попытка вписать происхождение славян в библейскую хронологию средневековых народов Европы была предпринята в таком историческом труде, как хроника Дзежвы, созданной в Кракове в начале XIV в. переработке хроники Кадлубка (об этом памятнике см. [7]). Здесь утверждалось, что поляки – потомки Иафета, сына Ноя, от которого, по средневековой традиции, происходили все главные европейские народы. Сыном Иафета был «Яван, которого поляки называют Иваном», а одним из его потомков был «Вандал, от которого пошли вандалиты, ныне именуемые поляками» [8. S. 163]. В библейских генеалогиях Яван считался предком греков, так устанавливалось родство поляков с одним из самых знаменитых народов древности. Имя «Вандал» в библейских генеалогиях привлекло внимание хрониста не случайно. Его главный источник Кадлубек указывал, что Висла в древности носила название *Wandalus*, а жившие на ней назывались вандалами [Кадлубек, I, 8].

Исследование выявило многочисленные текстуальные совпадения между хроникой Дзежвы и так называемой Великопольской хроникой [7. S. 79], историческим трудом, который приобрел окончательный вид во второй половине XIV в.² Несмотря на это в Великопольской хронике было предложено другое решение вопроса о происхождении славян (и лехитов, как одного из славянских народов) в рамках библейской генеалогии.

По утверждению автора, славяне и немцы происходят от братьев Януса и Куса – потомков Иафета. Утверждение о близком родстве немцев и славян не было случайным, и получило развитие в другой части введения, где утверждается, что славян и германцев связывают особо близкие и дружеские узы. Автор даже доказывает, что название «германи» обозначает одновременно и «тевтонов» (*deutschen*), и славян, как братьев, связанных родством происхождения. Как представляется, эти утверждения были направлены на то, чтобы обосновать равноправное положение славян и немцев среди европейских народов. Ссылаясь на «древние книги», автор утверждает, что Паннония, названная так по имени ее правителя – Пана, была колыбелью славянских народов. Королевой Паннонии была обитавшая на реке Сава царица Савская, навещавшая Соломона [10. S. 4–6]. Так, древняя история славян связывается с событиями библейской истории.

Из Паннонии вышли три сына Пана: старший – Лех, второй – Рус и третий – Чех, основавших три королевства – Лехитов, Русинов и Чехов, которые существуют и будут существовать впредь. Что побудило хрониста отойти от нарисованной Кадлубком картины существования единой мощной державы лехитов и предложить такую иерархию соотношений между тремя славянскими народами, остается во многом неясным³.

Вместе с тем влияние Кадлубка сказалось в том, что, по утверждению хрониста, «*totius superioritas imperii*» принадлежало лехитам. Образовавшиеся между Черным и Адриатическим морями различные «королевства» «*semper Lechitarum imperio [...] tribute reddebant*» [10. S. 6]. На востоке, кроме Руси, автор ничего не называет, и о походах польских правителей на кочевников в его повествовании ничего не говорится. Вместе с тем ему известен целый ряд таких объединений как на юг, так и на запад от Польши.

²Обзор дискуссии о времени написания и этапах формирования текста памятника см. [9. С. 12–19].

³Некоторые соображения на этот счет см. [11. С 52–53].

На юг от Польши упоминаются «королевство Болгар», Рашка (Сербия), королевство Далмация, созданное якобы царицей Савской. Очевиден самый общий характер сведений автора об этой части славянского мира. Гораздо более обстоятельны его сведения о соседствующих с Великой Польшей землях Поморья и полабских славян.

На землях полабских славян упоминаются раны, сорбы, кашубы, древняне, травуняне. Древнянам автор уделил особое внимание, отметив, что на их земле были основаны грады – Буковец (ныне – Любек), Хам (ныне – Гамбург) и Бре-мен. В другом разделе введения специально отмечено, что местные славяне в Любеке называют этот город Буковцем. Доказывая славянский характер этих племен, автор приводит славянские этимологии их названий [10. S. 5–6]. Очевидно постепенное изменение отношения к жителям Поморья и полабским славянам в польской исторической традиции. Для хрониста начала XII в. Галла Анонима это – языческие народы, не желающие принять христианство, «змеиный род», который заслуживает истребления. Кадлубка, малополянина, этот регион интересовал мало. Для создателя вводной части великопольской хроники, как видим, важно подчеркивать славянский характер населения этого региона. В восьмой главе хроники доказывается славянский характер названий существующих на этих землях городских центров, которым их современные владельцы дают новые названия. Во введении к труду отмечается, что эти земли были подчинены и включены в состав Священной Римской империи, но, как утверждается в труде, ранее в древние времена дело обстояло иначе. В этих землях правила сыновья правителя лехитов, Лестко III, а потом – их потомки (гл. 4, 8). Так утверждался не только славянский характер этого региона, но и его историческая связь с державой лехитов. Представляются заслуживающими внимания соображения, что появление таких комментариев и эскурсов связано с политикой короля Казимира Великого, направленной на укрепление связей между Польшей и Западным Поморьем⁴.

«Великопольская хроника», следуя в изложении событий повествованию Кадлубка – главного и наиболее авторитетного источника, дополнила его в двух важных местах. Если у Кадлубка все главные события разворачивались в Малой Польше, в основанном Гракхом-Краком Кракове, то в «Великопольской хронике» Лех привел поляков в Великую Польшу, где он основал Гнезно – позднейшую церковную столицу Польши.

Другой важный момент – описание исторических судеб державы лехитов. Возможно, Кадлубек, обходя молчанием эту сторону дела, питал надежды, что такая держава будет восстановлена, но в XIV в. было уже ясно, что этого не произойдет. И читателю следовало объяснить, почему эта держава прекратила свое существование.

Согласно его повествованию, правитель лехитов Лестко III, современник Цезаря, раздал различные земли во владение 20 своим сыновьям от жен и наложниц и «над морем полночным» и на юге (гл. 4). Когда пришел к власти Земовит, представитель новой династии Пястов, потомки Лестка отказались подчиняться его власти и вопреки более ранним утверждениям Кадлубка ни он, ни его преемники не сумели добиться восстановления прежней державы. Тогда отпали Рашка, земли между Тисой, Дунаем и Моравией, Славония и Каринтия и многочисленные княжества на землях полабских славян (гл. 8). Такую реконструкцию событий автор осуществил, основываясь на горьком опыте наблюдений над поведением польских князей в XIII–XIV вв. Затем, по утверждениям автора, на рубеже X–XI вв. Болеслав Храбрый восстановил прежние границы державы лехитов: на Днепре, на Тиссе и Дунае и на реке Заале, «плывущей к морю полночному». На

⁴ См. соображения Б. Кюрбис во вводной статье к изданию польского перевода «Великопольской хроники» [12. S. 30–31, 35].

границе с Вестфалией он поставил тогда город Бремен, который, как следует из его названия, должен был нести бремя обороны западных границ державы лехитов (гл. 11). О конце державы говорится бегло. Когда в 30-е годы XI в. в Польше не стало короля и, по преданию, отправились искать своего наследника в далекой Франции (гл. 12), большая часть этих земель разорвала отношения с державой лехитов. Правда, в дальнейшем повествовании говорится о стараниях Болеслава II во второй половине XI в. вернуть прежние границы державы лехитов. Вслед за Кадлубком автор рисует картину его завоеваний, пополняя ее все новыми деталями. Рассказ Кадлубка о походе Болеслава II на Киев, где он своим мечом снова отметил древнюю границу [Кадлубек, II, 18] в «Великопольской хронике», превратился в многолетнюю войну, завершившуюся подчинением русских земель и установлением их правителем одного из польских вельмож (гл. 13). Успешный поход на Венгрию в тексте хроники мотивировался желанием восстановить границу по Дунаю и Тиссе, и эта цель была успешно достигнута (гл. 13). Дальше обсуждение темы прекратилось, очевидно, потому, что с низложением Болеслава II эти завоевания были потеряны. Таким образом автор текстов «Великопольской хроники» дал своеобразную трактовку тезису Кадлубка о мировой державе лехитов, выделив на этом огромном пространстве ряд регионов, на историческую связь которых с Польским государством он прежде всего обращал внимание читателя.

От этой исторической традиции должен был отталкиваться Ян Длугош, приступивший в середине XV в. к написанию своих «Анналов». Как показало исследование сохранившейся рукописи, текст, содержащий описание событий древнейшей истории славянского мира и Польши, был написан на рубеже 50–60-х годов XV в., а далее подвергался разного рода переделкам и дополнениям [13. С. 25–26, 30–31].

Ян Длугош не без основания рассматривается исследователями как человек, во многом принадлежавший еще к миру средневековой культуры [14. S. 75]. Однако следует учитывать, что он принадлежал к той части культурной элиты польского общества, которая все более ориентировалась на то, чтобы добиться европейского признания результатов своей работы, как отвечающих по ее представлениям общеевропейскому культурному уровню [15]. И уже это обстоятельство, как и знакомство Длугоша с широким кругом разнообразных памятников, а в их числе и со свидетельствами античных авторов (Длугош был внимательным читателем «Истории» Тита Ливия и ряда других античных авторов, тексты которых он привез из Италии [16. S. 27]) не могли не влиять на его отношение к исторической традиции.

Поэтому его реконструкция событий древнейшей истории заметно отличается от реконструкции Кадлубка. В его повествовании не говорится о войнах лехитов с галлами, когда лехитам досталась вся Европа между Балтийским и Адриатическим морями, ни о войнах древних польских правителей с Александром Македонским и Цезарем.

Займствуя из хроники Кадлубка имена первых польских правителей, Ян Длугош не утверждал что-либо определенного о времени их жизни. Смерть одного из них он предположительно связывал с записью, восходившей к каролингским анналам, о смерти некоего князя Леха в войне с войсками Карла Великого в 805 г. [17. Lib. I–II. S. 95]. Попытки связать события польской и античной истории присутствуют и здесь, но делаются очень осторожно. Так, говоря о Краке-Гракхе, хронист ограничивается тем, что «некоторые» говорят, что он происходил из римского рода Гракхов, но сам на этом не настаивает [17. Lib. I–II. S. 124]. Лишь в конце его повествования об этом персонаже встречается утверждение, что, возможно, он был римлянином, так как его могила похожа на могилу Ромула [17. Lib. I–II. S. 127].

Лестко I побеждает не войска Александра Македонского, а врагов, пришедших из Паннонии и Моравии [17. Lib. I–II. S. 134–135]. Лестко III также воевал не с Цезарем, а помогал жителям Паннонии – славянам в их борьбе с жителями Греции и Италии [17. Lib. I–II. S. 142]. Такая реконструкция событий не должна была вызвать возражений европейских знатоков древней истории.

Можно отметить и другую особенность построений Длугоша. Стремясь сохранить принципиально важные моменты традиции, которые могли вызвать возражение, как описание «чудесных» событий, Длугош стремился указать для них параллели в памятниках, созданных в других регионах Европы.

Так, рассказывая о гибели правителя Попеля, умерщвленного мышами за свои преступления, он указывал на известия западных хроник о смерти в 899 г. императора Арнульфа, заеденного вшами [17. Lib. I–II. S. 156]. Рассказывая о чудесном умножении гостями пищи и питья при посещении родоначальника новой княжеской династии – Пяста, Длугош указал на сходные сюжеты в житиях таких европейских святых, как св. Ремигий и Герман Оксеррский [17. Lib. I–II. S. 164–165]. Если Длугош должен был удалить из своего изложения легенды, несостоятельность которых обнаруживалась при их сопоставлении со свидетельствами античных авторов, то одновременно перед ним вставала задача использовать эти свидетельства для описания древней истории поляков. И здесь его внимание не могли не привлечь упоминания «сарматов» и «Сарматии», наименование Карпатских гор – «Сарматскими Альпами», а Балтийского моря – «Сарматским океаном»⁵. Исходя из того, что поляки были автохтонным народом, поселившимся на своих землях в незапамятные времена, Длугош пришел к выводу, что древние авторы называли Польшу Европейской Сарматией, а поляков – сарматами [17. Lib. I–II. S. 89]. Вместе с тем он не предпринял дальнейших разысканий, не пытался собирать сведения о сарматах у античных авторов (например, о происхождении сарматов от амазонок) [18. S. 31], а ограничился лишь кратким сообщением, что сарматы воевали с римскими императорами – Тиберием, Валентинианом [17. Lib. I–II. S. 106].

Такой видный деятель складывавшегося во второй половине XV в. ученого гуманистического содружества, как Эней Сильвий Пикколомини скептически отзывался о предпринимавшихся в Средневековье поисках генеалогий различных европейских народов (основанных как на поисках в тексте Библии, так и на других преданиях) [6. S. 14]. Длугош держался в этом вопросе совсем другой позиции. В отличие от предшественников Длугош уделил особое внимание вопросу о происхождении славян. Для него, во многом остававшегося человеком Средневековья, место народа в сообществе народов латинской Европы находилось в тесной связи с местом его предполагаемых предков в генеалогии потомков Ноя. То, что он мог найти у предшественников, не могло его удовлетворить. Кадлубек не уделил этому вопросу никакого внимания. Автор хроники Дзежвы ограничился кратким сообщением. Автор вводной части «Великопольской хроники» говорил, с одной стороны, о происхождении славян и германцев от братьев Яна и Куса, потомков Иафета, ссылаясь на «Этимологии» Исидора Севильского, где такого свидетельства нет⁶, а с другой стороны, о происхождении славян от некоего Слава, отношение которого к генеалогии потомков Ноя остается неясным [10. S. 5]. Во введении Длугош с беспокойством писал о появлении в Европе стремлений унижить «Polonorum gens», когда утверждается, что славяне происходят от Хама [17. Lib. I–II. S. 54]. Такие утверждения исходили от враждебных Польше сановников Тевтонского Ордена [19. S. 478].

Поэтому в самом начале повествования Длугош нашел нужным отметить, что потомки Хама живут в Африке, а потомкам Иафета отведена «Евгвора universa». Ука-

⁵ О происхождении таких обозначений у Длугоша см. [18. S. 28–30].

⁶ См. комментарии Б. Кюрбис к польскому переводу хроники [12. S. 50].

зания автора хроники Дзежвы на Вандалуса – предка поляков, возможно, побудили Длугоша обратиться к такому древнему тексту, как «История бриттов» Ненния (IX в.), где рассказывалось, как в Европу пришел потомок Иафета Алан с тремя сыновьями – Арменоном, Исционом и Негно, которые стали родоначальниками многих европейских народов. Третий сын Алана Негно считался родоначальником ряда германских общностей. Его сыновьями были Wandalus, Saxo, Vavarus, к которым в переработке текста Ненния в XII в. прибавился Taringus⁷. Длугош сделал Негно предком славянских народов. Такая инициатива сразу вводила славян в семью европейских народов, как равноправных членов. Ведь от старшего сына Алана – Исциона происходили «Franci, Romani et ceteri Latini i Alemanni», а от второго сына – Арменона – Готы и Лангобарды [17. Lib. I–II. S. 68–69].

Превращение Негно в предка славянских народов было связано с тем, что его старший сын носил имя Wandalus. Следуя утверждениям хроники Дзежвы, Длугош сделал Вандала прародителем поляков, его потомками была заселена также «tota Ruscia» и земли полабских славян. Что касается других славянских народов – жителей Чехии и южных славян, то они объявлялись потомками третьего сына Негна – Saxo [17. Lib. I–II. S. 69] (подробнее о работе Длугоша над этим разделом его труда см. [21]). О южных славянах Длугош знает гораздо больше, чем автор вводной части «Великопольской хроники». Кроме Болгарии, Сербии, Далмации он упоминает Хорватию и Боснию, говорит о расселении славян на побережье Адриатического моря и на островах [17. Lib. I–II. S. 69]. Сказались, вероятно, путешествия Длугоша в Италию, которые шли, возможно, через южнославянские земли.

Вместе с тем, объявляя поляков потомками первого сына Негно, а чехов и южных славян – потомками третьего, Длугош явно утверждал тем самым первенствующую роль Польши и поляков в славянском мире. Почему потомками Вандала наряду с поляками оказываются «русские» и полабские славяне, станет ясно из последующего изложения.

У Длугоша также Паннония фигурирует как прародина славянских народов [17. Lib. I–II. S. 69]. Здесь совпадали данные «Великопольской хроники» и известных Длугошу древнерусских летописей [22. С. 258]. Такое представление вписывалось в картину расселения народов из древней Месопотамии по всему миру. Для поляков такой путь мог вполне идти через Паннонию.

А далее налицо расхождение между Длугошем и его главным предшественником – Кадлубком. Во вступлении Длугош упоминает магистра Винцента, как своего главного предшественника. Когда Длугош в 60-е годы XV в. приступил к написанию «Анналов», хроника Кадлубка пользовалась в Польше широким признанием, и на ее основе читались лекции на разных факультетах Краковского университета (см. [23. S. 12–80, 108, 110]). Однако с момента поселения славян в Паннонии повествование обоих хронистов расходится. Длугош не пишет ничего ни о войнах лехитов с галлами, ни об образовании державы лехитов на землях между Балтийским морем и Адриатическим. Напротив, он пишет о начавшихся на землях Паннонии междоусобных войнах, что заставило сынов Яни, потомка Иафета, Леха и Чеха, покинуть эту страну в поисках новых мест обитания [17. Lib. I–II. S. 70]. Сам рассказ об их уходе дает новые свидетельства интереса Длугоша к южнославянским землям. Братья, по его словам, жили на реке на границе между Хорватией и Славонией в крепости Псары, где можно наблюдать остатки их построек [17. Lib. I–II. S. 71]. Однако эти знания не побуждали Длугоша искать связи между этими южнославянскими землями и Польским государством.

Здесь внимание Длугоша привлекала, пожалуй, только Паннония и ее славянское население. Так, он рассказывает о победе главы лехитов Крака над галлами в Паннонии [17. Lib. I–II. S. 124]. Далее в повествовании говорится о войне лехитов

⁷ См. комментарий издателей польского перевода Длугоша [20. S. 92–93].

с жителями Паннонии и победе правителя лехитов Лестко [17. Lib. I–II. S. 134]. Вместе с тем Лестко помогал славянам Паннонии в их борьбе с греками и римлянами, пытавшимися подчинить их своей власти [17. Lib. I–II. S. 142]. К сказанному можно присоединить лишь свидетельство, читающееся в рассказе о Лехе и его потомках, что при императоре Маркиане (в середине V в.) у поляков появился правитель, который завоевал Болгарию и хотел занять и Паннонию [17. Lib. I–II. S. 87]. И этим упоминания о землях к югу от Польши и ограничиваются. Следует также отметить, что Длугош не воспроизводит рассказы предшественников о походах Болеслава I и Болеслава II на юг и о границах Польского государства на Дунае и на Тисе, возможно, потому, что он был приверженцем венгеро-польского союза и так рассматривал историю отношений между Польским и Венгерским государствами в прошлом (см. [24. С. 59–60]).

Совсем иным было отношение Длугоша к землям полабских славян, которые вызывали такое значительное внимание автора вступительной части «Великопольской хроники». Уже в самом начале труда определяя границы Европы, Длугош отметил на ее северной границе Сарматское море, которое называется так потому, что на его берегах находились «regiones et urbes» сарматов – поляков. Из них Длугош сразу называет Любек (Буковец) и Гданьск [17. Lib. I–II. S. 67]. Таким образом, на этих землях живут «поляки» и Любек – польский город.

И, если Длугош не говорит о державе лехитов, охватывающей весь славянский мир, это не значит, что в славянском мире не существовало областей, с которыми Польшу связывали особые отношения.

Одним из таких регионов были, как уже отмечено выше, соседившие с Польским государством земли полабских славян и Поморья. По отношению к ним автор воспроизводил, уточнял и дополнял высказывания, содержащиеся в «Великопольской хронике».

Он отмечает, что, расселяясь с польской территории, предки поляков заселяли земли «usque ad Almaniā», где они приобрели разные названия – Древняне, Кашубы, Поморяне, Сорбы, но все они подчинились власти правителя поляков Леха и его потомков и выплачивали им «tributa» [17. Lib. I–II. S. 117]. Вслед за «Великопольской хроникой» он говорит о передаче Лестко III этих земель в управление своим 20 сыновьям, которых он подчинил верховной власти правителя поляков и они принесли соответствующую присягу. Эти князья основали на переданных им землях много городов и крепостей [17. Lib. I–II. S. 142–143]. В дальнейшем указывается, что посланные в эти земли сыновья Лестко III постоянно помогали своему старшему брату – Попелю в борьбе с врагами [17. Lib. I–II. S. 145].

Вслед за «Великопольской хроникой» Длугош говорит о приходе к власти в Польше новой династии Пястов и отпадении земель полабских славян от Польского государства. Их правители отвергли «tributarium et feudale iugum» [17. Lib. I–II. S. 164], т.е. отказались уплачивать дань и принести ленные присяги. Однако позднее Болеслав Храбрый сумел подчинить своей власти князей – потомков Попеля. Так он объединил под своей властью земли, «quas ab origine Poloni, qui et Slavi, populaverant» [17. Lib. I–II. S. 271–274]. В дальнейшем эти земли подверглись немецкому наступлению, но сын Болеслава, Мешко II, не оказал им поддержки, и в результате одни княжества подчинились власти императора, а другие были захвачены [17. Lib. I–II. S. 304–305].

Еще более четко и определенно, чем автор «Великопольской хроники», Ян Длугош подчеркивает изначальную связь полабских славян с Польским государством и польским народом. Правда, теперь находившиеся некогда на этих землях «principes, optimates, nobiles et proceres» истреблены немцами, но в сельской местности по-прежнему продолжают жить славяне. Эти люди, как Длугош отмечает дважды, говорят именно на польском языке, хотя он несколько испорчен благодаря постоянному общению с немцами [17. Lib. I–II. S. 117, 142–143].

Как известно, Я. Длугош был активным участником мирных переговоров с Тевтонским Орденом, завершивших так называемую Тринадцатилетнюю войну, когда к Польскому государству было присоединено Восточное Поморье. На переговорах польская сторона доказывала польский характер населения этой территории и ее историческую связь с Польским государством [25. S. 660–662, 666, 677–678, 697–703, 710]. Неудивительно, что в этих условиях свидетельства «Великопольской хроники» привлекли особое внимание Длугоша, который старался уточнить их и дополнить, чтобы еще более ясно и определенно показать их историческую связь с Польским государством. Вместе с тем обращает на себя внимание, что интерес к историческим судьбам полабских славян не сопровождался каким-либо накоплением знаний об их прошлом. Само утверждение о том, что эти земли были завоеваны немцами в годы правления Мешко II (1025–1034) говорит об этом со всей очевидностью⁸.

Другой регион славянского мира, связь которого с Польшей подчеркивалась в «Анналах» Длугоша, это – Чехия. Такая связь подчеркивалась в предшествующей не только польской, но и (более осторожно) в чешской исторической традиции. В «Великопольской хронике» Лех и Чех – родные братья; о том, что Лех, возможно, был братом Чеха, говорилось и в известной Длугошу чешской хронике Пулкавы (разбор соответствующих свидетельств см. [22. С. 142–145]; об использовании Длугошем хроники Пулкавы см. [26. S. 13–25]). Длугош отдал предпочтение версии «Великопольской хроники», где Лех был старшим братом Чеха, но и отметил, что именно от старшего брата он получил ту землю, на которой он поселился [17. Lib. I–II. S. 71]. Так утверждалась первенствующая, руководящая роль Польши по отношению к Чехии.

Польская историческая традиция, у истоков которой стоял Кадлубек, знала мудрого правителя поляков Крака – основателя Кракова. Чешская традиция, начиная с «Хроники» Козьмы Пражского, говорила о мудром судье чехов Крое, обитавшем в граде у деревни Збечно. Пулкава, обративший внимание на параллелизм повествования, характеризовал их, как родных братьев, один из которых жил в Польше, а с другой – в Чехии [26. S. 62]. Этот рассказ Длугош также существенно изменил. У него читается, что благодаря заслугам мудрого Крака чехи подчинились его власти, и он дал чехам законы [17. Lib. I–II. S. 124–125]. Таким образом, не основатель чешской династии Пржемысл I дал чехам законы, как утверждала чешская историческая традиция, а мудрый правитель поляков.

В дальнейшем при характеристике событий чешской истории перед Длугошем возникла определенная проблема. Следуя своим источникам, он отметил, что князь чехов Борживой и его жена св. Людмила приняли христианство в конце IX в. (крещены самим Мефодием), внук Борживоя св. Вацлав в первой половине X в. стал святым и совершил многие чудеса [17. Lib. I–II. S. 173] (об источниках сообщений Длугоша см [26. S. 63–64]). Получалось, что чехи приняли новую христианскую религию гораздо раньше поляков. Отрицать это Длугош не мог, но затратил немалые усилия, доказывая, что этот исторический факт не дает Чехии каких-либо преимуществ по сравнению с Польшей.

С этой целью в «Анналах» включаются обширные извлечения из Жития св. Войтеха – пражского епископа, который пытался добиться, чтобы чехи следовали христианским обычаям, но не преуспел в этом и был вынужден покинуть свою страну. Далее Длугош рассказывает о том, что после этого чехи убили братьев Войтеха и истребили все население их города Либице. В этой связи в тексте Длугоша говорится, что его поражает «*gentis Bohemicae [...] feritas*», они поступили хуже зверей [26. S. 207]. Наконец, в повествование включены речи самого

⁸ В «Великопольской хронике» говорилось о том, что полабских славян подчинил своей власти император Генрих, но не устанавливалось – когда [10. S. 6]. Длугош, по-видимому, решил, что речь идет об императоре Генрихе II, современнике Болеслава Храброго. Каких-либо других сведений у него явно не было.

св. Войтеха, нашедшего приют в Польше, что, хотя «Poloni posteriores Christiani quam Bohemi», именно они и являются настоящими христианами, а не чехи, которые ненавидят католические обычаи [26. S. 212–213]. Длугош не упустил сообщить читателю, что польские епископства основаны раньше, чем пражское, и польская церковь никогда не впадала в заблуждения [26. S. 189] (очевидный намек на гуситскую Чехию). Одновременно Длугош указал на польские заслуги в деле распространения христианства в Центральной Европе. В «Анналах» помещен обширный рассказ, как сестра Мешко I Аделаида убедила венгерского правителя Гейзу и его баронов принять христианство и стала матерью «апостола венгров» – св. Стефана [26. S. 182–183].

Серия известий о чешской истории X в. завершается рассказом об анархии, установившейся в Чехии после смерти князя Болеслава II, когда Мешко I с войском пришлось предпринять поход в эту страну, чтобы осуществить «ordinatio Bohemiarum rerum» [26. S. 221]⁹.

В свете этих высказываний Чехия выступала как близкая страна, которая все время сходит с правильного пути, но может найти его под польским руководством. На такой характер освещения ранней истории Чехии и чешско-польских отношений наложила отпечаток, как представляется, политическая конъюнктура того времени, когда в начале 60-х годов XV в. Длугош работал над первой редакцией ранней части «Анналов». В это время влиятельные круги в Польше, с которыми был связан Длугош, разрабатывали планы возвращения гуситской Чехии на правильный путь при направляющем польском содействии. В 1451 г. покровитель Длугоша краковский епископ Збигнев Олесницкий призывал знаменитого проповедника Иоанна Капистрана направиться в Чехию для обращения гуситов, чтобы «народ чешский, знаменитая часть славян», вернуться к истинной вере. «Мы так же хотим им добра, – писал епископ, – как и себе самим» [27. S. 93–94]. В 60-х годах XV в. шли переговоры о том, чтобы наследником чешского короля Иржи из Подебрад стал польский принц, старший сын короля Казимира IV, Владислав, который и вступил на чешский трон в 1471 г. [28. S. 143–146]. Вопрос об избрании Владислава активно обсуждался во время работы Длугоша над ранней частью «Анналов». Чехия после пережитых тяжелых пертурбаций входила в благоприятную для нее зону польского политического влияния, и Длугош указывал подобные ситуации в историческом прошлом.

Хорошо известно, что в труде Длугоша заметное место заняло прошлое древнерусских земель и что он, по собственному признанию, изучил славянский алфавит, чтобы читать древнерусские летописи. Такое внимание к прошлому Древней Руси вовсе не было характерно для предшествующей Длугошу польской исторической традиции. В этой традиции Древняя Русь воспринималась, как некое особое целое, с которым польские правители время от времени вступали в те или иные контакты, но это была земля более далекая, чем Чехия или земли полабских славян. Положение изменили события второй половины XIV в.: захват Казимиром Великим Галицкой Руси и заключение в 1386 г. так называемой Кревской унии между Польшей и Великим княжеством Литовским, в состав которого входило большое количество древнерусских земель. Как бы ни понимать содержание этого акта, для польских правящих кругов это был акт инкорпорации Великого княжества Литовского в состав Польского королевства. Хотя на практике такая инкорпорация, как известно, не была осуществлена, выполнение этого соглашения стало важной задачей внешней политики польских правящих кругов.

О том, что такая политика полностью разделялась Длугошем, говорит помещенное в первой книге «Анналов» географическое описание Польского королевства. На территории Польши, как от отмечал, находятся семь рек – среди

⁹ Подобного рассказа нет ни в польской, ни в чешской исторической традиции, предшествующей Длугошу.

них Днестр, Буг, Днепр, Неман [17. Lib. I–II. S. 73–87]. Перечисляя «*civitates et oppida Poloniae*», Длугош упоминает среди них Киев, Вильно, Луцк [17. Lib. I–II. S. 111–113]. Поскольку многочисленные древнерусские земли рассматривались как часть Польского королевства, становилось необходимым дать в обобщающем историческом труде изображение их прошлого.

Был налицо и другой важный фактор, действие которого, как представляется, должно было наложить отпечаток на изображение этого прошлого в труде Длугоша. Главной силой, которая воспрепятствовала инкорпорации Великого княжества Литовского в состав Польского королевства, была, как известно, литовская знать. С этим, как представляется, было связано отмечавшееся в научной литературе (см., например [29. S. 48–49]), враждебное отношение Длугоша к литовцам, которое нашло отражение в его «Анналах». Для Длугоша литовцы – дикие варвары («самые примитивные среди народов Севера»), которых поляки приобщили к вере и спасли от истребления крестоносцами, а те оплатили за это черной неблагодарностью, отказавшись войти в состав Польского королевства (подробнее об отношении Длугоша к литовцам см. [24. С. 66–67]).

Вместе с тем источники 30-х – начала 50-х годов XV в. позволяют отметить ряд попыток оторвать от Великого княжества Литовского отдельные древнерусские земли и присоединить их к Польскому государству. Попытки эти предпринимались малопольской знатью во главе с патроном Длугоша Збигневом Олесницким [30. С. 136–137; 31. S. 293, 302–304, 322–324, 339–340, 345–346, 383]. При этом учитывалось, что на территории бывшей Галицкой Руси – в Русском воеводстве Польского королевства на местную «русинскую» шляхту уже в 1435 г. были распространены все права польской шляхты, и она стала активно участвовать в работе местных сеймов и сеймиков [32. S. 228–230]. Подобные планы, как известно, в значительной мере были реализованы при заключении Люблинской унии 1569 г.

Как представляется, реконструкция Длугошем картины прошлого древнерусских земель должна была способствовать созданию условий для осуществления подобных планов.

Рассказ о прошлом русских земель начинается с записей в разных местах описания Польского королевства, где затрагивался вопрос о происхождении восточных славян. В известных Длугошу древнерусских летописях говорилось только о том, что славяне, поселившиеся на Днепре и других реках Восточной Европы – потомки Иафета [5. Стб. 3–6]. В других источниках были налицо две разные версии. Согласно «Великопольской хронике», Лех и Рус были родными братьями [10. S. 4], а в хронике Пулкавы говорилось, что Русь, Померанию, Кашубию заселили потомки Леха [33. S. 5]. Именно этой версии отдал предпочтение Длугош. В необитаемой стране первым поселился потомок (*parens*) Леха Рус, по имени которого страна и была затем названа. Длугош специально опровергает утверждение, что Рус был не потомком, а братом Леха. В подтверждение правильности своей версии он указывал, что в «русских анналах» говорится о происхождении (русских правителей?) из рода Леха [17. Lib. I–II. S. 87, 89]. В основном повествовании говорится, что люди ушли на новые места обитания, когда в Польше после прекращения династии Леха начались внутренние конфликты и смуты – «*habebant autem nationes Ruthenorum ex Polonis descendentes*» [17. Lib. I–II. S. 121].

Современный исследователь справедливо отмечает, что никаких «русских анналов», говорящих о происхождении русских «от рода Леха», не существует, и видит в изысканиях Длугоша обоснование притязаний Польского государства на русские земли [34. С. 60–61]. Конечно, вводя такие изменения в уже существующую традицию, Длугош отказывался рассматривать Русь, как некое особое целое, равноценное Польше или Чехии, и тем подчеркивалось более высокое место его собственной страны. Но у медали была и другая сторона. В отличие от «варваров» – литовцев «русские» провозглашались частью польского народа, некогда

покинувшей место первоначального обитания. А это означало, что при возвращении в состав этой родины они могут рассчитывать на полное равноправие с ее жителями¹⁰.

Избранной линии Длугош держался и далее, используя в повествовании русские летописные тексты, восходящие к «Повести временных лет». Здесь он обнаружил, что жители Среднего Поднепровья называли себя «полянми», как и древние «поляки», что такие восточнославянские племена, как радимичи и вятичи произошли «от ляхов» [34. С. 60–61].

Констатируя идентичность одних и других «полян», предводителей днепровских полян Кия, Щека и Хорива Длугош называет польскими князьями, которые подчинили себе многие местные племена и их потомки правили много лет, пока у власти в Киеве не оказались родные братья – Аскольд и Дир. Хорошо известно, что согласно русской летописной традиции, род Кия пресекался, а Аскольд и Дир были пришедшими на Русь варягами [5. Стб. 16, 20–21] (о чем определенно говорит имя одного из них), но Длугош изменяет традицию, чтобы говорить о долгом правлении в Киеве польской династии. Эти князья были коварно убиты по приказу сына Рюрика – князя Игоря, и возмездием за это стало убийство Игоря древлянами, «iniurias non ferentibus» [17. Lib. I–II. S. 121–122]. Такое построение позволяло утверждать, что новая династия пришла к власти над восточнославянскими землями незаконным путем, отстранив от власти законную династию польского происхождения [34. С. 87–88].

Вместе с тем, поскольку «русские» были частью «польского» народа, то их достойные, значимые деяния заслуживали отражения на страницах «Анналов». Так, здесь был помещен рассказ о потомке Руса Одоакре, который с «русским войском» (*cum Ruthenorum copiis*) во второй половине V в. захватил Рим и 14 лет правил Италией [17. Lib. I–II. S. 90] (о происхождении рассказа см. [13. С. 371–372]). Исторический Одоакр принадлежал к германскому племени ругиев, но Длугош считал его «русским» и поэтому поместил рассказ о нем в «Анналах».

В его труде мы читаем и о других важных деяниях, имевших место в Древней Руси – крещении Ольги, походе Святослава в Болгарию. В нем помещено и повествование о крещении Руси, достаточно точно воспроизводившее летописные тексты в их основных моментах [17. Lib. I–II. S. 200–207] (см. также [13. С. 378–379]).

Важный компонент в польской исторической традиции о событиях XI в. занимают рассказы о походах польских правителей Болеслава I и Болеслава II на русские земли. По мере эволюции традиции постепенно усиливалось представление об их размахе и последствиях, все сильнее подчеркивалось превосходство польских правителей и воинов над русскими князьями и их войском¹¹. Вся эта традиция была усвоена и воспроизведена Длугошем. Один из мотивов его повествования – сила и могущество польского войска, сопротивление которому может привести к тяжелым последствиям. Киев – город «огромный» и «богатый», в котором было некогда триста церквей, после взятия его войсками Болеслава I, несмотря на все усилия русских правителей сохраняет «знаки совершившегося тогда разрушения» [17. Lib. I–II. S. 263]. Победив русских князей, Болеслав «подчинил своей власти и вечной власти Польского королевства большую часть русских земель [...] расположенную около Киева» [17. Lib. I–II. S. 269].

В польской исторической традиции заметное место занимала тема границ Польского королевства, установленных Болеславом I, которых потом старались достичь его преемники. Границы эти Болеслав означал памятными знаками – по свидетельству Хроники Галла Анонима западная граница была отмечена желез-

¹⁰ В подготовленном к 30 октября 1432 г. особом привилее для Волыни, указывалось, что князья и бояре этой земли получат все права и привилегии польской шляхты [31. S. 303].

¹¹ Показательным в этом плане может быть сравнение рассказов о походе Болеслава II на Русь в хронике Галла Анонима и в «Великопольской хронике».

ным столпом на границе с Саксонией [3. I, 6]. Кадлубек видел в ударе меча Болеслава I по золотым воротам Киева [Кадлубек. II, 12] символический знак установления восточной границы государства.

Тема получила дальнейшее развитие у Длугоша. В описании польских рек он поместил сообщение о том, что на реке Осса, на границе между Польшей и землями пруссов, Болеслав Храбрый поставил «железную колонну» [17. Lib. I–II. S. 77]. И на восточной границе польский правитель поставил три железных столпа в том месте, где река Сула впадает в Днепр [17. Lib. I–II. S. 263] (об этом известии, как вымысле Длугоша, см. [13. С. 382]). Река Сула впадает в Днепр значительно южнее Киева и этим указанием Длугош дополнительно подкреплял свое утверждение, что земли вокруг Киева подчинялись власти первого польского короля.

Вместе с тем в повествовании Длугоша наряду со следованием за основными линиями традиции обнаруживается ряд характерных отступлений, к сожалению, не отмеченных, не выделенных ни в русском комментарии к известиям Длугоша, ни в исследовании Д.В. Карнаухова. Здесь читаем, что Болеслав I «по отношению к побежденным и пленным русским [...] держал себя больше как отец, нежели как победитель» и он «столь подкупил сердца русских, что они, превознося его доблесть и честность, осыпали его великими похвалами». Далее читаем, что «князья и народы Руси, покоренные мягкостью и добродетельностью польского короля Болеслава более, чем оружием, сохраняли верность и тщательно соблюдали все договоры» [17. Lib. I–II. S. 282].

Таких высказываний предшествующие исторические тексты не знали, у Длугоша они не единичны. Важное место в польской исторической традиции занимало положение, что после временного упадка правнук первого короля Болеслав II вернул Польскому государству его установленные предком границы, подчинив, в частности, русские земли. Эта традиция в основных чертах воспроизведена и насыщена новыми красками Длугошем. Свидетельства его предшественников дополнены и ссылкой на некие наследственные права, которые Болеслав II приобрел благодаря своему рождению и браку [13. С. 394].

И одновременно в повествовании Длугоша об этих походах также появляется ряд акцентов, неизвестных его предшественникам. Так, в сочиненном им рассказе о взятии Болеславом II крепости Вольнь говорится, что благодаря «милосердию» Болеслава II было достигнуто соглашение о сдаче на почетных условиях: кто предпочитает, может уйти, а тот, кто останется, получит возможность нести в крепостях военную службу «*equo iure cum Polonis*» [17. Lib. I–II. S. 111] (об этом рассказе, как сочиненном Длугошем, см. [13. С. 396]). Рассказ о сдаче польским войскам самой русской столицы – Киева заканчивался словами, что Болеслав обещал жителям города «благосклонность и милость», и это было выполнено на деле, когда он карал смертной казнью воинов, учинивших насилие или посягнувших на чужое имущество. В результате по собственной воле жители Киева поднесли «*amplissima munera*» и королю, и его войску [17. Lib. III–IV. S. 120].

Под 1090 г. в «Анналах» помещен рассказ о том, как русские земли, подчинявшиеся власти Болеслава II и его сына Мешко «*paterno maternoque iure*» после смерти Мешко отделились от Польского государства, изгнав со своей территории польские войска. Длугош замечает, что русские выступили против польской власти «*non tam ex iniusto et avaro regimine*», а из-за различий обряда и веры [17. Lib. III–IV. S. 168] (о вымышленном характере этого рассказа см. [13. С. 405]).

Таким образом, с одной стороны, читателю доказывается, что польская власть сильна и могущественна, и борется с ней бесполезно, а с другой стороны, возможно не столь ярко, но достаточно последовательно проводится мысль, что в Польском государстве его новым жителям – «русским», некогда отделившимся от польского народа, будет обеспечено справедливое и равноправное существование. Связь такой трактовки прошлого с определенными внешнеполитическими

планами той части польских правящих верхов, к которым хронист принадлежал, представляется достаточно очевидной.

Религиозному фактору Длугош придавал весьма серьезное значение, говоря о различиях церквей даже по отношению к эпохе, когда еще не произошло разрыва между ними. Правда, рассказ о предпочтении, оказанном Владимиром византийскому христианству, передан хронистом довольно близко к летописному рассказу, без каких-либо комментариев с его стороны. Однако в рассказе о съезде в Гнезно в 1000 г. польского правителя Болеслава I Храброго с императором Оттоном III читаются, отсутствующие в более ранних описаниях события слова, что император жалует Болеславу все земли, которые тот отберет «у схизматиков» [17. Lib. I–II. S. 232]. Отрицательное отношение к православной церкви и ее служителям, подчеркивание резких различий между православной и католической верой характерны для рассказа о браке польского правителя Казимира I с сестрой Ярослава Мудрого. В рассказе подчеркивается, что жена правителя подверглась повторному крещению и сменила имя, чтобы избежать заблуждений русских священников, которые не знают священных писаний и законов [17. Lib. III–IV. S. 36–37] (см. также [13. С. 388–389]; о сочинении Длугошем известия о перекрещивании см. [13. С. 388–389]).

Вместе с тем время жизни Длугоша было отмечено неоднократно возникавшими проектами соединения церквей. Его главный покровитель, Збигнев Олесницкий, считал такие планы реальными, по крайней мере, по отношению к тем «русским», которые жили в Галицкой Руси на землях Польского королевства. Приглашая на эти земли знаменитого проповедника Иоанна Капистрана, он выражал надежду на успех, так как речь идет о народе, «смягченном» обычаями «латинян» и постоянным общением с ними [35]. Длугош мог поэтому рассчитывать, что это, с его точки зрения, единственное серьезное препятствие для интеграции «русских» в состав польского общества со временем отпадет.

Общий вывод из всего сказанного состоит в том, что, если Длугош отказался от представления существования в прошлом державы лехитов, охватывавшей весь славянский мир (и соответственно – от проектов ее восстановления), то вместе с тем на карте славянского мира выделялись некоторые его части, которые должны были со временем интегрироваться в состав Польского государства и польского народа, а другие (как Чехия) – войти в зону польского политического и культурного влияния. Представления Длугоша о месте и роли Польши в славянском мире получили достаточно определенное отражение в его описании уже упоминавшегося выше Гнезненского съезда 1000 г. В нем говорится о пожаловании Польше императором особого герба – изображения орла, как на гербе империи, но отличающегося от черного имперского орла белым цветом. К этому сообщению Длугош дал следующий комментарий: как черному имперскому орлу должны подчиняться «*naciones omnes Teutonicas*», так польскому белому орлу должны подчиняться «*slavorum et barbarorum naciones*» [17. Lib. I–II. S. 233]. В том же рассказе указывалось, что император освободил Болеслава I и его преемников от всякого подчинения римским императорам (*obediencie et subiectione*), и тем самым Болеслав I стал выше всех правителей «*generis slawonici*».

Таким образом, в польской исторической традиции, как она была изложена Длугошем, продолжало сохраняться представление, что Польша должна играть главную, первенствующую роль в славянском мире, хотя и неясно, в чем могла бы проявляться такая роль по отношению к южным славянам.

Следует коснуться еще одного важного сюжета в повествовании Длугоша – сюжета о создании славянской письменности. У его предшественников – Галла, Кадлубка, автора «Великопольской хроники», этот сюжет отсутствовал. Его появление, несомненно, связано со знакомством Длугоша с памятниками чешской исторической традиции и с древнерусскими памятниками. Как представляется, именно из летописи заимствованы имена правителей, обратившихся в Констан-

тинополь – Ростислава, Святополка и Коцела. Основные факты заимствованы, по-видимому, из Хроники Пулкавы и из чешской легенды «*Quemadmodum*», где, как у Длугоша, говорится об основании Кириллом и Мефодием семи епископств и о Велеграде, как центре их епархии (ср. [36. S. 291–293; 17. Lib. I–II. S. 166–167; 26. S. 63–64].

Комбинируя сведения разных источников, Длугош отметил, что Кирилл и Мефодий перевели Писание «*de Greco in Slawo*» (в чешской легенде об этом не говорилось) и осуществляли богослужение «*in wlgari slawonico*». Далее говорилось о том, что курия в Риме дала разрешение осуществлять «*sacra in lingua Slawica*». Внимание к этому сюжету было несомненно связано с тем, что во второй половине XV в. получила заметное развитие письменность на польском языке в разных сферах общественной жизни (см. [24. С. 52 и сл.]). Стоит отметить, что несмотря на враждебное отношение к гуситам, Ян Длугош был сторонником перевода Писания на «местный» язык. Об этом говорит не только рассказ о Кирилле и Мефодии. В его панегирике скончавшейся в 1399 г. королеве Ядвиге с одобрением отмечалось, что ей принадлежали многие книги Ветхого и Нового завета на польском языке [17. Lib. X. S. 532]. С этого времени рассказ о Кирилле и Мефодии стал частью каждого исторического повествования о прошлом славянского мира.

О воздействии исторических построений Длугоша на сознание польской интеллигенции рубежа XV–XVI вв., уже серьезно затронутой новыми веяниями ренессансной культуры, в известной мере позволяет судить опубликованный в 1517 г. «Трактат о двух Сарматиях». Автор «Трактата» – многократный ректор и профессор Краковского университета, врач и астролог – М. Меховский был ярким представителем этой общественной группы (о его биографии см. во вступительной статье С.А. Анинского к изданию «Трактата» [37. С. 2–5]). В тексте сочинения нашло отражение стремление автора проверять свидетельства античных авторов о географии Восточной Европы с помощью рассказов побывавших там людей.

Трактат включал историко-географическое описание двух Сарматий: Азиатской – на Восток от Дона, заселенной кочевниками, и Европейской, которая в книге Меховского соответствует земледельческой территории Восточной Европы. В III главе первой книги трактата Меховский поместил обширный рассказ о происхождении славян. Никакой библейской генеалогии здесь нет. Лишь кратко отмечено, что славяне происходят от Ивана сына Иафета [37. С. 152]. Очевидно, сюжет, так волновавший Длугоша, уже не имел такого значения для польского общества раннего XVI в. Вслед за Длугошем Меховский рисует картину расселения славян по Европе, говорит об уходе Леха и Чеха из Паннонии, о передаче Лехом брату земель будущей Чехии [37. С. 152–153].

Вместе с тем проявляется стремление найти свидетельства об участии славян (прежде всего тех, которые жили на землях Польши) в событиях античной истории. По его утверждению, такие племена, как свевы (жившие, якобы, на р. Спрее-Шпрее), вандалы, бургунды, воевавшие с Римом, «*fuerunt de regno Poloniae*», «*linguam et sermonem polonicum profitentes et loquentes*». Это позволяет ему внести в текст «Трактата» свидетельства древних авторов об их войнах с Римом [37. С. 154, 157]. Меховский находит и материальные свидетельства о войнах жителей Польши с римской империей – находки на польских землях серебряных монет императора Адриана [37. С. 155].

Несмотря на краткость изложения Матвей Меховский вслед за Длугошем специально обращает внимание на то, что в древние времена именно предки поляков заселили земли «у Германского моря» вплоть до Вестфалии. Вместе с тем внимание к историческим судьбам полабских славян не сопровождается и у Меховского увеличением сведений о них. Как и Длугош он относит покорение полабских славян немцами к первой половине XI в., когда император Генрих III их завоевал

и поселил на их землях немцев, а пленные славянские цари должны были в праздничные дни носить лохани на кухню «in ignominiam eorum» [37. С. 153–155].

Древних судеб славянского мира Меховский касается и во второй книге «Трактата», говоря о вторжениях в Европу гуннов, а затем венгров, которых он отождествляет, следуя венгерской исторической традиции. Говоря о движении гуннов на восток, он отмечает, что, перейдя Дон, они столкнулись с русинами и сарматами [37. С. 158]. В дальнейшем воспроизводится рассказ венгерских хроник о завоевании венграми Паннонии, которой правил Святополк [37. С. 161–162]. При этом отмечено, что славяне все же продолжают жить «in finibus Pannonie».

В первой книге «Трактата» Меховский настаивает на автохтонности славянских народов, которые после потопа постоянно находились в местах первоначального поселения «et non aliunde supervenerunt» [38. С. 157]. В этой связи Меховский вступает в полемику с представителем зарождающейся итальянской научной мысли Флавио Бьондо, который в сочинении, напечатанном в Венеции в 1483 г., утверждал, что славяне появились на Дунае лишь в правление императора Маврикия в конце VI в. и лишь затем стали из Подунавья и от Черного моря переселяться на юг (о взглядах Флавио Бьондо см. [22. С. 147]). Возражая Бьондо, Меховский утверждал, что русские (Ruteni) во главе со своими князьями предпринимали походы из Черного моря в Средиземное и нападали на земли Иллирика, но не оставались там [37. С. 157]. Создается впечатление, что Меховский скорее слышал о мнении Бьондо, чем читал его работу, и имел достаточно смутное представление о походах русских князей на земли Византии (о них он мог прочесть у Длугоша).

Глава трактата завершается перечнем славянских народов, куда Меховский включал общности разного уровня: чехи (Bohemi) и мораване, поляки, силезцы и мазуры. Перечень заканчивали «Ruteni» и «Moscovitae». Обращает на себя внимание, что в отличие от Длугоша в «Трактате» не упоминается Рус, и никак не воспроизводится тезис Длугоша, что «Ruteni» – это отделившаяся в древние времена часть польского народа. Правда, в напечатанной в 1521 г. «Польской хронике» появляется краткое упоминание о Русе, где отмечено, что не ясно, был он братом или потомком Леха [38. S. 4–4v]. Очевидно, в раннем XVI в. выдвинутая в середине XV в. внешнеполитическая программа временно потеряла актуальность, и интерес к обосновывавшим ее положениям упал. Отсутствие таких утверждений тем более показательны, что вторая книга «Трактата» содержит подробное географическое описание земель Восточной Европы, занятых восточными славянами.

Здесь, по свидетельству Меховского, находятся регионы «Russorum, Lithuanorum, Moscorum» [37. С. 129]. Обращение ко второй книге «Трактата» показывает, что речь идет о современном Меховскому политическом делении территории Восточной Европы между Польским королевством, Великим княжеством Литовским и Русским государством. «Russia» в тексте Меховского – это восточнославянские земли Польского королевства, где «русскими» руководят «nobiles Polonorum», «Metropolis Russiae» – Львов [37. С. 173].

Вместе с тем в первой части трактата в повествовании о битве на Калке и татаро-монгольском нашествии понятие «Русь» охватывает самые разные восточнославянские земли (в их числе земли Рязанскую и Суздальскую), а столица этой Руси – Киев, где некогда было 300 церквей [37. С. 130–131]. Говоря о «русинах» (Ruteni), живущих и в Польском королевстве, и в Великом княжестве Литовском, Меховский отмечает, что они говорят на одном «русском языке» и являются православными [37. С. 175, 185–186]. Это два их главных признака. Так, о жителях Пскова Меховский пишет, что они «sunt lingua et ritu Ruteni» [37. С. 184]. Говоря о жителях «Московии», Меховский их не называет Ruteni, но указывает те же два общих признака – «русский» язык и православие [37. С. 192].

Меховский в противоречии с современными ему фактами подчеркивает церковное единство всех восточных славян, утверждая, что на «русские» земли распространяется власть киевского митрополита [37. С. 175]¹². Для него не осталась не замеченной разница между обиходным языком и языком богослужения, которое совершается, по его утверждению, на «сербском» языке [37. С. 175].

На страницах «Трактата» нашел место и рассказ о Кирилле и Мефодии. Но, если Длугош говорил о крещении этими святыми жителей Моравии, то Меховский говорит о деятельности Кирилла и Мефодия, описывая народы Северного Кавказа. Ссылаясь на «Моравскую легенду», он пишет о крещении Кириллом хазар, но здесь также указывается, что и православные («*de ritu graeco*») абхазы, мингрелы, черкесы крещены Кириллом [37. С. 143]. Налицо явное стремление пополнить известные Меховскому факты биографии солунских братьев какими-то новыми сведениями. Рассказ заканчивается сообщением, что оломоуцкий епископ Станислав Турзо тщетно искал останки Кирилла и Мефодия в базилике св. Климента в Риме [37. С. 144]. Перед нами очевидное свидетельство продолжающегося интереса к деятельности Кирилла и Мефодия в западнославянском мире и обсуждения того, что известно, в местном ученом содружестве.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Plezia M.* Jan Długosz // *Pisarze staropolscy*. Warszawa, 1991. Т. I.
2. *Semkowicz A.* Krytyczny rozbiór Dziejów Polski Jana Długosza. Kraków, 1887.
3. *Galli Anonymi.* Cronica et gesta Ducum sive principum Polonorum / Wyd., wstępem I kom. opatrzył K. Maleczyński. Kraków, 1952 (Monumenta Poloniae Historica. Nowa series. Т. II).
4. *Magistri Vincentii.* Chronica Polonorum / Ed. M. Plezia. Kraków, 1994 (Monumenta Poloniae Historica. Nowa series. Т. XI).
5. Полное собрание русских летописей. М., 1962. Т. I.
6. *Aenae Silvii Historia bohemica.* Praha, 1998.
7. *Banaszkiewicz J.* Kronika Dzierzwy // XIV wieczny kompendium historii ojczystej. Wrocław, 1979.
8. Monumenta Poloniae Historica. Lwów, 1872. Т. II.
9. «Великая хроника» о Польше, Руси и их соседях XI–XIII вв. М., 1987.
10. *Chronicon Poloniae Maioris* / Ed. B. Kürbis (Monumenta Poloniae Historica. Nowa series. Warszawa, 1970. Т. VIII).
11. *Карнаухов Д.В.* Легенда о славянских прародителях как фактор этнокультурной самоидентификации чешского и польского народов // Восточная Европа: концерт культур. СПб., 2004.
12. *Kronika wielkopolska.* Warszawa, 1965.
13. *Щавелева Н.И.* Древняя Русь в «Польской истории» Яна Длугоша. М., 2004.
14. *Barycz H.* Szlakami dziejopisarstwa staropolskiego. *Studia nad historiographią XVI–XVIII ww.* Wrocław, 1981.
15. *Флоря Б.Н.* Польша, как страна «молодой цивилизации» в памятниках общественной мысли XV в. // «Путь романтический совершил». Сб. памяти Б.Ф. Стахеева. М., 1996.
16. *Plezia M.* *Pisarstwo Jana Długosza* // *Długossiana. Studia historyczne w pięćsetletie śmierci Jana Długosza.* Kraków, 1985. Cz. 2.
17. *Joannis Dlugossii Annales seu cronicae incliti regni Poloniae. Varsaviae,* 1964. Lib. I–II; 1970. Lib. III–IV; 1985. Lib. X.
18. *Ulewicz T.* Sarmacja. Studium z problematyki słowiańskiej XV i XVI w. Kraków, 1950.
19. *Lewicki A.* Powstanie Świdrygiełły // *Rozprawy Polskiej Akademii Umiejętności / Wyd.* Hist.-filoz. Kraków, 1892. Т. 29.
20. *Długosz J.* *Roczniki czyli Kroniki sławnego królestwa Polskiego.* Warszawa, 1962. Ks. 1–2.
21. *Pieradzka K.* Genealogia biblijna u rodowód Słowian w pierwszej księdze «Annales» Jana Długosza // *Nasza przeszłość.* 1958. № 8.
22. *Мыльников А.С.* Картина славянского мира: взгляд из Восточной Европы. Этногенетические легенды, догадки, протогипотезы XVI – начала XVIII века. СПб., 1996.
23. *Zwiercan M.* *Komentarz Jana z Dąbrowki do Kroniki Mistra Wincentego zwanego Kadłubkiem.* Wrocław etc. 1969.
24. *Флоря Б.Н.* Самосознание польской народности в XV веке // Этническое самосознание славян в XV столетии. М., 1995.
25. *Biskup M.* *Trzynastoletnia wojna z Zakonem Krzyżackim. 1454–1466.* Warszawa, 1967.
26. *Solicki S.* *Źródła Jana Długosza do problematyki czeskiej.* Wrocław, 1973.

¹² Ему подчиняются епископства на землях Польши и Литвы, но и «omnes alios wladicos ac episcopos in terris Moskorum».

27. Joannis Długossii opera omnia. Cracovia, 1877–1878. Vol. 13–14.
28. *Bogucka M.* Kazimierz Jagiełłończyk i jego czasy. Warszawa, 1981.
29. *Gawlas S.* Świadomość narodowa Jana Długosza // *Studia źródłoznawcze.* Wrocław etc., 1983. T. 27.
30. *Пресняков А.Е.* Лекции по русской истории. М., 1939 Т. I. Вып. 1.
31. *Halecki O.* Dzieje unii Jagiełłońskiej. Kraków, 1919. T. I.
32. *Orzechowski J.* Okcydentalizacja Rusi Koronnej w XIV, XV i XVI w. // *Państwo, narod, stany w świadomości wieków średnich.* Warszawa, 1990.
33. *Fontes rerum bohemicarum.* Praha, 1893. T. V.
34. *Карнаухов Д.В.* Концепции истории средневековой Руси в польской хронографии эпохи Возрождения. Новосибирск, 2010.
35. *Monumenta medii aevi historica res gestas Poloniae illustrantia.* Kraków, 1891. T. 2. WCXV.
36. *Magnae Moraviae fontes historici.* Brno, 1967. T. II.
37. *Меховский М.* Трактат о двух Сарматиях. М., 1936.
38. *Mathia de Mechow.* Chronica Polonorum. Cracoviae, 1521.

© 2016 г. А.А. ТУРИЛОВ

«НЕЗАМЕЧЕННАЯ» ДАТА В ЮЖНОСЛАВЯНСКИХ
КИРИЛЛИЧЕСКОЙ И ГЛАГОЛИЧЕСКОЙ ПАЛЕОГРАФИЯХ
(К ВОПРОСУ О ВРЕМЕНИ НАПИСАНИЯ
ОХРИДСКОГО АПОСТОЛА)

Статья посвящена датировке Охридского Апостола – важного памятника средне-болгарской письменности, написанного частично глаголицей. Общепринятая датировка памятника – конец XII в. – не учитывает ряда графических особенностей и свидетельства записи писца с упоминанием архиепископа Димитрия. На основании последней рукописи может быть надежно датирована 1225–1227 гг.

The article is devoted to the dating of the Apostle of Ohrid – an important monument of the middle-Bulgarian script, partly written Glagolitic. Conventional attribution of this text as the late twelfth century did not take into account a number of geographic peculiarities and testimony of the scribe mentioning Arch-Bishop Dimitry. This evidence allow to date the manuscript as 1225–1227.

Ключевые слова: Охридский Апостол, архиепископ Димитрий Хоматиан, кириллическая и глаголическая палеография.

Keywords: Apostol of Ohrid, Archbishop Dimitry Homatian, Cyrillic and Glagolitic palaeography.

В исследовательской литературе XX – начала XXI в. практически общепринятой датировкой рукописи Охридского Апостола¹ (РГБ, собр. В.И. Григоровича, № 13 / М. 1695 – далее ОА) считается конец XII в. [1. С. 142–143, примеч. 1]². Едва ли кто-то всерьёз отнесся к мнению И. Добрева, высказанному 20 лет назад явно в полемическом запале, о том, что кодекс относится к первой половине того же столетия [4. С. 13]³. Принятая датировка ОА была подробно обоснована в трудах С.М. Кульбакина [6. С. XLI–LV; 7. С. 121–124] и получила признание таких его виднейших современников-палеографов как П.А. Лавров [3. С. 60]⁴ и Е.Ф. Карский (который, впрочем, обычно относил кодекс к XII в. без уточнения [10. С. 145,

---

Турилов Анатолий Аркадьевич – канд. ист. наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН.

¹ Историографию изучения памятника в XIX в. и предлагавшиеся в то время датировки см.: [1. С. 142. Прим. 1].

² Известное исключение составляет, пожалуй, только мнение И. Христовой-Шомовой [2. С. 27], датирующей ОА несколько шире (концом XII – началом XIII в.), восходящее по всей видимости, к одной из точек зрения П.А. Лаврова [3. С. 5].

³ И уж тем более принял бы в качестве даты создания памятника «IX–X в. или не позднее X в.», как считал в позапрошлом веке архимандрит Амфилохий [5. С. 1–2, 77–78].

⁴ При этом исследователь демонстрирует известную непоследовательность (или невнимательность), датируя памятник (там где не дает ему развернутых характеристик), также XII в. [8. Сн. 6–7] без уточнения, и концом XII – началом XIII в. [9. С. 1; 3. С. 5], что специально отмечает и Н.Б. Тихомиров [1. С. 142. Прим. 1].

383–384. Сн. 21–22]). Особую позицию по этому вопросу занимал еще один отечественный классик славянской палеографии – В.Н. Щепкин, о чем ниже. Спустя почти 60 лет после выхода в свет монографии С.М. Кульбакина эта дата была окончательно канонизирована – независимо друг от друга – двумя крупнейшими палеографами второй половины XX в.: Н.Б. Тихомировым [1. С. 105, 1421–44] и В.А. Мошиным [11. С. 14. Репр. 8–9]. С датой «конец XII в.» ОА был включен и в перечень источников «пражского» Словаря старославянского языка [12. S. LXIII, № 16; 13. С. LXIII, № 16], и в Сводный каталог славяно-русских рукописных книг XI–XIII вв. [14. С. 136–138, № 109]⁵. Вполне принимал до самого последнего времени датировку С.М. Кульбакина (с дополнительной аргументацией Н.Б. Тихомирова) и автор этих строк, обращавшийся к ОА по ряду частных вопросов [15. С. 121–122; 16. С. 327, Д2; 17. С. 571, 574].

Между тем, сочетание ряда обстоятельств разной степени важности должны были заставить усомниться в датировке ОА, предложенной С.М. Кульбакиным, уже его современников. Собственно, с нею был решительно не согласен В.Н. Щепкин, который в обстоятельной монографии о Болонской Псалтыри (далее – БП) и в учебнике палеографии датировал ОА XIII в., «не древнее» центрального объекта своего исследования [18. С. 65, 66; 19. С. 110], тогда как Кульбакин неоднократно настаивал на том, что ОА «не моложе» этой Псалтыри [6. С. XLI–LV]. Таким образом, в качестве точки отсчета у обоих выступает БП, написанная, как и ОА, в западноболгарских (македонских) землях (и даже на минимальном расстоянии друг от друга)⁶. Спор по поводу того, какой из памятников старше, а какой моложе, формально выглядел бы почти чистой казуистикой, если бы в палеославиистике начала XX в. существовала единая точка зрения на датировку самой БП. Эта рукопись, как известно, не содержит даты написания в записи писца на л. 126 об. [20. С. 254], который лишь упоминает, что работа была выполнена «при цари Асени Българстемь». Колебания исследователей в выборе между соименными отцом и сыном – болгарскими царями Иоанном Асенем I (1186–1196) и Иоанном Асенем II (1218–1241) – завершились в итоге в пользу второго при помощи исторического аргумента⁷: во владения отца Охрид не входил, а сыну центр архиепископии принадлежал после победы в битве при Клокотнице (1230) [22. С. 551. Прим. 12; 18. С. 65–66; 20. С. XVII, XIX–XX; 23. Илл. 72–74; 24. С. 208–210; 25. С. 132–133, № 34; 26. С. 65; 27. С. 287–294; 28. С. 44–45, № 16]. Но на момент выхода в свет книг В.Н. Щепкина и С.М. Кульбакина обе точки зрения были по сути дела равноправными (во всяком случае, среди русских лингвистов и палеографов) – первый из авторов придерживался поздней датировки БП (1230–1241)⁸, а второй – ранней [7. С. 19, 35]⁹. П.А. Лавров выступал в данном вопросе единомышленником Кульбакина, оставшись им и позднее (придерживается датировки БП XII в. в своем «Палеографическом обозрении», вышед-

⁵ Автор описательной статьи Н.Б. Тихомиров (здесь же библиография до начала 1980-х годов).

⁶ ОА, по всей вероятности, написан непосредственно в Охриде, а село Равна (совр. Рамне), где писалась БП, отнесено в записи писца к «Охриду граду» [18. С. 3].

⁷ Здесь, вероятно, уместно говорить о постепенном «привыкании» отечественных исследователей к младшей из датировок. Родоначальником старшей был И.И. Срезневский [21. С. 49, 129], который, по справедливому замечанию В.Н. Щепкина, ее никак не обосновал [18. С. 4], но авторитет которого оказал несомненное влияние на мнение позднейших ученых. По предположению Щепкина (там же), Срезневский исходил из того, что определение «болгарский» при имени Иоанна Асеня обозначало, что писец воспринимал его как иностранного правителя, не владеющего Охридом (т.е. не Иоанна Асеня II, во всяком случае, не в 1230–1241 гг.).

⁸ В.Н. Щепкин [18. С. 5. Прим. 1] проанализировал примеры записей славянских книгописцев, в которых фигурирует иностранный правитель. Все они сводятся к двум вариантам: 1) иностранный правитель упоминается наряду с отечественным; 2) рукопись написана писцом за пределами своей страны (как правило, в Константинополе или на Афоне. Случай с БП сюда явно не относится. Впрочем, оппонентов это не убедило (см. ниже).

⁹ В существующем виде данная работа, опубликованная в 2008 г., оформлена между 1928 и 1932 гг. [29. С. 016–018].

шем в свет в 1915 г. [3. С. 62]¹⁰ и XII–XIII вв. в альбоме снимков к нему [8. Табл. 8]). Труд Е.Ф. Карского в этом смысле компилятивен: автор спокойно совмещает в нем датировку ОА, идущую от Кульбакина [10. С. 145, 383–384. Табл. 21–22], и датировку БП 1230–1245 (так!) гг. [10. С. 34, 394–395. Табл. 34–35].

По сути, датировка БП 1230–1241 гг., ставшая со временем общепризнанной, заметно ослабила аргументы С.М. Кульбакина в пользу отнесения ОА к концу XII в., так как последний в данной ситуации оказывался в лучшем случае «не моложе» конца первой трети следующего столетия. Однако, похоже, что позднейшие исследователи не придали значения столь заметному сдвигу в точке отсчета. Палеографический альбом В.А. Мошина [11. С. 14, 161] лишен каких-либо комментариев, что не позволяет оценить аргументацию составителя. Поэтому особенно примечательна позиция Н.Б. Тихомирова – исследователя исключительно тонкого, наблюдательного, эрудита, глубоко погруженного в рукописный материал и принципиально не склонного безоговорочно признавать авторитет предшественников. В своем подробнейшем каталоге археограф однозначно принял точку зрения С.М. Кульбакина, никак при этом не откомментировав ставшую к тому времени практически общепринятой позднюю датировку БП¹¹. В современной ситуации подобный подход представляется необъяснимым (во всяком случае, автору этих строк).

Монография С.М. Кульбакина о ОА представляет собой детальнейший разбор лингвистических¹², палеографических (графико-орфографических) и кодикологических особенностей рукописи (что видно даже из ее оглавления), представленных на широком сравнительном фоне, но претензии автора на предельно узкую (не более двух десятилетий – см. ниже) и точную датировку памятника выглядят при ближайшем рассмотрении неубедительными. Пергаменную рукопись, в особенности литургическую (какой является ОА), невозможно без привлечения дополнительных свидетельств¹³ датировать с точностью большей, чем полвека¹⁴.

Примечательно, что ОА имеет такое свидетельство, но С.М. Кульбакин был настолько убежден в предложенной им датировке рукописи, что всячески стремился дезавуировать его показания, поскольку из них следовало, что кодекс написан уже в XIII в. Речь идет о частично срезанной благопожелательной записи (пробе пера), оставленной на обороте л. 4 первым писцом рукописи [8. Сн. 6]. Она выполнена ярко-рыжими чернилами, которые больше не встречаются в рукописи, идет вдоль левого поля от текста к обрезу и конец ее срезан (видны нечитаемые остатки второй строки). В упрощенной орфографии она выглядит так: «Господи

¹⁰ В этом кратком разделе о датировке БП вообще не говорится, но он помещен после гораздо более просторного, посвященного ОА [3. С. 59–62].

¹¹ Знаю, впрочем, из позднейших (кон. 1970-х – 1980-е годы) разговоров с ним, что он довольно скептически относился к поздней датировке БП, не высказывая, однако, каких-либо своих соображений по этому поводу. Вероятно, в этом отношении он был «последним из могикиан». В этом смысле примечательно, что В.А. Мошин в том же палеографическом альбоме, где он датировал ОА концом XII в., применительно к БП придерживался поздней датировки [11. С. 32–33. Репр. 28–29].

¹² Исследованием языковых особенностей памятника, которых не касался С.М. Кульбакин, занимался позднее К. Мирчев [30].

¹³ Характерно, к примеру, что датировка новгородских берестяных грамот (памятника в языковом отношении несравненно более динамичного, чем переводные литургические рукописи) долгое время определялась стратиграфическим методом. Надежные внестратиграфические принципы их датировки были сформулированы А.А. Зализняком [31] лишь спустя полвека после начала изучения корпуса памятников.

¹⁴ Здесь уместно напомнить замечание Марка Блока, помещенное (во всяком случае, в русском переводе) в приложении к его «Апологии истории» и потому нечасто попадающее на глаза исследователям: «В юности я слышал, как весьма знаменитый ученый, преподаватель Школы Хартий, с гордостью говорил нам: “Я датировал рукописи по характеру письма безошибочно с точностью до двадцати лет”. Он забыл лишь одно: многие люди, в том числе и писцы, живут больше сорока лет, и если почерк иногда к старости и меняется, то при этом он очень редко приспособливается к новому стилю письма» [32. С. 121]. Излишне говорить, что упомянутые акты в этом отношении открывают куда большие возможности, чем Апостол апракос.

Иисусе Христе, боже нашъ. Помилуй нас. Амин. Донеси свята Богородице архиепископа Димитрия со здравием...» (далее утрата).

Разумеется, первое и самое естественное, что приходит в голову – в надписи речь идет о прославленном писателе, богослове и полемисте Димитрии Хоматиане¹⁵, занимавшем Охридскую кафедру в промежутке между 1215–1217 и 1236–1240 гг. [33. С. 207–210; 32. S. 20, 40]. Кульбакин, разумеется, прекрасно знал о Хоматиане [6. С. XLVII], но будучи убежден в датировке ОА концом XII в., предложил два различных объяснения, которые позволяли бы не связывать рукопись со временем жизни этого архиерея [6. С. V, XLVII–XLVIII]. Первому из них нельзя отказать ни в смелости, ни в оригинальности. Признавая сходство (хотя и не идентичность) почерка записи с почерком первого писца ОА [6. С. V, XLVII], исследователь высказал предположение, что упомянутым на л. 4 об. Димитрием мог быть не только Хоматиан, но и его не известный по имени предшественник, занимавший Охридскую кафедру между 1170¹⁶ и 1183 (?) г. [33. С. 205]. Второе объяснение существенно более банально. Посетовав на отсутствие в записи важных для характеристики почерка букв и отличие ее чернил от чернил текста, С.М. Кульбакин сделал вывод, что ничто не мешает датировать эту пробу пера лет на 20–25 моложе самой рукописи [6. С. XLVII–XLVIII], т.е. временем Димитрия Хоматиана.

С близких позиций подошел к оценке записи Н.Б. Тихомиров, хотя версии о безымянном архиерее, естественно, не касался. Он допускал, хотя и с некоторым сомнением, что она может иметь в виду Димитрия Хоматиана, но не считал это препятствием для датировки самого кодекса концом XII в. Приведу его аргументацию, с которой еще сравнительно недавно я полностью соглашался [16. С. 327, Д2]. «Запись написана яркими рыжеватыми чернилами, которых больше нигде нет во всей рукописи. Хотя почерк записи и близок к почерку одного из писцов рукописи, начертания некоторых букв в записи имеют особенности (см., например «М», особенно «З» и др.). Поэтому можно, как кажется, считать, что, если запись и писана одним из писцов Охридского апостола, сделана она позднее (почерк уже изменился!). Следовательно, даже в том случае, если в записи речь идет действительно об архиепископе Димитрии Хоматиане (вступил на кафедру около 1216 г.), нельзя считать, что сама рукопись написана также уже в XIII в.» [1. С. 144. Прим. 6]. В описательной статье СК XI–XIII, принадлежащей перу того же исследователя, о надписи просто сказано: «Писанная позднее другими чернилами» [14. С. 136, № 109].

При всей кажущейся убедительности предложенной аргументации, каждый из ее пунктов может иметь и иное объяснение, причем более простое и естественное. Рассмотрим их здесь в обратном порядке.

Николай Борисович Тихомиров принадлежал к числу тех палеографов-славистов, которые полагали и полагают, что почерк средневековых писцов может заметно меняться по прошествии времени. Отчасти это объясняется тем, что обладая исключительно наметанным глазом и прекрасной зрительной памятью (в чем автор этих строк (как, думаю, и многие другие) неоднократно имел возможность убедиться лично¹⁷), он практически не занимался специально почерками писцов «бумажного» времени (XV в. и позднее), когда время создания может быть определено достаточно точно на основании филигранологических данных. Иначе он мог бы убедиться в редкой устойчивости почерка писцов на протяжении десятилетий.

Между тем, все аргументы, приводимые в пользу разновременности кодекса и записи в нем, без труда и насилия над материалом могут быть трактованы в

¹⁵ Подробнее о нем и его творчестве см.: [33. С. 7–51].

¹⁶ Во времена С.М. Кульбакина нижняя граница в силу степени изученности источников определялась 1160 г. [6. С. XLVII–XLVIII].

¹⁷ Здесь уместно напомнить о без преувеличения огромном вкладе Н.Б. Тихомирова в дело атрибуции почерков и уточнения датировки пергаменных рукописей, причем отнюдь не только хранящихся в ОР РГБ. Достаточно сказать, что ему принадлежит большинство атрибуций и передатировок, выполненных в процессе создания СК XI–XIII (см.: [35. С. 47. Прим. 3]).

пользу их одновременности. Различие в начертании указанных букв (прежде всего «М» и «З») в письме самого ОА и записи на л. 4 об. имеет самое простое и незатейливое объяснение. Запись, как уже говорилось, сделана на обороте листа вдоль его внешнего поля по направлению от текста к краю. Писать в таком месте заведомо неудобно (даже если двойной лист в момент написания был развернут, а не сложен) – это знакомо каждому, кому приходилось писать пером¹⁸ (неважно – гусиным или стальным) по краю листа даже бумаги, а не пергамента. Писец вынужден изменять постановку пера (угол приложения к пишему материалу) и ограничивать размах его движения – и это не может не сказаться на особенностях начертаний букв. Если бы он писал по направлению от края листа к тексту, картина несомненно была бы другой.

Тезис о значительном хронологическом разрыве между написанием ОА и появлением записи в нем не выдерживает критики и по другой причине. По характеру это проба пера с благопожеланием другому лицу – не писцу. В писцовой практике такие записи достаточно многочисленны, но случаи их написания уже после завершения работы над кодексом неизвестны¹⁹ – напротив, практически всегда они используются для уточнения датировок. Тем более, что по прошествии времени писец несомненно нашел бы для записи более удобное место (например, на широком нижнем поле) и не столь близко к краю листа.

И, наконец, цвет чернил, нигде более в кодексе действительно не встречающийся. Нередко забывают, что выражение «проба пера» является лишь частью писцовой формулы «попробовать («покушати») пера и чернил», т.е. испытывалось качество не только инструмента для письма, но и состава, которым пишут. И в данном случае резкое отличие цвета чернил вполне объясняет ситуацию. Писец попробовал чернила на листе, написав упомянутую фразу, их цвет ему решительно не понравился и он отдал их на переделку (добавочную заправку темным красителем) или же переделал («доправил») их сам. Из всего сказанного следует, что рассмотренная запись могла появиться в кодексе лишь в процессе его написания, причем (судя по местоположению) на начальном этапе.

Что касается имени охридского архиепископа в 1183 г., то ситуация со времен С.М. Кульбакина ничуть не изменилась – новых свидетельств о нем не обнаружено и архиерей продолжает оставаться анонимным [34. С. 205]. Наличествуют, однако, весомые (хотя и косвенные) аргументы иного (графико-палеографического) характера, не позволяющие датировать кодекс ранее рубежа 1180–1190-х годов, когда имя охридского архиепископа уже известно (им был Иоанн Каматир [34. С. 206–207]) – т.е. речь в конечном итоге идет о том, что в записи упомянут именно Димитрий Хоматиан. Дело в том, что два из трех (или же три из четырех) почерков, которыми написан ОА, в данное время могут быть датированы заметно более определенно, чем во времена Кульбакина, Щепкина (и даже Н.Б. Тихомирова – на момент составления им каталога древнейших рукописей ГБЛ), с достаточно четко установленной нижней границей их появления. Решающую роль здесь играют аргументы общепалеографического характера, сформулированные В.А. Мошиным в работах 1960–1970-х годов [36. С. 78–83; 37. С. 70–75], но загадочным образом не примененные их автором к датировке ОА. Пытаясь максимально полно охарактеризовать картину «первого восточнославянского влияния» конца XII–XIII вв. на южнославянскую письменность (подробнее о нем см.: [38. С. 162–167]) Мошин пришел (в некоторой степени по аналогии с гораздо более изученным «вторым южнославянским влиянием» XIV–XV вв.) к справедливому выводу о несомненном воздействии в этот период графики древнерусских почерков на болгарские и сербские (тем более, что среди южнославянских до этого отсутствовали по-настоящему каллиграфические).

¹⁸ Ситуация, впрочем, мало отличается даже при использовании шариковой ручки.

¹⁹ Автор этих строк имел возможность убедиться в этом на десятках примеров, рассмотренных в процессе подготовки первого и второго выпусков СК XIV.

Воздействие это может выражаться как в полной смене типа почерка, так и во включении новых начертаний букв, нехарактерных для предыдущего периода, в старую графическую основу («гибридные» почерки)²⁰, причем набор новаций в каждом конкретном случае может существенно варьироваться. Ко второму (гибридному) варианту несомненно принадлежат и почерки ОА (во всяком случае первый и третий). Выделяя графические новации древнерусского происхождения, В.А. Мошин специально отмечал «А» с петлей, лежащей на строке (для южнославянских почерков характерен вариант с висящей петлей), «Ж», написанное в пять приемов (ранее писалось в три), «З» в форме цифры 3 со «сплюсненной» нижней частью, «Ч» с треугольной (а не округлой) чашечкой, «ять» с перекладиной, поднятой над кузовом и нередко с высокой мачтой, «омега» с низкой серединой [36. С. 81–83; 37. С. 73–75]. Если обратиться к почеркам ОА, то нетрудно заметить в первом из них новые начертания «З» и «ять» [8. Сн. 6], а в третьем также и «омегу» с низкой серединой [8. Сн. 7]. Между тем эти новации имеют важное датирующее значение, поскольку сам феномен «первого восточнославянского влияния» напрямую связан с восстановлением независимости южнославянских государств от Византии в последней четверти XII в. (Сербия ок. 1176–1180 гг., Болгария в 1185–1187 гг.). При этом распространение новых почерков представляет, как это хорошо видно на материале «второго южнославянского влияния», наиболее позднюю по времени²¹ составляющую «влияний» уже в силу своей факультативности [38. С. 166]. Нижняя граница появления новых почерков в южнославянских рукописях надежно, разумеется, не устанавливается, но едва ли следует относить ее (даже в Сербии) ко времени ранее рубежа 1180–1190-х годов. С учетом же того обстоятельства, что Охрид явно находился на периферии русско-южнославянских культурных связей этого времени (они осуществлялись через Афон и Константинополь), не будет преувеличением отнести появление здесь отмеченных новаций самое раннее к 1190-м годам. В то время охридскую кафедру занимал, как уже говорилось, Иоанн Каматир [34. С. 206–207], поэтому гипотеза С.М. Кульбакина о более раннем архиепископе, соименном Хоматиану, окончательно лишается оснований.

В подобной ситуации отнесение рукописи ОА ко времени пребывания на Охридской кафедре Димитрия Хоматиана (и, соответственно, датировка 1216–1236 гг.) оказывается безальтернативным. Это однозначно выводит рукопись из числа памятников конца XII ст. и одновременно сильно сближает точки зрения В.Н. Щепкина и С.М. Кульбакина в вопросе хронологического соотношения кодекса с БП. В зависимости от конкретного года написания обеих рукописей Апостол может быть и определенно старше Псалтыри (1216–1229), и вполне современен ей (1230–1236), и даже (на том же кратком временном отрезке) немного моложе ее. Привязка ОА к имени Хоматиана делает памятник надежно, но довольно широко (с интервалом в 20 лет, т.е. менее точно, чем БП) датированным. Таким образом, в споре между С.М. Кульбакиным и В.Н. Щепкиным может быть зафиксирован ничейный по сути результат.

Представляется, однако, что датировка ОА может быть сужена до интервала менее чем в три года. Основания для этого дает сочетание свидетельства все той же пробы пера писца (которую, кажется, до сих пор никто из исследователей не прочел внимательно) с фактами биографии Димитрия Хоматиана. Как нетрудно догадаться, обращение писца к Христу и Богородице с просьбой «донести» архиепископа «с миром», означает его отсутствие в кафедральном центре (или даже пребывание вне

²⁰ Ср. мнение П.А. Лаврова: «Кирилловское письмо болгарских рукописей XII–XIII вв. представляет интерес своеобразия и неустановленности, смешения архаических приемов и неожиданно ранней новизны» [3. С. 48].

²¹ В этом отношении никак нельзя согласиться с В.А. Мошиным, относящим появление новых почерков ко самому раннему этапу «первого восточнославянского влияния» [36. С. 77–78; 37. С. 69–70]. Исследователь исходил из ничем не подтверждаемой гипотезы о связях Сербии с галицко-волинскими землями через посредство Венгрии еще в 1160-х годах.

пределов архиепископии) на момент написания кодекса, либо намерение отъехать в ближайшее время. При этом путешествие Димитрия должно было носить явно экстраординарный характер. Нам неизвестно о практике регулярного объезда византийскими архиереями вверенных им церковных диоцезов (подобного «визитациям» их католических коллег), но в любом случае подобное достаточно рутинное, периодически повторяющееся мероприятие едва ли могло стать причиной появления рассматриваемой пробы пера. В биографии Димитрия Хоматиана известен лишь один период, когда он уезжал из Охрида, причем, по-видимому, неоднократно. Отъезды были вызваны событием, масштабы которого трудно переоценить. В самом конце 1224 г. эпирский деспот Феодор Ангел Дука Комнин (во владения которого входила Охридская архиепископия) разгромил войска латинского Фессалоникийского королевства и занял его столицу [39. С. 406–407]. Обладание вторым по размерам и значению городом Византийской империи давало ему право претендовать на императорский титул «василевса и автократора Ромеев» не в меньшей (если не в большей) степени, чем правившему в малоазиатской Никее его сопернику – Иоанну III Дуке Ватаци. Однако желанную церемонию коронации в солунской св. Софии пришлось отложить на продолжительное время. Православный Фессалоникийский митрополит Константин Месопотамит был сторонником никейского императора и отказался совершать обряд над его соперником, настаивая на том, что это прерогатива патриарха (такая позиция в итоге стоила ему кафедры) [33. С. 20; 34. С. 110–111]. Эпирский правитель вынужден был призвать на помощь «своего» архиерея, являвшегося главой автокефальной церкви (неясно, произошло ли это до провозглашения Феодора императором – конец 1225 – начало 1226 г., или же после). Димитрий Хоматиан решительно взялся за дело, но случай был беспрецедентным в истории Византии и для узаконения коронации нового императора пришлось собрать церковный собор из иерархов подвластных ему территорий. Он проходил в Арте, по всей вероятности в феврале 1227 г., а коронация нового императора состоялась, скорее всего, 29 мая того же года [33. С. 20]. С учетом этого (и с некоторым запасом в допущениях, поскольку мы не знаем, куда по молитве писца должна Богоматерь «донести» архиепископа – из Охрида в Арту или Фессалоники или же обратно) время написания ОА следует датировать в пределах 1225 – лета 1227 г.

В заключение стоит рассмотреть отрицательные и положительные стороны предложенной в статье новой датировки ОА. С одной стороны, разумеется, очень жалко терять рукопись XII в., и без того крайне скудного южнославянскими памятниками письменности. С другой – мы получаем для болгарской традиции три достаточно точно датированных кириллических и два глаголических²² почерка на том временном отрезке, где подобные данные до настоящего времени отсутствовали. В особенности это важно, разумеется, по отношению к глаголице, поскольку для этого алфавита попросту отсутствуют датированные памятники между 1100 г. (Башчанская плита) и 1359 г. (Псалтырь Лобковицев). И хотя пути развития болгарской и хорватской глаголицы к 1220-м годам уже давно разошлись (собственно, применительно к первой речь идет об угасании), довольно точно датированные образцы первой явно небесполезны и для изучения истории второй. Новая датировка ОА демонстрирует, в сочетании с практически современной ему БП, сложность и неоднородность картины развития книжного письма на территории Охридской архиепископии в первой половине XIII в. И наконец, наличие в графике ОА следов «первого восточнославянского влияния» не делает его месящеслов памятником русско-южнославянских связей, несмотря на новую датировку, гораздо более благоприятствующую такому предположению²³.

²² О глаголице в составе ОА см., к примеру: [6. С. V, XIV–XX; 7. С. 121–123].

²³ В этом отношении я остаюсь вполне солидарным с мнением болгарской исследовательницы Марии Йовчевой [40].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Тихомиров Н.Б.* Каталог русских и славянских пергаменных рукописей XI–XII вв., хранящихся в Отделе рукописей Государственной Библиотеки СССР им. В.И. Ленина. Ч. II (XII в.) // Записки Отдела рукописей [ГБЛ]. М., 1965.
2. *Христова-Шомова И.* Службеният Апостол в славянската ръкописна традиция. София, 2004. Т. 1.
3. *Лавров П.А.* Палеографическое обозрение кирилловского письма (Энциклопедия славянской филологии (ЭСФ), 4.1). Пг., 1914 (на обложке – 1915).
4. *Добрев И.* Погрешно мнение за Охридския апостол // Старобългарска литература. София, 1984. Кн. 16.
5. *Амфилохий, архим. (Сергиевский).* Древнеславянский Карпинский апостол. М., Т. III. Ч. 2.
6. *Кульбакин С.М.* Охридская рукопись Апостола конца XII в. София, 1907 (= Български старини. Кн. III).
7. *Кульбакин С.М.* Славянская палеография (Штампа се као рукопис). Белград, 2008.
8. *Лавров П.А.* Альбом снимков с югославянских рукописей болгарского и сербского письма. Пг., 1916 (=ЭСФ. Вып. 4.1. Прил.).
9. *Лавров П.А.* Палеографические снимки с югославянских рукописей болгарского и сербского письма. СПб., 1905. Вып. 1 (XI–XIV вв.).
10. *Карский Е.Ф.* Славянская кирилловская палеография. Л., 1928 (репринт – М., 1979).
11. *Мошин В.* Палеографски албум на јужнословенското крилско писмо. Скопје, 1966.
12. *Slovník jazyka staroslovenskeho.* Praha, 1966. Т. 1.
13. *Словарь старославянского языка.* СПб., 2006. Т. 1 (репринт), LXIII, № 16.
14. *Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР. XI–XIII вв.* М., 1984.
15. *Турилов А.А.* После Климента и Наума (Славянская письменность на территории Охридской архиепископии в X – первой половине XIII в.) // *Флора Б.Н., Турилов А.А., Иванов С.А.* Судьбы кирилло-мефодиевской традиции после Кирилла и Мефодия. СПб., 2000.
16. *Турилов А.А.* Старые заблуждения и новые «блехи» (Рец. на: *Христова Б., Караджова Д., Узунова Е.* Бележки на български книжовници. X–XVIII в. София, 2003–2004. Т. I (X–XV вв.); Т. 2 (XVI–XVIII вв.) // Вестник церковной истории. 2009. № 1–2.
17. *Турилов А.А.* Еще один след глаголицы в месяцеслове Охридского Апостола (к объяснению чтения «Годъпещи») // *Slovo.* 2008. № 56–57.
18. *Щепкин В.Н.* Болонская Псалтырь. СПб., 1906 (репринт – М., 2005).
19. *Щепкин В.Н.* Учебник русской палеографии. М., 1918 (на обложке – 1920).
20. *Болонски Псалтир.* Български книжовен паметник от XIII в. / Фототипно издание с увод и бележки от И. Дуйчев. София, 1968.
21. *Срезневский И.И.* Древние славянские памятники юсового письма / С описанием их и с замечаниями об особенностях их правописания и языка. СПб., 1868.
22. *Иречек К.* История болгар. Одесса, 1878.
23. *Джурова А.* 1000 година българска ръкописна книга: Орнамент и миниатюра. София, 1981.
24. *Кувев К.* Съдбата на старобългарската ръкописна книга през вековете. 2-е изд. София, 1986.
25. *Десподова В., Славева Л.* Македонски средновековни ракописи. Прилеп, 1988. [Кн.] 1.
26. *Старобългарска литература: Енциклопедичен речник / Съст. Д. Петканова.* София, 1992.
27. *Поп-Атанасов Г., Велев И., Јакимовска-Тошиќ М.* Скрипторски центри во средновековна Македонија. Скопје, 1997.
28. *Македонски споменици со глаголско и со кирилско писмо / Сост. И. Велев, Л. Макаријоска, Е. Црвенковска.* Скопје, 2008.
29. *Турилов А.А.* О «Славянской палеографии» С.М. Кульбакина // *Кульбакин С.М.* Славянская палеография. Белград, 2008. Додатак.
30. *Мирчев К.* Към езиковата характеристика на Охридски апостол от XII в. // Климент Охридски. Сборник от статии по случай 1050 години от смъртта му. София, 1966.
31. *Зализняк А.А.* Палеография берестяных грамот и их внестратиграфическая датировка // *Янин В.Л., Зализняк А.А.* Новгородские грамоты на бересте. М., 2000. Т. 10 (из раскопок 1990–1996 гг.).
32. *Блок М.* Апология истории или ремесло историка. Изд. 2-е, доп. М., 1986.
33. *Demetrii Chomatini Ponemata Diaphora / Rec. G. Prinzig.* Berolini et Novi Eboraci, 2008 (Corpus Phontem Historii Byzantinae. Vol. 38).
34. *Снегаров И.* История на Охридската архиепископия. София, 1924 (репринт – 1995). Т. 1.
35. *Турилов А.А.* Новые рукописи болгарских книгописцев XIV в. Лаврентия и Грубана // Рукописная книга Древней Руси и славянских стран: от кодикологии к текстологии. СПб., 2004.
36. *Mošin V.* O periodizaciji rusko-južnoslovenskih književnih veza // *Slovo.* Zagreb, 1962. Knj. 11–12.
37. *Мошин В.А.* О периодизации русско-южнославянских литературных связей X–XV вв. // ТОДРЛ. М.; Л., 1963. Т. 19.
38. *Турилов А.А.* Древнерусские (восточнославянские) «влияния» на южнославянскую культуру // Православная энциклопедия. М., 2007. Т. 16.
39. *Острогорски Г.* Историја Византији. Београд, 1969 (= *Острогорски Г.* Сабрана дела. Кн. 6).
40. *Йовчева М.* «Руските» памети в Асеманиевото евангелие и Охридския апостол // «... Нъсть оученик надъ оучителемъ своимъ» (Сборник в чест на проф. дфн Иван Добрев, член-кореспондент на БАН и учител). София, 2005.

© 2016 г. К.А. КОЧЕГАРОВ

РУССКОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО И ПРАВО ГЕТМАНА И.С. МАЗЕПЫ НАЗНАЧАТЬ КАЗАЦКИХ ПОЛКОВНИКОВ ВОЙСКА ЗАПОРОЖСКОГО: КАЗУС ИВАНА ЧЕРНЫША 1707 ГОДА

В статье анализируются взаимоотношения российского правительства и гетманской администрации в деле назначения казацких полковников Войска Запорожского в гетманство И.С. Мазепы. Основное внимание уделено недоразумениям, которые возникли в 1707 г. в результате попыток царских властей утвердить на должность стародубского полковника И. Черныша без учета мнения гетмана и полковой старшины. The article deals with a precedent in the Russian-Ukrainian relations, when the Russian government appointed Ivan Chernysh to the post of the Starodub colonel in 1707. The tsar's court did not take into account the opinion of Hetman Ivan Mazepa in this matter, as it had usually been done before.

Ключевые слова: И.С. Мазепа, И. Черныш, русско-украинские отношения, Стародубский полк.

Keywords: Ivan Mazepa, Ivan Chernysh, Russian-Ukrainian relations, Starodub Regiment.

Существование автономной Гетманской Украины (Гетманщины или Малой России) в составе русского государства во второй половине XVII в. сопровождалось складыванием определенных правовых норм и обычаев, как зафиксированных на бумаге (в царских статьях и жалованных грамотах Войску Запорожскому), так и неписаных, утверждавшихся в рамках повседневной практики взаимоотношений царской власти и гетманской администрации. Так, в первые десятилетия царь и его советники не вмешивались в «кадровую» политику гетмана, оставляя вопрос утверждения полковников и замещения должностей генеральной старшины на его усмотрение. В статьях, данных русским правительством Войску Запорожскому в 1659 г., лишь оговаривалось обязательство гетмана назначать и смещать старшину и полковников с согласия казацкой рады и ограничивалось право гетмана приговаривать их представителей к смерти (приговор должен был утверждаться царскими властями). При этом в полковники могли быть избраны только кандидаты из местных казаков [1. С. 110–112]¹. В Конопотских статьях 1672 г., в частности, фиксировалось, что гетман может «отставить» представителей казацкой старшины только «по суду и по праву посполитому» [1. С. 243].

Кочегаров Кирилл Александрович – канд. ист. наук, старший научный сотрудник Института славяноведения РАН.

Исследование выполнено при поддержке Российского гуманитарного научного фонда. Проект № 5-01-00229 «Русско-украинские отношения накануне измены гетмана И.С. Мазепы. 1704–1708 гг.».

¹ Не прав В.И. Борисенко, утверждающий, что по статьям 1659 г. гетману запрещалось назначать и смещать генеральную старшину и полковников без разрешения царя [2. С. 14].

Традиционно в Москву лишь сообщалось о перестановках на полковничьих должностях. Более того, когда в 1676 г. стародубский полковник П. Рославец попытался обратиться с жалобами на гетмана к царю, минуя старшинскую раду, и даже предлагал изъять свой полк из-под гетманской власти, русское правительство целиком встало на сторону тогдашнего правителя Малой России – Ивана Самойловича, отказавшись потакать подобным устремлениям².

Реальное ограничение права гетмана свободно назначать генеральную старшину появилось только в Коломацких статьях 1687 г. Согласно статье 11 «гетману старшины генеральной без воли и указу их царского пресветлого величества, не описався о том к ним, великим государям, с уряду никого не переменяет» [1. С. 314]. Однако полковники в число генеральной старшины не входили [4. С. 114]. Нельзя согласиться поэтому с украинским советским историком В.И. Борисенко, что указанный документ запрещал гетману самовольно назначать полковников [2. С. 15]. Тот же исследователь пишет, что в 1690 г. по царскому распоряжению были смещены со своих должностей переяславский полковник Л. Полуботок и генеральный есаул В. Сербин [2. С. 15]. Однако и Борисенко, и не совсем корректно перенесший эту информацию в свою книгу украинский историк В. Горобец (у Борисенко отмечено, что переяславский полковник Родион Дмитрашко (Дмитрашко Райча) свергнут ранее, и лишь «с согласия» Малороссийского приказа, у Горобца – по царскому указу в 1690 г. – К.К.) [5. С. 55, 72]³, трактовавшие это как пример вмешательства царского правительства в кадровую политику И.С. Мазепы, в данном случае ошибаются в ряде существенных деталей.

Очевидно, что Р. Дмитрашко был лишен должности по инициативе самого Мазепы, отправившего полковника с грамотой в Москву, чтобы в его отсутствие настроить против него переяславских казаков и отправить донос правительству. Царские власти лишь по просьбам гетмана распорядились освободить Дмитрашку от полковничьей должности в сентябре 1688 г. и придать войсковому суду [6. Т. 1. С. 163, 177, 226–227, 232, 247]. Войцу Сербина Мазепа также обвинял в самоуправстве (тот будто самовольно отпустил из плена некоего татарина), сообщив, в конце концов, в столицу о его решении оставить должность генерального есаула ввиду болезни и преклонных лет в январе 1689 г. [6. Т. 1. С. 232, 284–285, 296].

Леонтия Полуботка Мазепа еще в 1688 г. обвинял в самовольной переписке с крымским ханом, а затем и интригах, направленных против него самого [7. С. 177; 8. С. 165–166]. В конце концов, Полуботок был смещен по царскому указу летом 1690 г. за «непристойныи и дерзновенныи поступки», однако толчком к этому послужили просьбы и намеки самого Мазепы. В любом случае русское правительство никак не повлияло на решение гетмана утвердить на его место Ивана Лысенко. Мазепа лишь уведомил об этом столичные власти, впрочем, как и ранее, когда назначал Полуботка [6. Т. 1. С. 393, 401–402].

Хотя царь как верховный правитель (суверен) формально гарантировал войсковой или полковой казацкой раде право выдвижения кандидатов в полковники, ограничивая возможность гетмана безраздельно распоряжаться замещением полковничьих и старшинских должностей, на деле именно так и происходило. Здесь можно привести в пример хотя бы гетмана И. Самойловича, при котором полковниками побывали трое его сыновей и племянник. С избранием в гетманы Мазепы больших изменений эта практика не претерпела. Русское правительство в лучшем случае могло ограничиться лишь формальной санкцией в отношении уже назначенного либо смещенного человека. На этом фоне тем более неслыханными и невозможными казались адресованные гетману распоряжения централь-

² Самым подробным исследованием дела П. Рославца остается глава из труда Н.И. Костомарова (см. [3. С. 513–531]).

³ Автор, почему-то всего лишь пересказав текст Борисенко, тем не менее в примечании на первом месте поставил взятую у того же архивную ссылку, и только во вторую очередь сослался на работу этого исследователя.

ных властей назначить кого-либо на ту или иную полковничью или старшинскую должность. Подобному прецеденту, возникшему двадцать лет спустя после избрания И.С. Мазепы гетманом, и посвящена настоящая статья.

Еще в начале XX ст. известный генеалог и знаток истории казацкой старшины и малороссийского дворянства В.Л. Модзалевский обратил в своей биографии генерального судьи Ивана Черныша (ум. в 1728 г.) на интересный факт, а именно на попытку его героя получить в 1707 г. стародубское полковничество по царскому указу, без одобрения или даже уведомления гетмана И.С. Мазепы. Согласно Модзалевскому, попытка эта закончилась полной неудачей: незадачливый искатель полковничьей должности едва избежал суда «по войсковым правам». Биограф Черныша, к сожалению, не дал ссылок на использованные им источники, однако из текста следует, что, по крайней мере, частично им были привлечены материалы переписки Мазепы с царскими «министрами» – Г.И. Головкиным и П.П. Шафировым [9. С. 320–321].

История эта не привлекла особого внимания исследователей. Между тем ее более детальное изучение с опорой на архивные документы позволяет сделать ряд ценных наблюдений касательно отдельных, весьма важных аспектов русско-украинских отношений того времени, обозначенных выше.

Прежде чем приступить к рассмотрению данного сюжета, несколько слов стоит сказать о самом И. Черныше. Он был одним из тех карьеристов, кто всеми правдами и неправдами сколачивал себе состояние и завоевывал социальный статус в период, когда казацкая старшина разных уровней начала трансформироваться в привилегированную сословную группу землевладельцев, составившую впоследствии основу малороссийского дворянства Российской империи.

Если верить челобитной стародубской старшины 1707 г., Иван Черныш отнюдь не принадлежал казацкому роду. Его отец зарабатывал на жизнь портняжным ремеслом, игрой в кости, трудом на винокуренном предприятии в Батурине. Свою фамилию он получил за смуглый цвет лица, который унаследовал и его сын. Черныш-старший рано умер, и его вдова вторично вышла замуж за сечевого казака Вергуна, занимавшегося торговлей спиртным. Черныш-младший выучился писать в школе при Свято-Никольском батуринском монастыре и поступил на службу канцеляристом в сердюцкий полк [10. Оп. 4. Д. 147. Л. 3 об. – 4].

Много лет спустя, в жалованной грамоте Чернышу 1718 г. указывалось, что отец и дед его участвовали в обороне Чигирина 1677–1678 гг. [9. С. 318]. Это, по всей видимости, сфальсифицированное известие должно было подчеркнуть казацкое происхождение Черныша, которого он на самом деле не имел.

В 1695 г. в составе сердюцкого полка Д. Чечеля Иван Черныш участвовал в походе русско-казацкого войска на турецкие крепости на Днестре, а в 1698 г. он упоминается как войсковой канцелярист [9. С. 318]. В канцелярию, согласно стародубской челобитной, Черныш попал по протекции генерального писаря В.Л. Кочубея, у которого он служил несколько лет после взятия Казикермена [10. Оп. 4. Д. 147. Л. 3 об.–4].

Служба в гетманской канцелярии открывала перед способной украинской молодежи заманчивые перспективы продвижения по карьерной лестнице. В декабре 1699 г. Черныш побывал с письмом Мазепы в Москве [6. Т. 2. С. 582], а в феврале 1700 г. гетман дал ему более ответственное поручение – доставить послание самого царя Петра I русскому послу Е.И. Украинцеву в Константинополь. Канцелярист прибыл туда в апреле и даже был представлен османским уполномоченным на одной из конференций [11. С. 136–137]. Упоминание об этой поездке в царской жалованной грамоте на имения Черныша, выданной в 1718 г. [9. С. 318], подчеркивает, что эта миссия заняла почетное место в его послужном списке. Благодаря ей на гетманского гонца должны были обратить внимание и в русской столице, учитывая, что по возвращении из Константинополя, где-то в

конце 1700 г. Черныш был послан с гетманскими письмами к руководителю посольских дел Ф.А. Головину [6. Т. 2. С. 699, 701].

В 1701 г. Черныш ездил с гетманским письмом к царю. В том же году Мазепа назначил расторопного канцеляриста управляющим («господарем») Батуринского замка (был им в 1701–1703 гг.), что являлось свидетельством особого доверия гетмана. Летом 1705 г. он был послан во главе казацкого отряда на соединение с русскими войсками в Прибалтику. В.Л. Модзалевский отмечает, что в это время Черныш именовался даже полковником, по всей видимости, наказным. Служба давала ему возможность не только укрепить положение при гетманском дворе, но и получить некоторую известность у отдельных русских вельмож. В 1706 г. И. Черныш, по сведениям его биографа, участвовал в победной для русских Калишской баталии, и, надо думать, не рядовым казаком [9. С. 319–320; 12. С. 928]⁴. Русским войском командовал А.Д. Меншиков, и возможно казацкий «офицер» сумел каким-то образом представиться светлейшему князю. Этим можно объяснить позднейшие попытки царского фаворита оказать Чернышу протекцию. Так или иначе, к этому времени Черныш, именовавшийся знатным войсковым товарищем, уже видимо полагал, что достоин более значимой должности. Важным прецедентом при этом было то, что получить он ее решил при помощи русских властей.

В начале 1707 г. Черныш появился при царском дворе, находившемся в тот момент в Жолкве (Правобережная Украина), где стал активно добиваться получения полковничьей должности [10. Оп. 4. Д. 147. Л. 1–1 об.].

В январе 1707 г. руководитель посольских дел Гаврила Иванович Головкин сообщил Мазепе, что царю «бил челом» Черныш, прося пожаловать ему вакантное харьковское полковничество. Харьков находился в составе Слободской Украины и гетману Мазепе не подчинялся. Поэтому данное обращение Черныша показывает, что в стремлении сделать карьеру он готов был пожертвовать службой под началом Мазепы, теснее связав свою судьбу со служилой корпорацией, подконтрольной центральному правительству.

Однако Харьковского полка Черныш не получил. К тому времени царь пожаловал его изюмскому полковнику Федору Шидловскому и «не соизволил того своего монаршеского позволения переменить». Головкин нашел, однако, казавшийся ему легким выход, написав Мазепе (22 января 1707 г. из Жолквы), чтобы тот «велел быть» (примечательно, что эта фраза была вписана вместо зачеркнутого слова «пожаловал») Чернышу «за ево к нему великому государю многие службы» в полковниках «регименту своего», предоставив ему одну из вакантных, по мнению вельможи, должностей: киевское, нежинское, стародубское или гадячское полковничество. На отпуске письма есть помета: «Отдано ему Чернышу» [10. Оп. 1. 1707 г. Д. 2. Л. 7–7 об.].

Где-то в то же время послание Мазепе направил и Меншиков, прося дать Чернышу пернач стародубского полковника со ссылкой на царский указ («указом монаршим предлагает и повелевает», – так писал об этом сам гетман) [10. Оп. 1. 1707 г. Д. 3. Л. 157].

Заручившись согласием русских царедворцев, Черныш посчитал вопрос о его назначении решенным, а гетманское согласие по-видимому воспринимал уже как формальное. Выехав из царской ставки на Украину с письмом Головкина, он поспешил объявить о получении должности полковника в ряде малороссийских городов (Киеве, Козельце, Нежине) [10. Оп. 4. Д. 147. Л. 1–1 об.].

Получение под свое начало Стародубского полка, самого обширного среди других, сыном портного и игрока в кости, столь стремительно возвысившегося «из грязи в князи» не только благодаря гетману или генеральному судье В.Л. Кочубею, но и царю, не могло не вызвать недовольства И.С. Мазепы и, что более

⁴ В.Л. Модзалевский ошибочно пишет, что Черныш был управляющим замком в Гадяче (см. [13. С. 530, 533–534]).

важно, генеральной и полковой старшины. Ведь тем самым закладывался опасный для украинской верхушки прецедент реального определения кандидатов на полковничьи должности при участии центральных властей вместо бытовавшей ранее формальной санкции Москвы. В общем смысле это означало и вторжение царского правительства в украинскую систему социальных лифтов, которая ранее регулировалась исключительно внутри казачьего общества.

Какие же аргументы представил Мазепа, чтобы отказать в исполнении столь болезненно бывшей по его авторитету просьбы? Сохранился гетманский ответ на письмо Головкина, не имеющий, к сожалению, даты, но написанный, судя по всему, в первой половине марта 1707 г. (Мазепа ссылается на современные событиям начало великого поста).

В послании гетман объяснял, что велел прибыть к себе старшине Стародубского полка для объявления царского указа о назначении Черныша. Однако старшины, «уже будучи извещены прежде» гетманского «писания публичным оглашением», сами прибыли к гетману «многочисленно з значнейшим старинным и заслуженным полку своего товариством, все единогласно и единодушно от себе и от целого полку подали свою супплику, целе не хотячи мети и видети у себе Черныша на полковничестве стародубовском». Они «словесно с многим воплем, велеречием и приреканием укоризненным передо мною говорили, – писал гетман, – что им стыдно и безчестно Чернышеви, человеку молодому, незаслуженному и худородному подначальным быти». Стародубцы ссылались на свою многолетнюю службу царскому престолу, за который, так же как и за «Малороссийскую отчизну», они проливали кровь как в далеких боях за Чигирин (1677–1678), так и в недавнем сражении под Несвижем (1706). Казаки, по их словам, «многие [...] головы свои на пляцу военном положили, многии раны претерпели, многии в неволю биссурманскую и шведскую достались». «А он Черныш, – восклицали стародубцы, – нигде с нами в войску не бывал и заслуг его в отчизне Малороссийской жадных не знаем, навет и самое имя, и особа ево Чернышева мало нам ведома».

Со стародубской «суппликой», в которой были изложены и другие доводы против назначения Черныша, к Г.И. Головкину поехал гетманский канцелярист Даниил Болбот. Он должен был представить и кандидата, который по уверению Мазепы, угоден полковой старшине и о котором они просили гетмана еще на Рождество. Им был племянник Мазепы, Андрей Войнаровский. Гетман при этом сообщал Головкину, что не смеет его назначить без царского указа, вновь признавая за царем права санкционировать подобные назначения.

В завершение своего обширного послания Мазепа отметил, что готов исполнить монаршую волю, даже рискуя навлечь на себя недовольство стародубских полчан, но тут же оговаривался: «А мне б здавалося под сей час военный, не треба б им насилия чинити». Резон, по мнению гетмана, состоял в том, что казаки не будут подчиняться Чернышу «в военных оказиях», в результате в полку упадет дисциплина, да и самому незадачливому обладателю полковнического пернача «небезпечное там будет житие». Опасался гетман и за свою безопасность: «А наипаче я ненадежен естем своего здоровья и доброго состояния, понеже что-нибудь где в regimentу моем противное учинится, то на едину мою особу все складают» [10. Оп. 1. 1707 г. Д. 3. Л. 157–158].

Текст вышеупомянутой челобитной стародубской старшины, которую подписал также и влиятельный купец, стародубский войт Спиридон Ширай от имени городского магистрата, сохранился. В отличие от письма И.С. Мазепы, в ней прямо заявлялось, что назначение «худородного» Черныша не только оскорбляет заслуженных казаков полка, но очевидно противоречит сложившейся традиции («давнему обыкновению») и «правам и вольностям» Войска Запорожского, подтвержденным царскими статьями и жалованными грамотами, согласно которым полковник не может быть назначен без избрания его полчанами. Отмечалось и то, что полковник не может занять свой «уряд» без воли гетмана, которому от царя дана «совершен-

ная власть» давать и отбирать должности [10. Оп. 4. Д. 147. Л. 1]. Последний-то, впрочем, как уже отмечалось, в целом был готов согласиться с назначением Черныша, не решаясь открыто противиться царскому указу. Несомненно, однако, что рассматриваемая «супплика» была составлена по прямому указанию Мазепы, а возможно и вовсе написана в гетманской канцелярии. На это наводит и наличие в ней многочисленных подробностей биографии Черныша в период его службы при гетманском дворе, фамилии людей, посылавшихся по распоряжению гетмана к туркам, и др. Документ этот показывает двойственность позиции Мазепы: в письме Головкину он не решился на заявления о нарушении царских гарантий Войску Запорожскому и своего права утверждать полковников, предпочтя вложить их в уста стародубской старшины. Себе, таким образом, гетман оставил роль покорного исполнителя царской воли, дающего совет, как разрешить возникшую проблему.

Так или иначе, очевидным было, что Мазепа не желает назначения Черныша. У царских министров возникшая проблема, о которой они, видимо, не подозревали, вызвала определенное замешательство. Разбирать дело поручили тайному секретарю П.П. Шафирову. Когда он донес обо всем царю Петру I, тот ответил, что главным ходатаем за Черныша был А.Д. Меншиков. Последний, однако, свидетельствовал, что Мазепа якобы сам просил у него за Черныша, «чтоб в прошении его учинить вспоможение». Светлейший князь оправдывался, что «он его, Черныша, озлобит за его нахалство не хотел», как раз желая «по его льстивому доношению [...] услужить» самому Мазепе! Шафиров сообщал гетману, что Черныш «под тою прикрышкою непрестанно его величеству також и всем министрам докучил, дабы ему быт бутто по вашему прошению стародубским полковником». Наконец, Г.И. Головкин поведаль Шафирову, «что от нахалства его не могли отбитьца, хотя он об одном стародубском полку старелся, а иные порожные полки [...] в то письмо вписал» на «рассуждение» Мазепы.

Более того, выяснилось, что устный царский указ о пожаловании Черныша, изложенный в приводившемся выше письме Головкина, якобы был «покрепчен и его Чернышевы руки написан» (т.е., видимо, был подделан либо превратно истолкован претендентом на стародубское полковничество), расходясь с реальным государевым распоряжением. Теперь утверждалось, что на самом деле Петр I «не изволил [...], не ведаю» от Мазепы «писменного прошения [...] его так просто пожаловать», но велел написать гетману, чтобы он решил вопрос «по своему рассмотрению». Черныш таким образом будто бы ввел Головкина в заблуждение.

Подводя итоги расследования, русское правительство в лице Шафинова полностью отступалось от своего «протезе», отдавая его судьбу в руки Мазепы. «Изволишь ваше превосходительство по изволению своему без всякого сумнения и опасения о нем Черныше учинит и против того писма к Гавриле Ивановичу о состоянии его и о обмане отозваться», – писал Шафиров 16 марта из Львова, соглашаясь, что Мазепа вправе «не толко на то полковничество ему [не] позволить, но за ево шилберство и дерзновенье, фалшивые поступки и возмущение учинить» наказание «по воинским правам» [10. Оп. 1. Д. 2. Л. 24–25].

Весной 1707 г., с тревогой ожидая, куда развернет свои полки шведский король Карл XII [14. С. 164–167], русское правительство, опасаясь в том числе и удара на Украину, было заинтересовано в лояльности Мазепы. Так, 18 мая Г.И. Головкин сообщал ему из ставки царя в Якубовичах (недалеко от Люблина) о двояких вестях относительно намерений стоявших в Саксонии шведов. Одни информаторы говорили, что «швед» вскоре «подымеется со всем корпусом сюда», другие же – что пока останется в германских землях, выслав в Польшу 10–12 тыс. войска под командой Станислава Лещинского [10. Оп. 1. 1707 г. Д. 2. Л. 49].

В этих условиях 28 марта 1707 г. устами Шафинова царские власти вновь подтвердили отказ от каких-либо попыток повлиять на замещение должности стародубского полковника: «И о Черныше паки вашему сиятельству напоминаю, дабы ваше сиятельство за ево проникателные и весма фалшивые поступки учинит с ним

изволил так, чему он достоин будет по воинским правам, а кому на полковничестве стародубском быть, то полагает его царское величество на рассмотрение вашего сиятельства» [10. Оп. 1. 1707 г. Д. 2. Л. 33].

На первый взгляд исход дела был благоприятным для Мазепы. Правительство после первых же завуалированных протестов гетмана поспешило вернуть ситуацию в исходное состояние. Важно, однако, подчеркнуть, что Мазепа не решился оспаривать само право монарха как верховного суверена вмешиваться в процесс замещения полковничьих должностей, который ранее по умолчанию находился целиком и полностью в ведении Батурина. В аргументах Мазепы нет ни слова про традиционные права гетманов как «региментарей» Войска Запорожского и казачьих вольности. Чтобы избавиться от неугодного кандидата, гетман малодушно спрятался за спины стародубских полчан, изображая себя лишь посредником между ними и царской властью. Здесь он фактически выступает в роли царского наместника в Малой России, заботящегося о собственной безопасности и недопущении социального недовольства в Стародубском полку и, как следствие, падения его боеспособности. Последнее было важным для русского правительства, поскольку в указанное время стародубских казаков активно использовали в локальных военных операциях на территории Белоруссии. Так, например, 18 мая Г.И. Головкин направил гетману послание с указанием «как наискорее» выслать 2 тыс. стародубских казаков под Быхов, под команду генерала-поручика Р.Х. Боруа, осаждавшего там местного коменданта, который, переметнувшись на шведскую сторону, захватил 30 тыс. руб. царской казны [10. Оп. 1. 1707 г. Д. 2. Л. 50].

Более того, Мазепа, не получивший одобрения кандидатуры А. Войнаровского от русских властей, не решился утвердить его полковником. Его обязанности, по всей видимости, исполнял наказный полковник Прокопий Силенко. Лишь спустя около года стародубским полковником был назначен И.И. Скоропадский, будущий гетман [8. С. 49].

Весьма примечательна и позиция в данном случае русской стороны. Инициатива Головкина и Меншикова противоречила уже упоминавшемуся пункту 7 статей 1659 г., предписывавших избирать полковников только из местных казаков, «а из иных полков в полковники не выбирать» [1. С. 110–111], однако к тому времени в царских канцеляриях вряд ли сверяли свою малороссийскую политику с духом и буквой русско-украинских соглашений. Трудно однозначно сказать, какими мотивами руководствовались в данном случае царские «министры» и светлейший князь Меншиков. Здесь можно видеть интригу последнего, которого историки, хотя и на довольно шаткой источниковой основе, иногда обвиняют в намерении увеличить свое состояние за счет обширных имений в Малороссии, сделавшись черниговским «князем» [15. С. 279–284].

Так или иначе, действия Головкина и Меншикова лишний раз показывают хрупкость отношений между гетманом и русскими властями в сферах, где полномочия не были четко разграничены и базировались не столько на гарантиях, зафиксированных в царских статьях и жалованных грамотах Войску Запорожскому, сколько на сложившейся практике взаимоотношений. Попытка русской стороны, намеренно или нет, изменить ее, вмешавшись в кадровую политику гетмана, спровоцировала недовольство Мазепы, несмотря на то, что какие-либо писанные нормы, подтверждавшие его исключительное право утверждать полковников, отсутствовали. Вместе с тем подобный прецедент не мог возникнуть без влияния соглашательской позиции самого гетмана, который постоянно выказывал готовность следовать царским распоряжениям, активно завоевывал доверие царя и его советников, отмежевываясь (как и в случае с Чернышем) от требований казацкого общества, адресованных русскому правительству. Привыкший к подобной угодливости, Головкин, судя по всему, вообще вряд ли видел проблему в том, что Мазепа утвердит кого-то полковником по протекции царского двора. Иначе трудно объяснить, зачем он в своем послании расширил возможное число полковничьих вакансий.

Описанный инцидент показывает и определенные метаморфозы, происходившие в сознании отдельных представителей украинского общества, особенно тех из них, кто *per fas et nefas* стремился повысить свой социальный статус и сделать карьеру. Понимая и признавая реальное влияние русских властей на Украине, когда доверие Москвы было залогом прочных позиций гетмана в казацкой среде, они считали возможным обращение к царю за пожалованиями и должностями напрямую, минуя Батурина. Казус Черныша, как человека, не рассчитывавшего на традиционные методы карьерного продвижения (участие в военных походах, служба в качестве бунчукового товарища и т.д.), ввиду своего неказацкого происхождения лишь только на первый взгляд нетипичен. По сути же перед нами один из признаков эрозии автономного статуса (выражавшегося в совокупности обычаев и юридических норм) Гетманской Украины в составе России, которая приняла свой яркий выраженный характер уже после Полтавской битвы 1709 г. Отчасти об этом свидетельствуют и последующие факты биографии Черныша.

В 1708 г. он был посажен на некоторое время в тюрьму за причастность к известному делу своего бывшего покровителя В. Кочубея и полтавского полковника И. Искры, однако вину его доказать не смогли, и он избежал наказания. После измены Мазепы и избрания гетманом И.И. Скоропадского Черныш возобновил попытки стать стародубским полковником, но в итоге получил под командование Гадацкий полк [9. С. 321–325].

В 1710 г. в российских правящих кругах активно обсуждались проекты установления контроля над занятием полковничьих и старшинских должностей, а в 1715 г. эта идея была реализована: процесс должен был происходить при участии пребывавшего при гетмане российского резидента. Более того, в отдельных случаях назначения производились и вовсе без участия гетмана, по распоряжению кабинета Петра I и Сената [5. С. 65–66]. Среди подобных назначенцев был и неугомонный Иван Черныш, ставший генеральным судьей.

В приложении публикуется челобитная старшины Стародубского полка. Публикация осуществлена в соответствии с «Правилами издания исторических документов» (М., 1990) с отдельными изменениями. Сокращения, обозначенные титлой и другими знаками, раскрыты без специальных обозначений. При публикации сохранена литера «ѣ» как имевшая разное фонетическое звучание в русском и украинском языках того времени.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Источники малороссийской истории, собранные Д.Н. Бантышом-Каменским и изданные О. Бодякинским. М., 1858. Ч. 1. 1649–1687.
2. *Борисенко В.Й.* Соціально-економічний розвиток Лівобережної України в другій половині XVII ст. Київ, 1986.
3. *Костомаров Н.И.* Руина // *Костомаров Н.И.* Исторические монографии и исследования. СПб., 1882. Т. 15.
4. *Геращенко С.В.* Генеральна старшина // Українське козацтво. Мала енциклопедія. Київ, 2006.
5. *Горобець В.* Присмерк Гетьманщини: Україна в роки реформ Петра I. Київ, 1998.
6. Листи Івана Мазепи. Київ, 2002. Т. 1. 1687–1691. Упорядник та автор передмови В.В. Станіславський; Київ, 2010. Т. 2. 1691–1700. Упорядник та автор вступного дослідження В.В. Станіславський.
7. *Оглоблин О.* Гетьман Іван Мазепа та його доба. Нью-Йорк; Київ; Львів; Париж; Торонто, 2001.
8. *Павленко С.* Оточення гетьмана Мазепи: соратники та прибічники. Київ, 2004.
9. *Модзалевский В.Л.* Генеральный судья Иван Чарныш и его род // Киевская старина. 1904. Т. 84. № 3.
10. Российский государственный архив древних актов. Ф. 124.
11. *Богословский М.М.* Петр I. Материалы для биографии. Л., 1948. Т. 5. Посольство Е.И. Украинцева в Константинополь. 1699–1700.
12. Письма и бумаги императора Петра Великого. СПб., 1893. Т. 3 (1704–1705).
13. *Лазаревский А.М.* Иван Петрович Забела, знатный войсковой товарищ (1665–1703 гг.). (Отрывки из семейного архива) // Киевская старина. 1883. Т. 6. № 7.
14. *Артамонов В.А.* Полтавское сражение. К 300-летию Полтавской битвы. М., 2009.
15. *Таирова-Яковлева Т.Г.* Иван Мазепа и Российская империя. История «предательства». М., 2011.

ПРИЛОЖЕНИЕ

1708 г. Март. Челобитная казаков Стародубовского полка с протестом против назначения полковником Ивана Черныша.

Ясневелможный мосцѣвий пане гетмане,
Премилостивѣйший наш и великий добродою!

Еще в прошлом месяцу февруарии^а перш отчасти (чому еще мы не зовѣм довѣрали), а тепер уже совершенно оголосилоя тое останствующую ведомостию в цѣлом нашем Стародубовском полку, же Иван Черныш, слуга велможности вашей, не контентуючися так прещедроу и превеликою велможности вашей ласкою и милостию, годност подлой его особы превишшаючоу, которая оногo од гноища воздвигнула и яко единого от нищих обогатила, а будучи тепер чи то в дѣлех велможности вашей войсковых, чили в своих частных (чого мы документалне не вѣдаем) у двору пресветлѣйшого нашего самодержца, его царского величества, дерзнул не тилко без нашего на тое соизволения, но что ест наибольшое, и без волѣ велможности вашею, звѣрхнѣйшого своего рейментара, яковимис своими хитростми и прелестми о уряд полковництва стародубовского старатися над давние обикновение, права и волности наши войсковые, премоцными и висоцеповажными православных монархов всерусийских самодержцов прежних и нынешнего, щасливе нами обладающего великого государя его царского величества грамотами, утверждение и потверженые. И потол властолюбием и тщеславием ослѣпленный, не видячи и не познаючи себе, что ест, не перестал и не устал в намѣренном дѣлѣ, покол желаемого себѣ не получил и именованным уже (яко нам донеслося) полковником (л. 1 об.) стародубовским не зостал, котрым себе поворочаючи от двору монаршого в Киевѣ, в Козелцу, в Нѣжинѣ и по инших мѣсцах на остаток через кривных своих, прозиваемых Чортов и через инших служок, безстудными своими писмами и у нас так далеце оголосил, же по всем полку Стародубовском досконалая в том пронеслася вѣдомост, которая в народѣ немалое учинила смятение и нам, старшинѣ незносим жалем сердце и утробу уязвила, великий ужас и удивление принесла, як то он, Черныш, единый в безчестном своем рождении от нищих человек незнатный и межи иншими честнѣйшими и заслуженными велможности вашей слугами послѣдний, бо недавний слуга, дерзнул до наяснѣйшого монаршого его царского величества маестату коснутися и так великой рѣчи просити, в которой ему, не мѣючому жадних в Войску Запорожском заслуг и будучому безславного шевского и шинкарского роду, и помислити трудно. Ставаем прето на таковой нечаянной никогда нами вѣдомости отголос, у велможности вашей пана нашего милостивого, а не так ставаем, яко до ног велможности вашей рейментарских упадаем, просячи и ищучи при них непреодолѣнного и благопрозрителного заступления од того праволомного хищника ураду полковництва стародубовского, слуги велможности вашей Чорныша, которого ми жадных наименших в Войску Запорожском не толко заслуг (л. 2) не ведаем, но и подлюю его особу не давно килка тому лѣт ледво познали, як велможност ваша своею панскою протекциею почалес оногo от нища и убога в человека претварати, перш в канцелярии войсковой, до которой был по милости велможности вашей от услуг дворовых его милосте пана Кочубея на тот час писара, а тепер судии войскового енералного, принятий, убогощаючи и доволствуючи его на многие мѣсца розными послылками користными, якие не могут ему в заслуги, лечь в удовольствие скудости и убожества вмѣнятися, а потом на господарствѣ

^а Последняя буква в слове читается условно ввиду исправления.

замку своего Батурина, на котором велможности вашей он, Черниш, барзѣй прослужился, анижели заслужился, яко о том всѣ мы совершенно знаем, и удивляемся до тих час великому велможности вашей непамятозлобию и панскому милосердию, же того Черниша, которого треба было не на время (яко велможност ваша учинилес был), лечь навсегда от милости своей панской отринуть, зо всего обнажити и значне скарати за явние его шалбѣрства и тайние добр ваших панских присвоения, велможност ваша по естественном своем не раз свѣдѣтелствованном милосердию арматним токмо через еден день вязенем, чрез килка недел на очах панских небиванем и от господарства отстановленем мало наказавши, преждней своей ласки участником быти удостоилесь, котороу разгородѣвшись стал высоко о себѣ разумѣти и превозносити себе вишше себе. (л. 2 об.) Лечь мало на том болшое предградет: не прозирлся он, Черныш, и городстию и любочестием ослѣпленный, в рождение свое, кто ест и откуду, кгды дерзнул, будучи худородним, о высокое в Войску Запорожском стародубовское полковництва достоинство недостойнѣ старатися, на котором прежде сего почавши от славныя и вечно^b достойныя памяти валечного велможности вашей антецессора Богдана Хмельницкого аж до щасливого велможности вашей рейментарского властителства всегда zostавали люде годнии, заслужонии козаки з дѣда з прадѣда, стариннии, славнии и отважнии межи якими иннии были и гетманского племенѣ, яко то небощик Федор Мовчан¹, внук Богдана Хмельницкого, которий на службе монаршой в Чигиринѣ за вѣру православную, за церкви Божественные, за Отчизну Малороссийскую и за волности войсковие крѣпко и мужественно против сил турецких застановляючися, голову свою положил, а за ним болш от двохтисячей значнѣйшого полку Стародубовского начального и подначального товариства дѣдов, отцов, дядков и братьов наших от меча неприятелского на пляцу военном трупом лягло², а иншии многии з нас и тепер в той же Чигиринской военной потребѣ раны и кровпролитие претерпѣвши, в живых еще обрѣтаются. Не умолчим и недавно бывших (л. 3) у нас полковников, небожчиков гетманичов Семиона и Якова³, перед ними зас пана Григория Карповича Волского, в живых тепер обрѣтаючогося, старинного значного и заслужоного товариша войскового, которий од хоружества енерального перш у нас стародубовским, а потом киевским был полковником⁴. А по них гетманичах за щасливого велможности вашей властителства и покойника Миклашевского прошлого року в Несвѣжу также на службѣ монаршой от рук неприятельских шведских з инним многим товариством, отцами, дядками и братьями нашими смертию пострадавшего⁵, которого мы з знаменитого ураду асаулства войскового енерального волними голосами на полковництво стародубовское, яко годного и в Отчизнѣ заслужоного человека, у велможности вашей упросили.

А як же не постидитя Черниш, жадних заслуг у себе не мѣючи, человек молодой, сын не козацкий, в экспедициях военных неискусный, а подобно и никогда не бывалый, по таковых особах достойных заслужоных и славных над нами, старинними козаками полковниковати и прежним полковником стародубовским чином соравнятися, да и нам в Войску Запорожском кровию и отвагами з отцов, дѣдов и прадѣдов имя козацкое заслужившим, як не тилко не безчестно и не укоризненно будет ему Чернишеви единому служцѣ велможности вашей подначальными быти, кланятися и повиноватися, которого мы не толко (л. 3 об.) дѣда и отца никогда не знавали и знати (бо и не маш чога) не можем, лечь и его самого, и прозвание онога недавно и то не всѣ з нас увѣдали. Тое токмо от певних людей честних, вѣригодних жителей батуриных, и тепер еще живих достовѣрно знаем и давно чуем, же отец его в Батуринѣ нищетно живучи, ремеслом шевским и костирством⁶ упражнялся, а потом з братом своим, а его дядком в винницѣ роблял, и оттол себѣ пищу и одежду мѣл, а Чорнишем для того люде в Батурине прозвали, же над мѣру был лицом чорний, яко и сын не велми бѣлий, которий по смерти отческой zostавшиися з маткою осиротѣлим в малых лѣтях, а не хотячи чили не могучи

^b Последняя буква в слове читается гипотетически по причине кляксы.

ремесла шевского учиться, якого бы певне умел, если бы отцеви вѣкъ продолжил-ся, удался на науку писма до школы Свято-Николской Батуриной, где учился и валялся за нищего. Матка зас поти шинкарством бавилася, поки не пошла за небощика Вергуна, козака сѣчового, а и за тим будучи в малженствѣ не оставляла шинкарства, которим и доселѣ увес род его Чернишов яко то прозиваеми Чорти и иншие бавятся. Когда прето он Черниш научился читати и писати, тогда перш за хлопца служил при небощику Лисицѣ⁷, полковникови охочопѣхотним, а потом по смерти его Лисицы^с, кгда полк тот пѣхотный над которим он полковниковал, вручен зостал от велможности вашей пану Чечелю⁸, в тех час уже он, Черниш, в совершенный возраст прийшовши, при нем пану Чечелю за челядника и писарчика зоставал до Казикерменского походу. А по взятю Кезикермена, оставивши службу сердюцкую, удался на услуги (л. 4) до его милости пана Кочубея, на тот час писара войскового енерального, у которого чрез килка лѣт служачи и до писана лучше призвичаившись, упросился у велможности вашей через рекомендацію помененного ж его милости пана Кочубея нынѣшнего судии войскового енерального до канцелярии войсковой недавним временем, которая поневаж не так многолюдна была, як тепер, латвый получил через милост велможности вашей до тоей же канцелярией войсковой приступ и вход, в какой видячи велможност ваша его Черниша легкого и от всѣх канцелярист меншого и послѣднѣйшого, а отчасти справного, изволалес оного в Царкгород гонцем з листами до его царского величества думного дѣяка, его милости господина Емелиана Игнатовича Украинцева⁹ ординовати.

З чого всего изслѣдовавши его рождение, воспитание и службы можно познати совершенно, что он Черниш ест за человек и якие его заслуги. И з тих прето мѣр разсуди велможност своим благомудрим благоразумием, если прилѣчно шевскому, костирскому, винницкому и шинкарскому сыну над нами стародавними козаками полковниковати, которих праотцы не копиллом, не костми и картами, ани квартою и ожогом винничним, лечь шаблею и кровию имя козацкое заслужили и нам наслѣдником своим за найболший дар оное зоставили. Вздригаемся теды и ужааемся, обавляючися, абы полк наш, которий тепер честию и славою и заслугами соравняется инним полкам, не прийшол в крайнее понижене, поругание, укоризну и посмѣвиско, когда по так честных, славных и заслужонных полковниках будем (л. 4 об.) мѣти над собою полководцу (чого не дай Боже), единого шустика, шевича, человека молодого и нѣгде в военных оказиях небывалого. А если он Черниш для тол тилко единого величается (бо инших не маш и не было служеб), же гонцем был з листом до Царкгорода, то такую мѣрою всѣх бы тих слуг велможности вашей, котории в прошлых лѣтях были до Царкгорода гонцами треба учинити полковниками, яко то Козловского¹⁰, Петра Волошина¹¹, Статия Волошина¹², Стефана Керека и инних, що никогда события не может для подлости их особ. А до того было бы то противно давнему обикновению, правам и волностям нашим, многими статьями и монаршими грамотами потвержениями, если бы он Черниш зостал у нас полковником без жадного нашего согласия и волного избрания.

И любо велможност ваша от Бога и от Помазанника его великого государя нашего, его царского величества совершенную мѣш власт и давати, и отбирати уряды полковничие, однак тую свою власт, послѣдуючи антецессором своим, так мѣркуешь и так благоразумѣшь^д своим управляешь, жебы ни в чом прав и волностей войсковых не перевишшала и не повреждала. Упадаем прето до ног велможности вашей и сторично покорне просим, абыс нас при правах и волностях наших заховуючи (л. 5), не допускал над нами Чернишеви, слузѣ своему, человеку молодому, сыновни шевскому, ни в чом в Войску Запорожском незаслужоному и нам мало

^с Буква «ы» в слове исправлена из «ѣ».

^д Возможно ошибка, должно быть «благоразумением».

знаемому началствовати и полковниковати на безчестие, поругание, и посмѣвско у малороссийского народу полку нашего. А яко всѣ единогласными голосами чрез покорную суплѣтку прошлых свят рождественских просили себѣ за полковника у велможности вашей его милости пана Войнаровского милого велможности вашей сестренца так и тепер неотступнее повторне о того ж самого ж просим, если ж бы в том нашем прошении цѣле не могли получитьи благоисполнительной велможности вашей милости, теды дерзаем уже хочь и незносим нашим жалем о тое просим, абыс велможност ваша позволил нам ведлуг прав и волностей наших з межи себе в полку на тот уряд полковничий годнѣйшого кого и заслуженнѣйшого, ниж Черниш, волними голосами избрати, в чом желаемому прошению своему получивши, должны зостаем за щасливое велможности вашей пановане Господа Бога молити.

Спиридон Ширай,
воит стародубовский
з всѣма маистратом
и посполством

Велможности вашей нашего велцemosцѣвого
пана, премилостивѣйшого добродѣя
наинизшие подножки:

Прокопий Силенко, обозный и полковник
наказный стародубовский
Яков Романовский, судья полковый
Григорий Старосѣлский, Смен Кголецкий,
асаули полковие,

Юрий¹³ и Ян Рубцѣ ...¹⁴, Федор Волский, сотник
топалский, Захарий Искра, сотник погарский
Афанасий Покорский, писар полк[овый], Михайло
Турковский¹⁵, сотник и инние з всем полком

Российский государственный архив древних актов. Ф. 124. Оп. 4. Д. 147.

Примечания

¹ Федор Лукьянович Молчан (ум. 1678) назначен стародубским полковником в 1678 г., убит в том же году в боях за Чигирин.

² Согласно официальным данным, в кампании 1678 г. Стародубский полк потерял убитыми и ранеными около 400 чел. [16. С. 396].

³ Сыновья гетмана И. Самойловича. Семен (ок. 1660–1685) был стародубским полковником в 1680–1685 гг., Яков (ум. 1695 г.) – в 1685–1687 гг.

⁴ Григорий Карпович Коровка-Вольский (Коровченко) (ум. ок. 1707), с 1672 г. – генеральный хорунжий, с 1677 г. – чигиринский полковник, в 1678–1680 гг. – стародубский полковник, в 1682–1688 гг. – киевский.

⁵ Михаил Андреевич Миклашевский (ум. 1706) – генеральный есаул в 1683–1689 гг. (с перерывом), был стародубским полковником в 1689–1706 гг. Убит 12 марта в стычке казацкого отряда со шведами под Несвижем.

⁶ Костирство – игра в кости.

⁷ Иван Павлович Лисица (ум. ок. 1695).

⁸ Дмитрий Васильевич Чечель (ум. 1708) – сердюцкий полковник с 1695 г.

⁹ Е.И. Украинцев (1641–1708) – русский посол в Константинополе, заключивший в 1700 г. мирный договор с Османской империей.

¹⁰ Возможно, Павел Козловский, упоминаемый в 1707 г. как гетманский дворянин.

¹¹ П. Волошин в 1690-х годах ездил с гетманскими письмами и поручениями к крымскому хану, молдавскому господарю, а также к русскому царю.

¹² Статий Волошин в 1707 г. ездил в Бендеры, сопровождая царского курьера в Константинополь [10. Оп. 4. Д. 144. Л. 1].

¹³ По всей видимости, это Юрий Ильич Рубец, бывший позднее полковым судьей.

¹⁴ Слово неразборчиво, гипотетически читается как «у ног».

¹⁵ Михаил Турковский был мглинским сотником.

© 2016 г. Г. ПАЛФИ

ВЕК РАЗРЫВОВ И КОМПРОМИССОВ: НОВЫЙ ВЗГЛЯД НА ИСТОРИЮ ВЕНГЕРСКОГО КОРОЛЕВСТВА XVII ВЕКА

В статье предлагается новый подход к изучению истории Венгерского королевства в составе Габсбургской монархии в XVII в., в основе которого отказ от односторонней оценки освободительных движений трансильванских князей как прогрессивных и трактовка политических процессов как конфликтов и компромиссов сословий с венским двором и династией.

The article suggests a new approach to studying history of the Kingdom of Hungary in the Habsburg Monarchy in the seventeenth century, which implies refuse from the one-sided estimation of the liberation movements of the Transylvanian princes as progressive, and treatment of political processes as conflicts and compromises with the Vienna Court and the dynasty.

Ключевые слова: политическая борьба, XVII век, компромисс, сословия, Габсбурги.

Keywords: political struggle, seventeenth century, compromise, estates, the Habsburgs.

В истории Венгерского государства «долгий XVII век», длившийся от Венского мира 1606 г. до Сатмарского мира 1711 г., занимает особое место. За последние полвека в венгерской и зарубежной историографии эта эпоха в истории королевства, отмеченная короткими и затяжными войнами и чередой мирных договоров, получила самые разные интерпретации. В 50–70-е годы XX в. это время называли важнейшим периодом *венгерской освободительной борьбы*. Среди тех, кто тогда учился в школе, многие считают так и поныне. По этой причине подобные взгляды довольно широко распространены в массовом сознании венгров. Тому немало способствовало – что вполне понятно, хотя совершенно анахронично – обретение Венгрией независимости в 1989 г. Для их популяризации много сделал не профессиональный историк, а один из виднейших представителей научного социализма в Венгрии – Аладар Мод (1908–1973), чья книга «400 лет борьбы за независимую Венгрию» выдержала семь изданий [1; 2]. Его работа удачно соединила марксистскую идеологию 40–50-х годов XX в. с течением, господствовавшим в венгерской романтической историографии второй половины XIX в. и в той или иной форме владевшим умами в первой половине прошлого века [3. P. 43–46, 121–128; 4. 139–273. old.; 5; 6. S. 195–219].

По мнению Мода, который сам никогда не занимался исследовательской работой, период с 1526 по 1918 г. в венгерской истории был не чем иным, как борьбой венгров против «немецких угнетателей», «австрийских колонизаторов», «империалистов Габсбургов». В авангарде этой борьбы стояли правители Трансиль-

---

Палфи Геца – доктор Венгерской академии наук, ведущий научный сотрудник Института истории Центра гуманитарных исследований Венгерской академии наук.

Работа выполнена в рамках исследовательского проекта Венгерской академии наук «Lendület», осуществляемого творческим коллективом «Святая корона» на базе Института истории Центра гуманитарных исследований Венгерской академии наук.

ванского княжества, прежде всего жившие в «долгом XVII в.» Иштван Бочкаи (1557–1606), Габор Бетлен (1580–1629), Имре Тёкёли (1657–1705) и Ференц II Ракоци (1676–1735). Одобрение этой концепции со стороны современной политики проявилось в том, что в 1950-е годы в королевском пантеоне на Площади Героев в Будапеште скульптуры императоров из династии Габсбургов – Фердинанда I, Карла VI (как венгерский король Карл III), Марии Терезии (официально носившей титул венгеро-богемской королевы и бывшей императрицей в силу своего замужества за Францем I Лотарингским), Леопольда II и Франца Иосифа – по распоряжению коммунистического руководства были заменены на фигуры Бочкаи, Бетлена, Тёкёли, Ракоци и Лайоша Кошута (1802–1894) [7. Р. 30–33]. Благодаря такой исторической политике и монументальной пропаганде на этой концепции истории Венгрии XVII в., даже всего раннего Нового времени, выросли целые поколения.

Свою роль сыграло и то обстоятельство, что в профессиональном сообществе историков в 50–70-е годы XX в. эта концепция получила широкое признание или, как минимум, с ней вынужденно мирились. Речь прежде всего идет о книгах К. Бенды (1913–1994) «Борьба Иштвана Бочкаи за независимость» (1952), Л. Надя «Габор Бетлен за независимую Венгрию» (1969) и выдержавшей не одно издание научно-популярной работе А. Варкони (1928–2014) «Между двумя погаными. История освободительной борьбы Ракоци» [8–10]. Те же идеи несли международному сообществу историков работа Б. Кёпечи на английском языке «Венгерские войны за независимость в XVII–XVIII вв.» (1982) и ряд синопсисов истории Венгрии на иностранных языках [11. Р. 445–455; 12. Р. 151–178]. Влияние этих работ ощущается по сей день как в массовом историческом сознании венгров, так и в зарубежной историографии. Последнее особенно рельефно подтверждает относительно новая, вышедшая в свет в 2006 г. история Венгрии на английском языке. Глава, охватывающая период с середины XVI до начала XVIII в., озаглавлена «Борьба за независимость (1547–1711)» [13. Р. 102–128].

В 1980–1990-е годы для системы династических государств раннего Нового времени в венгерской исторической науке постепенно сформировалась новая концепция, призванная сменить вопиюще анахроничную теорию борьбы за независимость. Речь идет о так называемой теории *объединительных экспериментов*. Согласно ее положениям, И. Бочкаи и его преемники на троне князей Трансильвании боролись не за независимость, но за восстановление территориальной целостности исторической Венгрии, разделенной на три части после занятия в 1541 г. Буды османами. Яркий пример этого смыслового поворота – главный национальный историографический проект периода после Второй мировой войны – «История Венгрии» в десяти томах. Том, посвященный XVII ст. (редакторы – Ж.П. Пах (1919–2001) и А. Варкони), вышел в свет в середине 1980-х годов, когда уже не могло быть речи о борьбе за независимость в XVII в. По выражению авторов, политика трансильванских князей была не чем иным, как «борьбой с Габсбургами в попытке объединить страну» [14. 1043–1155 old.; 15. 70–90. old.].

Если теория борьбы за независимость говорила о влиянии, которое после 1948 г. имело политическое руководство на историческую науку, то новая теория забывала «всего лишь» о том немаловажном обстоятельстве, что трансильванские князья до самого конца XVII в. оставались вассалами Оттоманской Порты, хотя их зависимость от султана была несравнимо мягче, чем у молдавского и валашского господарей. Пойти войной на Габсбургов они могли только с разрешения Стамбула, поскольку вопрос, кому сидеть на трансильванском престоле, решался при султанском дворе. Выходило, что они вели, конечно же, не объединительные войны, а просто ходили походами против Габсбургов. Об этом недвусмысленно свидетельствует новейшая венгерская историография [16; 17]. Исключение составляет только Ференц II Ракоци в начале XVIII в.: он уже не зависел от османов,

но объединенная под его скипетром историческая Венгрия оставалась не более чем недостижимой мечтой [18. 774–807. old.; 19. P. 67–76; 20. P. 11–114; 21].

Хотя за последние двадцать лет благодаря новым исследованиям теория объединения страны все решительнее отвергается профессиональным сообществом, она все еще доминирует в учебных планах по истории для средней и высшей школы. Например, в вышедшем в свет в 2014 г. учебнике по истории для шестого класса говорится: «Важнейшим направлением политики трансильванского князя Габора Бетлена было объединение разделенной на три части страны» [22. 87. old.]. Жизнеспособность этой концепции объясняется в первую очередь тем, что историческая наука и действующие политики, рассуждая о XVII веке, нередко опираются на мифы о национальной независимости, со второй половины XIX в. внедряющиеся в массовое историческое сознание венгров, и это при том, что в ту эпоху еще не было ни одного национального государства в современном смысле слова. Путаницу усиливает тот факт, что первые приметы будущих национальных государств появляются именно в этот период [23; 24. 1150–1159. old.].

Историография за пределами страны мало в чем расходится с венгерской концепцией национальной истории, поскольку работы на широко распространенных в мире языках были в большинстве своем написаны в Венгрии, переведены и включены в обобщающие труды. Благодаря взгляду со стороны из этого правила есть примечательные исключения – исследования трех авторов, которые рассмотрели историю Венгерского королевства в контексте центральной европейской Габсбургской монархии. Британец Р. Эванс в пионерской монографии «Возникновение Габсбургской монархии, 1550–1700» уже в 1979 г. предложил совершенно иной подход, в центре которого не борьба за независимость или восстановление территориальной целостности, а взаимоотношения между венским двором и венгерскими сословиями. Глава, посвященная Венгрии, называется «Умеренное отторжение» (по-английски – «Limited rejection», по-немецки – «Beschränkte Zurückweisung») [25. P. 235–274; 26. S. 177–201]. Сходные взгляды характерны для автора работы по истории Габсбургской монархии в XVI–XVII вв. (2003) австрийца Т. Винкельбауэра и создателя обобщающего труда по истории Венгрии раннего Нового времени (2010) француза Ж. Беранже. Изучая структуру монархии, ее армию, финансы, религиозные и общественные отношения или культуру, Винкельбауэр ни на минуту не упускает из виду Венгрию. Особое внимание он уделяет вопросу османского завоевания и венгерским сословиям как с точки зрения королевства, так и монархии в целом [27. S. 123–173]. Беранже опирается на собственные исследования по истории венгерских Государственных собраний и антиосманских войн и озаглавливает раздел в обобщающем труде по истории Венгерского королевства в период между 1606 и 1711 гг. «Конституционный конфликт XVII в.» [28. P. 105–204]. Эти подлинно новаторские подходы получили известность и признание в венгерской историографии лишь недавно.

В этой статье я предлагаю новую, рабочую концепцию истории Венгерского королевства в XVII в. Она ближе к подходам трех упомянутых выше иностранных историков, чем венгерские теории, опирающиеся на предрассудки и мифы и подчиненные сиюминутным нуждам современной политики. Рассмотренные выше венгерские теории вызывают возражения не только в силу своих методологических изъянов, но и потому, что трактуют историю Венгрии едва ли не исключительно с точки зрения возникшего в середине XVI в. Трансильванского княжества [29; 30; 31. P. 165–179]. В первую очередь потому, что сторонники этих теорий (как мы уже знаем – ошибочно) под воздействием венгерской национально-романтической историографии XIX в. считали княжество оплотом венгерской национальной независимости и символом самостоятельной венгерской государственности.

Мы не будем оспаривать правомерность такой построенной вокруг Трансильвании теории, однако укажем на то, что историю Венгрии, разделенной в 1541 г.

на три части, нельзя написать только с одной точки зрения. Корректным представляется анализ истории всех трех государственных образований – во-первых, Венгерского королевства, интегрированного в центральноевропейскую Габсбургскую монархию, во-вторых, Османской империи, захватившей обширные области в Дунайском бассейне, и, в-третьих, Трансильванского княжества – вассала турецкого султана.

В наши дни трудно согласиться, что историю правопреемника средневекового венгерского государства – Венгерского королевства, ставшего частью владений Австрийского дома – мы рассматриваем сквозь призму исторического нарратива другого государственного образования – Трансильванского княжества, формально воссозданного к 1570 г. Иными словами, историю двух по преимуществу венгерских государств (королевства и княжества), несмотря на их теснейшие контакты, нельзя написать в рамках только одной модели или концепции. Уже только потому, что первое было частью ведущей державы Центральной Европы – Габсбургской монархии, второе – входило в сферу интересов мощнейшего государства тогдашнего мира – Османской Порты. Начиная с XVI в. эти две великие державы на протяжении веков соперничали друг с другом.

Венгерское королевство, площадь которого после всех османских завоеваний составляла 120 тыс. кв. км, заслуживает того, чтобы мы рассматривали его историю в период между 1606 и 1711 гг. под особым углом: прежде всего в контексте взаимоотношений королевства и Габсбургской монархии, венского двора и венгерской политической элиты, как это делают Эванс, Винкельбауэр, Беранже и делал в своих поздних работах К. Бенда [32. S. 85–124; 33. P. 123–128]. Мною уже была предпринята попытка подобного изложения для XVI в. [34]. В заданной системе координат, основываясь на новейших исследованиях, я называю историю Венгерского королевства в XVII ст. *веком соглашений и компромиссов*. Даже точнее *веком разрывов и компромиссов*, притом что каждому – сложному по природе, многостороннему – компромиссу предшествовал разрыв. Прежде считалось, что решающим в венгерской истории было Соглашение 1867 г. о преобразовании Австрийской империи в Австро-Венгерскую монархию. Сегодня есть все основания утверждать: не только XVIII век был «эпохой компромиссов» (как его называет Я. Поор [35]); это определение можно и нужно распространить на историю Венгерского государства в XVII в.

Все вышесказанное не означает, однако, что мы предлагаем жестко разделить историю государственных образований, возникших после 1541 г. на территории исторической Венгрии. Свои войны – будь то войны османов в союзе с трансильванскими князьями против императоров-королей из династии Габсбургов или наоборот – они вели на территориях друг друга. Назовем только самые важные столкновения XVII ст.: восстание Бочкаи (1604–1606), походы Бетлена против Фердинанда II (1619–1621, 1623–1624, 1626), походы Дёрдя I Ракоци против Фердинанда III (1644, 1645), масштабные войны 1660–1664 и 1683–1699 гг. Необходимость все новых компромиссов между венским двором и венгерскими сословиями объяснялась тем, что шаткое равновесие, сложившееся в XVI в., постоянно нарушалось антигабсбургскими походами трансильванских князей. В немалой степени этому способствовало то, что последним удавалось привлечь на свою сторону часть политической элиты королевства (одних силой оружия, других – помощью в достижении их личных целей, будь то деньги, власть или почести).

Когда более или менее продолжительные войны заканчивались, мирные соглашения не всегда заключали исключительно главы воюющих государств, нередко договаривающимися сторонами выступали два лагеря расколовшейся элиты самого королевства, садившиеся за стол переговоров друг с другом или с венским двором. По моему мнению, в XVII в. в истории страны можно выделить *пять принципиально важных соглашений или компромиссов*: 1608, 1622, 1647, 1681 и

1711 г. Все они, за исключением Сатмарского мира, были выработаны на Государственных собраниях.

Первый компромисс обрел свои очертания осенью 1608 г. на Государственном собрании в Пресбурге¹. Договаривающимися сторонами выступали Матиас II (как венгерский король 1608–1619), отнявший в союзе с сословиями в ходе так называемого «раздора между братьями» (Bruderzwist) трон у Рудольфа II [36; 37], и сословия Венгерского королевства, расколовшиеся в ходе восстания Бочкаи 1604–1606 гг. на два лагеря. Главным условием примирения назывались заключение Житворокского мира с османами, венчавшего окончание Долгой (Пятнадцатилетней) войны (1591/1593–1606), и Венского мира, знаменовавшего прекращение восстания, состав которого был довольно пестрым [38. S. 5–53; 39; 40]. Новый компромиссный порядок – отчасти потому, что открыл новую эпоху – уже давно изучен в венгерской и международной историографии, и большинство ученых называют его принципиально важным соглашением [34. P. 208–233; 41. 48–66. old.].

О втором компромиссе XVII в. историография полностью забыла. Боевые действия на территории Венгрии трансильванского князя Г. Бетлена против императора Фердинанда II в 1619–1621 гг. завершились на рубеже 1621–1622 гг. важным с международной точки зрения мирным договором в моравском Никольсбурге². Сложилась ситуация, при которых в период с мая по август 1622 г. на Государственном собрании в Шопроне пришли к согласию венский двор и венгерские сословия (точнее – разделившаяся на два лагеря политическая элита) [42. P. 733–760; 43]. Если венгерская историография конца XIX в. отводила этому соглашению достойное место [44. 340–346. old.], то за прошедшие десятилетия его упоминали в лучшем случае в нескольких строках. Новый компромисс, закрепленный в решениях шопронского Государственного собрания, до сих пор не получил освещения в исследованиях по истории Габсбургской монархии, о нем в последние годы написал только недавно скончавшийся историк театра О.Г. Шиндлер [45. S. 259–293].

«Хореографию» компромисса 1622 г. в декабре 1645 г. едва ли не в мельчайших деталях повторили при заключении мирного соглашения, которое увенчало два похода (1644, 1645) князя Дёрдя I Ракоци против императора (и венгерского короля) Фердинанда III. Как и Никольсбургский договор, оно было заключено за границей, в верхне-австрийском Линце. Но если про обстоятельства его подписания известно достаточно много [46], то о ходе Государственного собрания³, где с сентября 1646 по июнь 1647 г. были выработаны основные параметры *третьего компромиссного порядка*, мы знаем лишь в общих чертах [47; 48. P. 261–268]. То же самое можно сказать об исследованиях, касающихся особой, образовавшейся в начале XVII в. (не в последнюю очередь благодаря сконцентрированным здесь владениям рода Ракоци) буферной зоны между королевством и княжеством, известной как Верхняя Венгрия (по-немецки Oberungarn, на латыни Hungaria Superior), а также о степени изученности проживавших на этих территориях католической аристократии и среднего дворянства. Остается надеяться, что в будущем появятся специальные работы, посвященные их экономическому положению, социальному статусу, возможностям политического маневра.

Первый этап восстания куруцев под предводительством И. Тёкёли в 1671–1685 гг. [49; 50; 51; 52] завершило Государственное собрание 1681 г. в Шопроне, которое определило условия *четвертого компромиссного соглашения*. На выработку его ушло немало времени, с апреля по конец 1681 г. О работе Государственного собрания написано немало [53; 54; 55. P. 269–319], но до систематического

¹ Пресбург – совр. Братислава в Словакии, в венгерской традиции Пожонь.

² Никольсбург – совр. Милулов в Чехии.

³ Над изданием материалов этого Государственного собрания работает Й. Бешшени.

изучения дело так и не дошло. Между тем этот компромисс занимает особое место как в истории Венгерского государства, так и Габсбургской монархии, поскольку восстановил равновесие, нарушенное заговором Ференца Вешшелени и его единомышленников 1667–1671 гг. [56; 57; 58. 423–460. old.; 59], когда первые лица королевства начали приготовления, направленные против венского двора.

Наконец, Освободительная война 1703–1711 гг. под предводительством Ференца II Ракоци – поскольку иностранные державы принимали в ней участие лишь опосредованно – завершилась в мае 1711 г. подписанием Сатмарского мира, который и обозначил контуры *пятого компромисса*. Венгерская историография именуется его уже не просто мирным договором, но принципиально важным соглашением или договоренностью между венским двором и венгерскими сословиями [60; 61. Р. 120–192; 62. Р. 303–338; 63; 64]. Основные положения этого компромисса были санкционированы на Государственном собрании в Пресбурге, которое приступило к работе в разгар боевых действий в 1708 г. и завершилось только в 1715 г.⁴

Все этого говорит о том, что в XVII в. политическая элита Венгерского королевства – несмотря на разрывы, случавшиеся в годы войн – всегда сохраняла готовность к новым соглашениям с Габсбургами, даже к возвращению в свои ряды тех, кто временно перешел в стан союзников трансильванских князей. Поддержания системы пограничных крепостей, защищающих Габсбургскую монархию и Венгерское королевство от османской экспансии, начавшаяся в XVI в. тесная интеграция их политического, военного и финансового управления [34] никуда не исчезли и после 1606 г. Можно сказать, что система компромиссов – в случае каждого отдельного соглашения на свой неповторимый манер, что еще только предстоит изучить историкам – сознательно поддерживалась обеими договаривающимися сторонами. Это прекрасно понимали прагматически мыслящие руководители страны, как светские, так и духовные. В этом смысле такие договоренности были не только *политическим компромиссом*, но и *политической необходимостью*. Понимая это, нам следует осторожно подходить к широко распространенному топосу, согласно которому венгры причислялись к «вечным бунтарям» или «вечным повстанцам». События XVII в. говорят о том, что их скорее можно назвать «вечными переговорщиками» [65. S. 152–155].

Для двора, венгерской политической элиты в целом и отдельных групп сословий каждый новый компромиссный порядок сопровождался изменениями во властных отношениях и нарушением силового баланса (этот круг вопросов пока очень мало исследован). Несмотря на суровую необходимость постоянного перезаключения компромиссов, сословная элита Венгерского королевства смогла в сложившемся дуалистическом порядке разделения ролей [34. Р. 373; 66. 89. old.] хотя бы отчасти защитить сословные привилегии и религиозные свободы [67], тогда как в Австрийских и Чешских землях с середины XVII в. Габсбурги уже правили абсолютистскими методами и начали распространять католическую веру силой оружия даже в Венгрии. Успехи венского двора часто зависели от действенной поддержки, которой удавалось заручиться у отдельных групп сословий, прежде всего католического клира.

Из всего этого следует, что в ходе пяти компромиссов заинтересованным сторонам не раз приходилось идти на существенные уступки и даже жертвы. Например, в 1608 г. венский двор пошел на беспрецедентный в тогдашней Центральной Европе шаг: на пресбургском Государственном собрании включил свободу вероисповедания в число законов королевства [68. 8–9. old.; 69. 89–105. old.; 70. S. 151–156]. Начиная с 1622 г., согласно условиям выработанного на шопронском Государственном собрании компромисса, коронационные дипломы (*diplomata inauguralia*), в которых подтверждались сословные привилегии, обретали силу за-

⁴ Над монографическим исследованием по этой теме работает Я. Калмар.

кона, что оставалось незабываемой традицией вплоть до XIX в. [68. 174–182. old.; 71. S. 353–354; 72. 99–102. old.]. Достоин упоминания факт, что заключение всех пяти соглашений совпадало по времени с королевскими коронациями: 1608 г. – Матиас II, 1622 г. – Элеонора Гонзага, 1647 г. – Фердинанд IV, 1681 г. – Элеонора Магдалена Терезия Пфальц-Нойбургская, 1712 г. – Карл VI. Все это только усиливало позиции сословий.

Венгерские сословия, несмотря на военное положение и частую необходимость идти на уступки, ловко использовали походы трансильванских князей для укрепления собственных позиций и сохранения прерогатив. По понятным причинам это не могло продолжаться бесконечно. Летом 1622 г. сословиям удалось заключить второй компромисс с венским двором на весьма выгодных условиях, и когда во время второго и третьего походов Бетлена (1623–1624, 1626 гг.) в королевство вторглось весьма многочисленное войско, в составе которого сражались вспомогательные части турок и татар, восстания сословий против власти Габсбургов не последовало, хотя условия были весьма благоприятные. Не последовало, в первую очередь, потому, что политическая элита не захотела ввергать страну в пучину новой гражданской войны, после того как летом 1622 г. им удалось упрочить свои позиции в управлении страной, получить подтверждения своих привилегий и религиозных свобод. Необходимо отметить, что всякий раз, когда между сословиями и Габсбургами наступал разрыв, это сопровождалось войнами на международной арене и внутри страны, возникала угроза новой религиозной войны. В длительной перспективе именно эти движения, сопровождавшиеся немалыми разрушениями, дали новые поколения повстанцев, для которых ношение оружие стало привычной формой существования.

Обращает на себя внимание, что вожди венгерских политических группировок, заключавшие компромиссы с венским двором и друг с другом, едва ли не всегда оказывались в несомненном выигрыше. Как правило, это никак не было связано с тем, выступали ли они во главе антигабсбургских восстаний или принадлежали к числу их заклятых врагов. В ходе выработки первого компромисса на Государственном собрании 1608 г. надором (королевским наместником), т.е. вождем светской элиты Венгерского королевства, был избран ближайший советник Бочкаи – Иштван Иллешхази (1541–1609), летом 1622 г., в результате заключения второго компромисса на Государственном собрании в Шопроне на этой должности оказался Санисло Турзо (1576–1625) – главнокомандующий войска Бетлена.

Сложность и неоднозначность кризисов и разрывов, как и следовавших за ними соглашений и компромиссов, как нельзя лучше характеризует то, что Дёрдь Турзо, пришедший на смену почившему в 1609 г. надору Иллешхази, – несмотря на принадлежность к лютеранской вере – числился среди злейших врагов Бочкаи. Зато после смерти в 1625 г. исповедовавшего лютеранство Санисло Турзо новым надором был избран главный соперник Бетлена в Венгрии – католик Миклош Эстерхази (1583–1645) [73. 70. old.]. Один из архитекторов подписанного в мае 1711 г. Сатмарского мира куруцкий генерал Шандор Каройи (1669–1743) уже на следующий год получил чин генерал-лейтенанта и графский титул. С 1723 г. и до самой смерти он входил в число Венгерского королевского наместнического совета и, следовательно, принимал активное участие в возрождении и переустройстве Венгрии в XVIII в. [74. 220–221. old.; 75. 853–865. old.].

Все это недвусмысленно свидетельствует, что на протяжении XVII в. габсбургский двор самыми разными способами вознаграждал ключевых венгерских политиков, участвовавших в подготовке важных для венского Хофбурга соглашений, стремился компенсировать им расходы, понесенные в ходе войн. Это могли быть титулы, должности, поместья, денежные выплаты, привилегии. Одновременно те, кто порывал с законным государем или годами вел против него вооруженную борьбу, например как в случае магнатского заговора в 1670 г., следовал разрыв и казни нескольких аристократов и дворян. Иные вооруженные и политические

конфликты удавалось в ходе пяти компромиссов решить относительно мирным путем.

Приведенные примеры демонстрируют, что самые авторитетные лидеры венгерских сословий оставались в выигрыше вне зависимости от того, выступали ли они в качестве вождей восстаний или переговорщиков при последующем заключении компромисса [65. S. 165–168]. Естественно, за исключением руководителей Освободительной войны 1703–1711 гг., которые получили амнистию, но предпочли эмиграцию. К тому же цепь компромиссных соглашений всякий раз гарантировала политические свободы сословий и в большей или меньшей степени – даже в период набравшей силу Контрреформации [76; 77; S. 641–658; 78. 255–320. old.] – свободу вероисповедания. Кроме того, за венгерской политической элитой сохранялось право решающего голоса во внутренней политике, управлении, правосудии королевства; напротив, из военной сферы – с созданием регулярной армии и образованием в начале XVIII в. Военной границы – сословия оказались практически вытеснены [66; 79]. В результате Венгерское королевство в составе Габсбургской монархии в XVII–XVIII вв. располагало сильнейшими сословиями [80. S. 301–315; 81; 82; 83; 84. P. 151–171], а к востоку от р. Лейты абсолютистская форма правления так и не была введена [85 S. 279–299]. Несмотря на это, компромиссы для венского двора играли все более важную роль, поскольку обеспечивали относительно стабильное место Венгрии в монархии. Последнее с точки зрения формирования Габсбургской державы на протяжении всего раннего Нового времени имело решающее значение как с военной, так и с экономической точки зрения.

В заключение необходимо еще раз подчеркнуть, что каждый из пяти компромиссов вел к окончанию многолетних внутренних и гражданских войн. Иными словами, заключение очередного компромисса на некоторое время открывало перед Венгрией путь мирного развития, что имело колоссальное значение для самого королевства и для оберегаемой им от османов Центральной Европы. Для венского двора поддержание мира в Венгрии и обеспечение обороны против турок были жизненно важными вопросами в годы Тридцатилетней войны (1618–1648) и затем войны за испанское наследство (1701–1714). Политическая элита Венгерского королевства, заключая на протяжении «долгого XVII века» (прежде недооценивавшиеся историками) компромиссные соглашения, смогла в непростых условиях доказать: интересы сословного венгерского государства можно примирить с интересами Габсбургского двора.

Пер. с венгерского О.В. Хавановой

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Mód A.* 400 év küzdelem az önálló Magyarországért. Budapest, 1954.
2. *Mód A.* 400 let bojů za nezávislost Maďarska. Praha, 1955.
3. *Vardy S.B.* Modern Hungarian Historiography, Boulder; New York, 1976.
4. *Gunst P.* A magyar történetírás története, Debrecen, 2000.
5. *Romsics I.* Clio bővületében. Magyar történetírás a 19–20. században – nemzetközi kitekintéssel. Budapest, 2011.
6. *Romsics I.* Ungarische Geschichtsschreibung im 20. Jahrhundert. Tendenzen, Autoren, Werke // Nationale Geschichtskulturen – Bilanz, Ausstrahlung, Europabezogenheit. Beiträge des internationalen Symposiums in der Akademie der Wissenschaften und der Literatur, Mainz, vom 30. September bis 2. Oktober 2004. Stuttgart, 2006.
7. *Gerő A.* Heroes' Square – Budapest. Hungary's History in Stone and Bronze. Budapest, 1990.
8. *Benda K.* Bocskai István függetlenségi harca. Budapest, 1952.
9. *Nagy L.* Bethlen Gábor a független Magyarországért. Budapest, 1969.
10. *Várkonyi Á.R.* Két pogány közt. A Rákóczi-szabadságharc története, Budapest, 1979.
11. *Köpeczi B.* The Hungarian Wars of Independence of the Seventeenth and Eighteenth Centuries in Their European Context // From Hunyadi to Rákóczi. War and Society in Late Medieval and Early Modern Hungary. Brooklyn, 1982.
12. A History of Hungary. London; Wellingborough, 1975.

13. *Cartledge B.* The Will to Survey. A History of Hungary. London, 2006.
14. Magyarország története tíz kötetben. 3/1.–2.köt. Magyarország története 1526–1686. Budapest, 1987.
15. *Várkonyi A. R.* A Királyi Magyarország 1541–1686. Budapest, 1999.
16. *Kármán G., Kunčević L.* The European Tributary States of the Ottoman Empire in the Sixteenth and Seventeenth Centuries. Leiden; Boston, 2013.
17. *Páun G.R., Karman G.* Europe and the 'Ottoman World'. Exchanges and Conflicts (Sixteenth to Seventeenth Centuries). Istanbul, 2013.
18. A Rákóczi-szabadságharc. Budapest, 2004.
19. *Szijártó I.M.* The Rákóczi Revolt as a Successful Rebellion // Resistance, Rebellion and Revolution in Hungary and Central Europe. Commemorating 1956. London, 2008.
20. Correspondance diplomatique relative à la guerre d'indépendance du prince François II Rákóczi (1703–1711). Paris, 2012.
21. Освободительная война 1703–1711 гг. в Венгрии и дипломатия Петра I. СПб., 2013.
22. *Sólyom M., Nagy L., Tarnóczai G.* Történelem. Tankönyv 6. Budapest, 2014.
23. Whose Love of Which Country? Composite States, National Histories and Patriotic Discourses in Early Modern East Central Europe. Leiden; Boston, 2010.
24. *Szabó A.P.* «De profundis». Nemzeteszmék az 1657 utáni évek erdélyi válságában // Századok. 2012. 146. évf.
25. *Evans R.J.W.* The Making of the Habsburg Monarchy 1550–1700. An Interpretation. Oxford; New York, 1979.
26. *Evans R.J.W.* Das Werden der Habsburgermonarchie 1550–1700. Gesellschaft, Kultur, Institutionen. Wien; Köln; Graz, 1989.
27. *Winkelbauer T.* Ständefreiheit und Fürstenmacht. Länder und Untertanen des Hauses Habsburg im konfessionellen Zeitalter, 2 Bde. Wien, 2003, Bd. 1.
28. *Bérenger J.* La Hongrie des Habsbourg. Rennes, 2010. T. I. De 1526 à 1790.
29. History of Transylvania. New York, 2001. Vol. 1.
30. *Feneşan C.* Constituirea principatului autonom al Transilvaniei. Bucureşti, 1997.
31. *Oborni T.* From Province to Principality: Continuity and Change in Transylvania in the First Half of the Sixteenth Century // Fight against the Turk in Central-Europe in the First Half of the 16th Century. Budapest, 2004.
32. *Benda K.* Absolutismus und ständischer Widerstand in Ungarn am Anfang des 17. Jahrhunderts // Südost-Forschungen. 1974. Heft 33.
33. *Benda K.* Habsburg Absolutism and the Resistance of the Hungarian Estates in the Sixteenth and Seventeenth Centuries // Crown, Church and Estates. Central European Politics in the Sixteenth and Seventeenth Centuries. London, 1991.
34. *Pálffy G.* The Kingdom of Hungary and the Habsburg Monarchy in the Sixteenth Century. New York, 2009.
35. *Poór J.* A kompromisszumok kora, Budapest, 1992.
36. *Medvedeva K.T.* Австрийские Габсбурги и сословия в начале XVII в. М., 2004.
37. Ein Bruderzwist im Hause Habsburg (1608–1611). České Budějovice, 2010.
38. *Bayerle G.* The Compromise at Zsitvatorok // Archivum Ottomanicum. 1980. N 6.
39. Adam Freiherrn zu Herbersteins Gesandtschaftsreise nach Konstantinopel. Ein Beitrag zum Frieden von Zsitvatorok (1606). München, 1983.
40. «Einigkeit und Frieden sollen auf Seiten jeder Partei sein». Die Friedensschlüsse von Wien (23.06.1606) und Zsitvatorok (15.11.1606). Debrecen, 2007.
41. *Pálffy G.* Győztes szabadságharc vagy egy sokféle sikert hozó felkelés? A magyar királtságú rendek és Bocskai István mozgalma (1604–1608). Budapest, 2009.
42. *Pálffy G.* Crisis in the Habsburg Monarchy and Hungary, 1619–1622. The Hungarian Estates and Gábor Bethlen // Hungarian Historical Review. 2013. Vol. 2. N 4.
43. Egy új együttműködés kezdete. Az 1622. évi soproni koronázó országgyűlés. Sopron, 2014.
44. *Angyal D.* Magyarország története II. Mátyástól III. Ferdinánd haláláig. Budapest, 1898.
45. *Schindler O.G.* Von Mantua nach Ödenburg. Die ungarische Krönung Eleonoras I. Gonzaga (1622) und die erste Oper am Kaiserhof. Ein unbekannter Bericht aus der Széchényi Nationabibliothek // Biblos. 1997. Bd. 46. N 2.
46. A linzi béke okirattára. Budapest, 1885.
47. *Zsilinszky M.* A linzi békekötés és az 1647-ki vallásügyi törvények története. Budapest, 1890.
48. *Péter K.* The Struggle for Protestant Religious Liberty at the 1646–1647 Diet in Hungary // Crown, Church and Estates. Central European Politics in the Sixteenth and Seventeenth Centuries. London, 1991.
49. *Köpeczi B.* Staatsräson und christliche Solidarität. Die ungarischen Aufstände und Europa in der zweiten Hälfte des 17. Jahrhunderts. Budapest; Wien; Köln; Graz, 1983.
50. *Varga J.J.* Válaszúton. Thököly Imre és Magyarország 1682–1684-ben. Budapest, 2007.
51. Gróf Imrich Thököly a jeho povstanie. Thököly Imre gróf és felkelése. Prešov, 2009.
52. Hadtörténelmi Közlemények. 2005. 118. évf. 3. sz.
53. *Zsilinszky M.* Az 1681-ki soproni országgyűlés történetéhez. Budapest, 1883.
54. *Németh S.* Az 1681. évi országgyűlés. Budapest, 1915.

55. *Bérenger J.* Les «Gravamina». Remontrances des diètes de Hongrie de 1655 a 1681. Paris, 1973.
56. *Pauler Gy.* Wesselényi Ferenc nádor és társainak összeesküvése. Budapest, 1876. Vol. 1–2.
57. *Benczédi L.* Rendiség, abszolútizmus és centralizáció a XVII. század végi Magyarországon (1664–1685). Budapest, 1990.
58. *Várkonyi A.R.* A Wesselényi szervezkedés történetéhez 1664–1671 // Tanulmányok Szakály Ferenc emlékére. Budapest, 2003.
59. *Mijatović A.* Zrinsko-Frankopanska urota. Zagreb, 1999.
60. A szatmári béke története és okirattára. Budapest, 1925.
61. *Lukinich I.* La fin de la lutte. La paix de Szatmár (1711) // Revue des Études Hongroises. 1935. N 13.
62. *Várkonyi A.R.* «Ad pacem universalem». The International Antecedents of the Peace of Szatmár // Études Historiques Hongroises 1980 publiées à l'occasion du XVe Congrès International des Sciences Historiques par la Commission Nationale des Historiens Hongrois I. Budapest, 1980.
63. *Bánkúti I.* A szatmári béke. Budapest, 1981.
64. Századok. 2012. 146. évf. 4. sz.
65. *Pálffy G.* Ewige Verlierer oder auch ewige Gewinner? Aufstände und Unruhen im frühneuzeitlichen Ungarn // Die Stimme der ewigen Verlierer? Aufstände, Revolten und Revolutionen in den österreichischen Ländern (ca. 1450–1815). Vorträge der Jahrestagung des Instituts für Österreichische Geschichtsforschung (Wien, 18.–20. Mai 2011). Wien; München, 2013.
66. *Oross A.* A Magyar Királyság törökellenes határvédelmi rendszerének felszámolása és átszervezése. Budapest, 2013.
67. *Zsilinszky M.* A magyar országgyűlések vallásügyi tárgyalásai a reformációtól kezdve. 1–4. köt. [1526–1712]. Budapest, 1880–1897.
68. Corpus Juris Hungarici. 1608–1657. évi törvéncikkek. Budapest, 1900.
69. *Tusor P.* Az 1608. évi magyar törvények a római inkvizíció előtt. II. Mátyás kiközösítése // Aetas: Történettudományi folyóirat. 2004. 4. sz.
70. *Péter K.* Religionsangelegenheiten auf den Wiener Friedenverhandlungen // «Einigkeit und Frieden sollen auf Seiten jeder Partei sein». Die Friedensschlüsse von Wien (23.06.1606) und Zsitvatorok (15.11.1606). Debrecen, 2007.
71. *Turba G.* Geschichte des Thronfolgerechtes in allen habsburgischen Ländern bis zur pragmatischen Sanktion Kaiser Karls VI, 1156 bis 1732. Wien, 1903.
72. *Csekey I.* A magyar trónöröklési jog. Budapest, 1917.
73. *Fallenbüchl Z.* Magyarország föméltóságai 1526–1648. Budapest, 1988.
74. Ki kicsoda a Rákóczi-szabadságharcban? Életrajzi adattár. Budapest, 2005.
75. *Kovács A.* Károlyi Sándor és Pálffy János a szatmári megegyezésért // Századok. 2012. 146. évf. 4. sz.
76. *Kónya P.* Prešov, Bardejov a Sabinov počas protireformácie a protihabsburských povstaní (1670–1711). Prešov, 2000.
77. *Németh I.H.* Európska doktrína alebo uhorská špecialita? Zásahy štátu a rekatolizácia miest v Uhorsku v priebehu 17. storočia // Historický časopis. 2009. N 57.
78. *Mihalik B.V.* A Szepesti Kamara szerepe az 1670–1674 közötti felső-magyarországi rekatolizációban // Fons: Forráskutatás és történeti segédtudományok. 2010. 17. évf.
79. *Zachar J.* Habsburg-uralom, állandó hadsereg és magyarság 1683–1792. Budapest, 2004.
80. *Bahlcke J.* Hungaria eliberata? Zum Zusammenstoß von altständischer Libertät und monarchischer Autorität in Ungarn an der Wende vom 17. zum 18. Jahrhundert // Die Habsburgermonarchie 1620 bis 1740. Leistungen und Grenzen des Absolutismusparadigmas. Stuttgart, 2006.
81. *Bérenger J., Kecskeméti Ch.* Parlement et vie parlementaire en Hongrie 1608–1918. Paris, 2005.
82. *Balás É.H.* Hungary and the Habsburgs, 1765–1800: An experiment in enlightened absolutism. Budapest, 1997.
83. *Evans R.J.W.* Austria, Hungary, and the Habsburgs. Essays on Central Europe, C. 1683–1867. Oxford; New York, 2006.
84. *Szijártó I.M.* The Diet. The Estates and the Parliament of Hungary 1708–1792 // Bündnispartner und Konkurrenten der Landesfürsten? Die Stände in der Habsburgermonarchie, Wien; München, 2007.
85. *Pálffy G.* Zentralisierung und Lokalverwaltung. Die Schwierigkeiten des Absolutismus in Ungarn von 1526 bis zur Mitte des 17. Jahrhunderts // Die Habsburgermonarchie 1620 bis 1740. Leistungen und Grenzen des Absolutismusparadigmas. Stuttgart, 2006.

© 2016 г. Т. АМБРОЗЯК

ПОНЯТИЙНЫЙ АППАРАТ СЕЙМИКОВЫХ ИСТОЧНИКОВ КОНЦА XVI – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVII ВЕКА КАК ПРОЯВЛЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ ШЛЯХТЫ ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО¹

В статье рассматривается понятийный аппарат, употребляемый литовской шляхтой в ее политической деятельности в период правления Сигизмунда III и Владислава IV. В качестве основного источника исследования использованы сеймиковые документы, отражающие главные вопросы политической жизни Великого княжества Литовского. Проанализированы значение и способ употребления таких терминов, как «речь посполитая», «отчизна», а также терминов, обозначающих Великое княжество Литовское и Польскую Корону и их жителей.

The article analyses the terminology, used by the Lithuanian «szlachta» in their political activity during the reign of Sigismund III and Władysław IV. As a main source for the analysis, the «sejmiki» (local diets) documents, reflecting the political life of the Grand Duchy of Lithuania, were used. The meaning and way of usage of the terms «res publica», or «fatherland», as well as the terms, characterising the Grand Duchy of Lithuania and the Polish Crown were scrutinised.

Ключевые слова: Речь Посполитая, Великое княжество Литовское, политическая культура, политическая терминология.

Keywords: Polish-Lithuanian Commonwealth, Grand Duchy of Lithuania, political culture, political terminology.

Соглашаясь с Эвой Бэм-Висьневской, что «язык, использованный конкретным обществом, отражает его структуры» [1. S. 8], полагаю, что именно язык является одной из важнейших плоскостей, в которой проявляется национальная идентичность. Исследования языка (как его понятийной системы, так и использованной риторики) исторических источников могут внести новый взгляд на вопросы, которые являются предметом интереса со стороны историографии.

В связи с этим весьма интересным кажется проведение анализа понятийного аппарата литовских сеймиковых инструкций как проявления политической культуры шляхты Великого княжества Литовского. В данном исследовании были использованы как количественный (для подсчета частотности употребления лексем), так и эгземплификационный метод, позволяющий ознакомиться с контекстом, в котором выступают исследуемые лексемы.

Амброзяк Томаш – магистр истории, аспирант Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

¹ Исследование финансировано в рамках программы министра науки и высшего образования под названием «Национальная программа развития гуманитарных наук» в 2014–2017 гг.

В качестве источниковой базы для проведения количественного анализа были использованы сеймиковые источники Великого княжества Литовского 1587–1647 гг., т.е. в период от коронационного сейма Сигизмунда III Вазы до последнего сейма во время правления Владислава IV. В том числе, в качестве материала для проведения количественного анализа было выбрано 141 сеймиковая инструкция, являющихся основным и наиболее однотипным документом сеймикового делопроизводства, что делает выводы, основанные на сопоставлении сеймиковых инструкций наиболее показательными.

Для выявления динамики исследуемых перемен весь период 1587–1647 гг. был разделен на подпериоды, отвечающие приблизительно следующим десятилетиям (в скобках указано количество инструкций): 1587–1600 (17), 1601–1610 (14), 1611–1620 (31), 1621–1630 (22), 1631–1640 (32), 1641–1647 (25). Всего 141 инструкция.

Стоит отметить, что с течением времени объем инструкций увеличивался. Среднее количество страниц рукописи для 1587–1600 гг. составляет 4.5; 1601–1610 – 4.93; 1611–1620 – 5.42; 1621–1630 – 4.64; 1631–1640 – 5.56; 1641–1647 – 7.4. Общее среднее количество страниц, таким образом, составляет 5.53.

В силу разного количества инструкций для разных подпериодов, а также разного объема отдельных инструкций, я использую не только абсолютные величины, но и соответствующие коэффициенты: частотности употребления лексемы на инструкцию (для реже употребляемых лексем) и частотности употребления лексемы на страницу рукописи (для чаще употребляемых). Стоит при этом подчеркнуть, что даже эти коэффициенты сложно считать вполне сопоставимыми, поскольку рукописи отличаются как характером письма, так и разным объемом текста, помещенным на одной странице источника. Несмотря на это их употребление позволяет обнаружить некие интересные явления, касающиеся как языка, так и риторики, использованных в литовских сеймиковых инструкциях.

Следует отметить, что в рамки количественного анализа не включена вилкомерская инструкция от 1600 г. [2. Ф. 971. Оп. 2. Авт. 133. Л. 121–127]. Данное решение было принято из-за исключительности этого источника, который насчитывает 14 страниц рукописного текста, записанного при этом мелким шрифтом. Во-вторых, исследуемые термины содержатся в этой инструкции в объеме, намного превышающим аналогичные источники. В ее тексте термин «речь пополитая» был употреблен 72 раза, в том числе 26 раз использовалось выражение «речь пополита наша», а 44 раза были употреблены выражения «Великое княжество Литовское» и «литовский». Столь высокие цифры, характерные при этом исключительно для данной инструкции, привели бы к несоответствующему действительности искажению образа использованной сеймиками терминологии.

Стоит подчеркнуть, что подобного рода исследования неизбежно связаны с разными проблемами. Упомянутая уже Э. Бэм-Висьневская отметила, что «исследуемые понятия несут разные семантические уровни». В их интерпретации нельзя, к сожалению, избежать определенной доли произвольности. Причиной этого является отсутствие точных инструментов, позволяющих разрешить проблемы в интерпретации и соотнести данное употребление лексемы с определенной смысловой категорией. «Ни обширная цитата, ни широкий контекст не гарантируют уверенности в значении, в каком выступает данный термин» [3. С. 227–228]. Осознавая эти сложности, в данной работе я отказался от разработки точной и исчерпывающей классификации использованной в источниках терминологии в пользу рассуждений типологического характера.

Несомненно, важнейшей лексемой польской политической терминологии раннего Нового времени является понятие «речи пополитой», которое «имело существенное и однозначное влияние на политическое сознание общества, как и на форму государства» [1. С. 168]. Однако, несмотря на то, что данный термин был

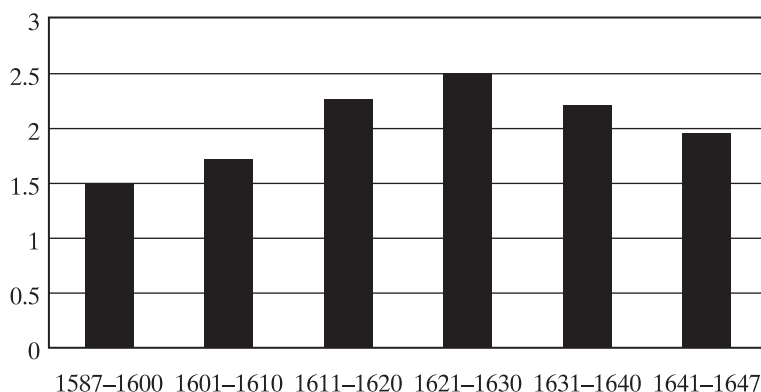

уже предметом частных исследований [4–6], он, к сожалению, все же не дождался всесторонней систематизации.

Понятие «речи посполитой» выводится из латинской терминологии государственного строя и является дословным переводом на польский язык термина «respublica». Однако классическое понятие «respublica», использованное для описания польской государственности XVI в., приобрело в трудах употребляющих его авторов специфический для Польши характер. Его распространение во многом связано с тем, что в античной традиции была сформулирована концепция смешанной формы правления, соединяющей монархический, аристократический и демократический элементы, что в наибольшей степени отвечало идеологии шляхетского движения [6. S. 37–40]. Из Коронных земель, параллельно с усиливающимся влиянием польских образцов государственного строя, это понятие в течение XVI в. проникало в Великое княжество Литовское.

Термин «речь посполитая» (вместе с его латинским аналогом, т.е. «respublica») является наиболее часто употребляемым понятием в сфере политической терминологии литовских сеймиковых инструкций. Во всех исследуемых источниках оно употребляется всего 1653 раза. Количественное употребление термина выглядит следующим образом: 1587–1600 – 99; 1601–1610 – 115; 1611–1620 – 387; 1621–1630 – 259; 1631–1640 – 421; 1641–1647 – 372; всего – 1653. Частотность употребления термина «речь посполитая» на страницу рукописи представлена в диаграмме 1.

Диаграмма 1. Частотность употребления термина «речь посполитая» на страницу рукописи

Стоит отметить, что в течение 1587–1630 гг. частотность употребления термина «речь посполитая» постепенно возрастает, от уровня 1.49 до 2.48 на страницу рукописи. В следующие подпериоды наблюдается, однако, снижение его частотности – до уровня 1.95 на страницу рукописи в 40-е годы XVII в. Отчасти это можно объяснить упомянутым уже ростом объема сеймиковых источников. В связи с этим значительно выросло также количество обсуждаемых вопросов, не только тех, которые касались общегосударственных проблем, но, прежде всего, вопросов локального характера или пожеланий в делах отдельных лиц, так называемых петигов. В данных вопросах термин «речь посполитая» неизбежно употреблялся реже.

Однако, кажется, что подобное объяснение не является исчерпывающим. В 40-е годы XVII в. мы наблюдаем обострение спорных моментов в отношениях Великого княжества Литовского и Польской Короны. К таковым, несомненно, относится например бурная негативная реакция литовских сеймиков на передачу Московскому государству части стародубского повета вместе с Трубчевском во время проводимого разграничения [7].

Интерпретация понятия «речь посполитая» является непростой задачей и вызывает серьезные сложности. Они связаны с многозначностью, на которую обратил внимание еще Богумил Линдэ, выделивший в своем словаре следующие значения данного термина: «общество (die Gemeinschaft)»; «правление, государство, штат (der Staat)»; «политический строй государства, в котором либо всему народу, либо его избранной части принадлежит управление и высшая власть (die Republik)» [8. S. 167–168].

Э. Бэм-Висьневская выделяет до 15 разных значений, среди которых автор уделила особое внимание следующим пяти: «польско-литовское государство»; «власть, т.е. польский сейм, но также для обозначения послов»; «определение шляхты, т.е. общности»; «символ для обозначения идейных сюжетов, связанных с польским государством, шляхтой как общностью, с государственным строем шляхетской демократии»; «тип государственного строя, способ правления, форма власти» – значение «близкое сегодняшнему пониманию термина “республика”» [1. S. 168–170].

Учитывая вышесказанное, я предпринял попытку проанализировать употребление выделенных Э. Бэм-Висьневской смысловых категорий термина «речь посполитая», соотнося к ним употребления, поддающиеся однозначной интерпретации. Вслед за К. Мазуром я исключил из анализа четвертое из выделенных Э. Бэм-Висьневской значений, т.е. «символ для обозначения идейных сюжетов», являющийся наименее уловимым и вызывающим серьезные интерпретационные затруднения. Другого рода сложности (указанные далее) привели к объединению двух смысловых категорий: «польско-литовское государство» и «государство вообще». Таким образом, в данной статье характеризуется три следующих значения термина «речь посполитая»: «государство (в том числе польско-литовское государство)»; «власть, т.е. сейм, но также для обозначения послов»; «определение шляхты, т.е. общности».

Следует отметить, что данный подход во многом отвечает принятой Э. Опалинским понятийной триаде: «государство – станы сейма – совокупность шляхты» [5. S. 30]. Однако в статье указанные категории с одной стороны уточняются, с другой – обращается внимание на их внутреннее разнообразие. Данная систематизация лучше отражает также специфику употребляющегося в сеймиковом делопроизводстве понятийного аппарата, основной функцией которого не являлись философские или моральные размышления, но решение конкретных политических задач.

Стоит подчеркнуть, что указанные понятийные категории отнюдь не являются взаимоисключающими. Наоборот, они скорее дополняли друг друга, формируя, таким образом, представление о шляхетском государстве, олицетворенном в институте сейма. Именно сейм как ничто другое соединял в лице трех составляющих его станов столь важные в польском понятии «речи посполитой» элементы монархии (король), аристократии (сенат) и демократии (посольская изба).

На основе проведенного анализа были выделены следующие способы употребления:

а. «Речь посполитая» как государство (в том числе и польско-литовское государство).

Это наиболее часто встречаемое употребление (287 раз), что совпадает с подобным наблюдением Э. Бэм-Висьневской [1. S. 169].

В рамках данной смысловой категории можно выделить подкатегорию «государство вообще», которая встречается в исследуемых источниках 12 раз. К примеру, новогрудская шляхта в 1626 г. жаловалась на «опасности таковые, которые даже могущественные речи посполитые путать и губить способны» [9. № 963. К. 1].

Однако в большинстве случаев десигнатом данного термина является не абстрактный образ государства, но конкретная государственная структура, т.е.

«польско-литовское государство». К примеру, шляхта лидского повета в 1598 г. поручала поблагодарить короля за то, что «замышляет об этой Речи Посполитой, отчизне нашей, в этой страшной опасности со стороны турецкого царя» [9. № 354. К. 1].

К сожалению, зачастую сложно определить, насколько конкретным является десигнат понятия «речь посполитая», т.е. относится ли оно к «польско-литовскому государству» или скорее к абстрактному десигнату «государство вообще» (например «имущество государства (вообще)» или «государственная казна (вообще)»). Иногда эти сомнения можно решить с помощью контекста. К примеру, поскольку в указанном выше постулате лидского сеймика в 1598 г. обозначена одна конкретная граница государства, подвергающаяся опасности со стороны соседей, можно предполагать, что в данном случае термин «речь посполитая» употребляется именно в значении «польско-литовское государство».

Однако мы далеко не всегда оказываемся в столь счастливом положении. Во многих случаях вполне равноправными кажутся как интерпретации типа «граница польско-литовского государства» или «казна польско-литовского государства», так и «граница государства (вообще)» или «государственная казна (вообще)». Более того, пример выражения «казна речи посполитой» указывает еще на одну серьезную проблему в интерпретации исследуемого понятия, поскольку не существовало одной «казны Речи Посполитой», а отдельные казны Польской Короны и Великого княжества Литовского [10–11]. Отсюда возникает вопрос, как в данном случае понимать термин «речь посполитая» – является ли он своего рода упрощением (а автор источника имел в виду «государственные финансы») или данное понятие употреблялось в значении «Великое княжество Литовское».

В связи с этим возникает следующий вопрос: будет ли всегда конкретным десигнатом термина «речь посполитая» в значении «государство» именно «польско-литовское государство» или все же возможно разделение его на элементы, из которых состояла Речь Посполитая, т.е. Польскую Корону и Великое княжество Литовское.

На существование термина «Речь Посполитая княжества Литовского» или «Литовская Речь Посполитая» указывали уже Х. Виснер [12] и П. Романюк [13]. Первый из авторов отметил их употребление в 60-е годы XVI в. [12. S. 15]. В исследуемых сеймиковых инструкциях термин «речь посполитая» именно в таком, ограниченном до Литвы, значении появляется несколько раз. К примеру, в 1604 г. слонимская шляхта просила короля, чтобы тот проживал в Литве «для украшения Речи Посполитой Великого княжества Литовского» [14. Rkps 365. К. 14]. Особенно часто данное выражение было использовано в упомянутой в начале статьи инструкции вилкомирского сеймика от 1600 г. [2. Ф. 971. Оп. 2. Авт. 133. Л. 121–127].

С другой стороны, в инструкции новогрудского повета от 1646 г. встречаем и противоположное явление, т.е. сужение десигната термина «речь посполитая» к Польской Короне. Сеймик потребовал, чтобы вопрос о выплатах кварцяному войску был решен одной лишь Коронной, так как «кварцяное войско нанималось за счет Речи Посполитой Коронной» [15. Teki Naruszewicza. 140. № 113. К. 431].

Указанные примеры употребления данного термина являются, однако, единичными. Это соответствует наблюдениям П. Романюка относительно конца XVII – начала XVIII в., согласно которому термин «Речь Посполитая Литовская» не вошел в Великое княжество в частое употребление [13. S. 36]. Учитывая это, можно предполагать, что употребляя термин «речь посполитая» в значении «государство» авторы источников имели в виду, прежде всего, «польско-литовское государство».

в. «Речь Посполитая» как власть, т.е. сейм, но также для обозначения послов. Данное значение встречается довольно часто, в исследуемых инструкциях употребляется 174 раза. К примеру, в 1615 г. витебский сеймик просил, чтобы оборонительные нужды витебского замка были предложены во время сейма «королю Его мости и Речи посполитой» [9. № 637. К. 2].

Стоит при этом отметить, что частотность однозначных употреблений термина в этом значении систематически растет: суммарное количество употреблений (в скобках указана частотность употребления на инструкцию) в 1587–1600 гг. – 2 (0.13); 1601–1610 – 5 (0.36); 1611–1620 – 40 (1.29); 1621–1630 – 17 (0.77); 1631–1640 – 48 (1.5); 1641–1647 гг. – 62 (2.48).

Еще более четко данное явление прослеживается при помощи диаграммы 2, в которой представлены частотность употребления термина «речь посполитая» в значении «государство (в том числе польско-литовское государство)» и «власть, сейм».

Кроме роста частотности употребления значения «власть, сейм» можно заметить также, что в подпериод 1631–1647 она становится сопоставимой с частотностью употребления значения «государство».

На мой взгляд, это свидетельствует о постоянном формировании представления о сейме как об институте, олицетворяющем польско-литовское государство. На основе данного исследования можно предполагать, что в XVI в. подобное представление среди литовской шляхты было еще довольно слабым и только в XVII в. в Великом княжестве вполне формируется понятийная триада «государство – сейм – шляхта», на которую указывал Э. Опалинский [5. S. 30].

с. «Речь посполитая» как определение шляхты, т.е. общности. В отличие от Э. Бэм-Висьневской [1. S. 169], на основе проведенного количественного анализа на первый взгляд не подтверждается тезис о частом употреблении термина «речь посполитая» в данном значении, поскольку в исследуемых источниках можно указать лишь 40 однозначных употреблений. К примеру, минская шляхта в 1625 г. требовала, чтобы сенаторы и канцлеры не оскорбляли послов, «которые по поручению братьев претензии речи посполитой излагают», а в их лице «всю речь посполитую» [9. № 944. К. 4]. Однако во многих случаях значение «шляхта, общность» является одной из возможных (а иногда и самых вероятных) интерпретаций. Поэтому стоит признать возможность его употребления намного чаще, чем это вытекало бы из сугубо количественных данных.

Стоит при этом отметить, что десигнатом термина «речь посполитая» в значении «шляхта, общность» могла быть не только «шляхта Короны и Великого княжества Литовского», но и шляхта лишь одной из составляющих частей польско-литовского государства. К примеру, в 1600 г. минский сеймик требовал выделения средств на защиту Литвы «с ведома и с согласия всей речи посполитой Великого княжества Литовского» [2. Ф. 971. Оп. 2. Авт. 130. Л. 16]. Следует отметить, что часть употреблений термина «литовская речь посполитая», приведенных П. Романюком [13. S. 34], стоит понимать именно как «шляхта Великого княжества Литовского».

С другой стороны, гродненский сеймик в 1628 г. требовал выплаты ста тысяч злотых из коронной казны в качестве компенсации за закрытие порта в Кенигсберге, так как «это было обещано королем Его мостью и коронной речью посполитой» [9. № 990. К. 2].

Более того, десигнат термина «речь посполитая» в значении «шляхта, общность» мог еще сужаться – к шляхте лишь одного повета. К примеру, брестский сеймик в 1598 г. выступил за назначение на пост брестского старосты оседлого там шляхтича, подчеркивая, что это староство «важно для всей речи посполитой» [9. Sup. № 142. К. 1]. Однако подобного рода сужения являются скорее исключением и чаще всего термин «речь посполитая» включал в себя все шляхетское сословие.

К сожалению, эта многозначность не является единственной проблемой в интерпретации данного понятия. Стоит согласиться с мнением К. Мазура, что «иногда весьма сложно определить, что имела в виду шляхта, употребляя термин “речь посполитая”. Кажется, что иногда сами представители инкорпорированных к Короне воеводств могли не отличать разные значения данного слова и могли понимать его одновременно как государство и сейм, государство и общность либо как сейм и общность» [3. S. 229].

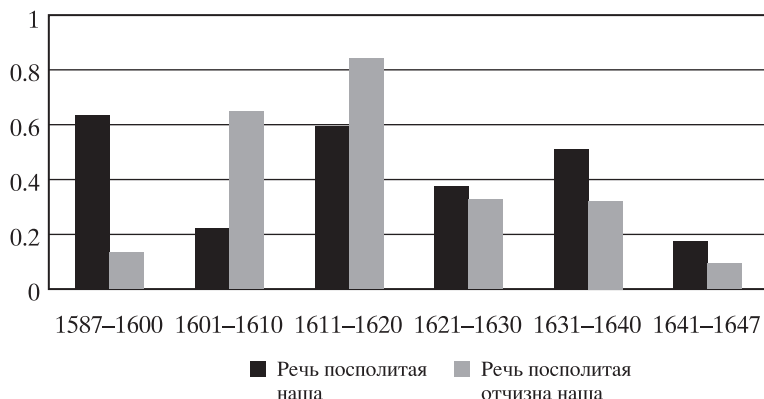
Действительно, в практике разница в значениях данной лексемы могла исчезать, более того, понятие «речи посполитой» могло одновременно включать в себя несколько из них. К примеру, автором витебской инструкции перед конвокационным сеймом в 1632 г. термин «речь посполитая» был в одном предложении употреблен в двух выделенных мною значениях: «власть, сейм» и «польско-литовское государство». Итак, сеймик, требуя выделения средств из казны на восстановление замка в Витебске, указывал «просить всей речи посполитой (здесь в значении “власть, сейм”. – Т.А.) собранной на конвокации, чтобы из казны Великого княжества Литовского выделили как можно скорее сумму денег, так как витебская крепость, как каждый может понять, является щитом не только Великого княжества Литовского, но всей Речи Посполитой (в значении “польско-литовское государство”. – Т.А.)» [2. Ф. 971. Оп. 2. Авт. 132. Л. 3].

Анализ значения термина «речь посполитая» стоит дополнить еще одним наблюдением. В 1587–1620 гг. систематически растет частотность выражений «речь посполитая наша» и «речь посполитая отчизна наша». В 1611–1620 гг. эти выражения были употреблены 44 раза. На мой взгляд, одной из причин данного явления могла быть война с Москвой в 1609–1618 гг. В литовских сеймиковых инструкциях в данный период мы встречаем многочисленные призывы к сотрудничеству Короны и Литвы в ее ведении. В своей риторике сеймики особенно апеллировали к чувству единства Речи Посполитой [16–17]. Интересно также, что в следующие десятилетия частотность употребления этих выражений уменьшается. В 1641–1647 гг. они были употреблены лишь шесть раз. Это отвечает сокращению употребления самого термина «речь посполитая» в 40-е годы XVII в., которые в области употребляемой сеймиками риторики и терминологии можно охарактеризовать как период определенного рода кризиса в польско-литов-

ских отношениях. Эти тенденции подтверждаются также при использовании коэффициента частотности употребления данного выражения на инструкцию (диаграмма 3).

Диаграмма 3. Частотность употребления выражений «речь посполитая наша» и «речь посполитая отчизна наша» на инструкцию

Употребление выражения «речь посполитая отчизна наша» заставляет задуматься над территориальными рамками десигната понятия «отчизна». Само понятие «отчизна» является не менее многозначным, чем термин «речь посполитая». Выводившееся от слова «отец», изначально обозначало «имущество, полученное в наследие от отца» [18. S. 135]. «Словарь польского языка XVI в.» подсказывает также следующее значение: «Родная земля, страна происхождения; иногда: ее жители», а в качестве дополнительных: «Родная земля как политический организм» и (метафорически) «небо» [18. S. 142]. Э. Бэм-Висьневская выделила восемь значений данного термина [1. S. 165–168]. Ю. Легомска в семантической структуре данной лексемы указала на три главных элемента: «наследство», «происхождение – место и люди», а также «политическая целостность места и общины» [19. S. 110–139].

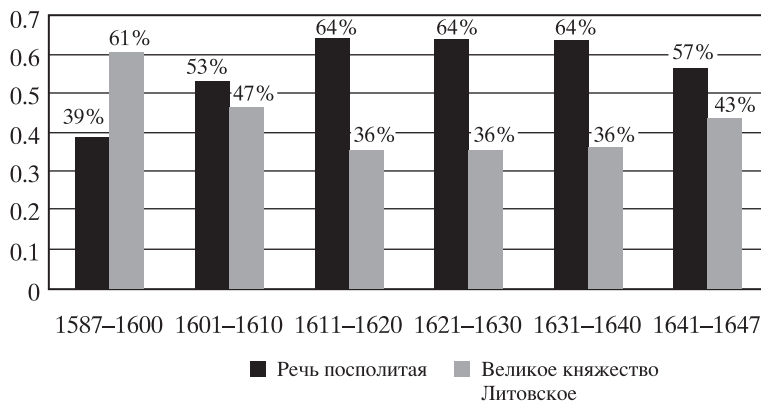
К сожалению, на вопрос, что понималось авторами сеймиковых источников под термином «отчизна»: все польско-литовское государство или только Великое княжество Литовское, нельзя дать однозначный ответ. С одной стороны, в сеймиковых инструкциях Великого княжества Литовского мы находим примеры употребления данного термина относительно всей Речи Посполитой. По мнению Х. Виснера соответствующий процесс имел место еще перед рокошом Зебжидовского [12. S. 25–28]. Итак, минская шляхта в 1613 г. просила советоваться и искать согласия «с Их мостями панамы послами коронными и Великого княжества Литовского, как и мы любящими отчизну» [9. № 583. К. 3]. В 1618 г. вилкомерский сеймик потребовал успокоить религиозную ситуацию в стране, «чтобы в этой совместной отчизне от этих обид избавиться» [9. № 700. К. 5].

С другой стороны, можно, хотя реже, найти примеры употребления термина «отчизна» в отношении Великого княжества Литовского. К примеру, новогрудский сеймик в 1641 г. напрямую писал: «В отчизне нашей, в княжестве Литовском» [15. Rkps 375. К. 610]. В большей части случаев все же невозможно однозначно определить, как понималось автором данного источника понятие «отчизна», в некоторых других – допустимыми являются обе интерпретации. Поэтому стоит отметить, что данный термин может обозначать как «польско-литовское государство», так и «Великое княжество Литовское». Следует при этом подчеркнуть, что все же гораздо чаще мы находим примеры однозначного употребления его в первом значении.

Не менее интересным является способ употребления целого ряда выражений: «Великое княжество Литовское», «княжество Литовское», «Литва», «литвин», «литовский». Следует подчеркнуть, что в данном случае мы также можем выделить несколько разных смысловых категорий. В качестве главных Э. Бэм-Висьневская указала пять: «литовское государство»; «провинция, т.е. больше, чем “земля”, меньше, чем “государство”»; «земля»; «общность, т.е. “народ”, “люди”»; «символ» [1. S. 148–149].

Все эти термины в исследуемых инструкциях встречаются всего 1133 раза, заметно уступая в плане частотности термину «речь посполитая» (1653 раза). В том числе в 121 случае они употреблялись при определении чиновничьих постов, например «гетман Великого княжества Литовского» или «подचाший Великого княжества Литовского». Чаще всего мы встречаем термины «Великое княжество Литовское» и «княжество Литовское», всего 991 раз. Другие употреблялись несравнимо реже: прилагательное «литовский» 92 раза, «литвин» 41 раз, а «Литва» лишь девять раз. Стоит также отметить, что поскольку частотность употребления этих терминов в 1587–1600 гг. является довольно высокой (2.14 употребления на страницу рукописи), в первой половине XVII в. она заметно снижается, оставаясь примерно на одном уровне (около 1.5 употребления на страницу рукописи) (см. диаграмму 4).

Диаграмма 4. Соотношение частотности употребления термина «речь посполитая» и выражений, относящихся к Великому княжеству Литовскому и его жителям

На основе проведенного исследования подтверждается вывод Э. Бэм-Висьневской о том, что доминирующим значением является «провинция польско-литовского государства». Именно так в большинстве случаев употребляются данные термины, что свидетельствует о том, насколько сильным являлось представление о Литве как о части Речи Посполитой. При этом в отличие от наблюдений того автора, сделанных в отношении коронных источников, в литовских сеймиковых источниках не прослеживается частое употребление этих терминов в значении «общность, люди». Термин «литвин» появляется в инструкциях только девять раз, последний раз в 1634 г. [2. Ф. 971. Оп. 2. Авт. 152. Л. 145], а термин «литва» в значении «люди» лишь шесть раз. Чтобы передать значение «люди» употреблялись выражения «литовский народ» или «жители Великого княжества Литовского». Можно предположить, что поскольку коронные авторы могли чаще употреблять термин «литва» для обозначения «жителей Великого княжества Литовского», литвины предпочитали в отношении самих себя использовать более «достойные» выражения, такие как «литовский народ».

Стоит подчеркнуть одну интересную тенденцию в употреблении терминов «речь посполитая» и терминов, обозначающих Великое княжество Литовское.

В исследуемый период соотношение частотности их употребления существенно меняется в пользу термина «речь посполитая». В 1587–1600 гг. мы наблюдаем преобладание терминов, обозначающих Великое княжество Литовское (их соотношение к частотности употребления термина «речь посполитая» равно 61:39). Однако уже в 1601–1610 гг. отмечаем преобладание термина «речь посполитая» (53:47), которое в последующие годы становится еще более очевидным (более 60%), немного уменьшаясь в 1641–1647 гг. (57:43), что соответствует уменьшению частотности употребления термина «речь посполитая» в данный подпериод.

Стоит также охарактеризовать способ, каким литовскими сеймиками определялась вторая часть совместного государства, Речи Посполитой, т.е. Польская Корона, а также ее жители. Для этого употреблялись следующие термины: «Корона», «паны коронные», «Польша», «поляки», а также прилагательные «коронный» и «польский». Данные термины, конечно, употребляются реже, чем выражения, относящиеся к Великому княжеству Литовскому и его жителям – всего 635 раз. Детальные данные касательно частотности их употребления приведены в таблице 1. Стоит при этом отметить, что все случаи употребления выражения «Польская Корона» (34 раза) во избежание двойного исчисления были причислены только к выражению «Корона».

Таблица 1

Суммарное количество употреблений выражений, относящихся к Польской Короне для отдельных подпериодов

Подпериод	«Корона», «коронный», «паны коронные»	«Польша», «польский», «поляки»
1587–1600	59	37
1601–1610	53	22
1611–1620	111	15
1621–1630	94	0
1631–1640	106	11
1641–1647	125	2
Итого	548	87

На основе приведенных в таблице 1 данных отмечается тенденция к отказу от употребления терминов «Польша» и «поляки», частых еще в конце XVI – начале XVII в. В последующие подпериоды авторы сеймиковых источников заметно предпочитают употреблять термины «Корона» и «коронный». С одной стороны, таким способом десигнат этих терминов определялся более четко, чем в случае многозначных и довольно расплывчатых «Польшы» и «поляков», с другой – их употребление наводит на мысль о том, что с течением времени авторами сеймиковых источников выражались не столько черты отдельной польской государственности (чему лучше соответствовал термин «Польша»), но ее «провинциальность» в рамках Речи Посполитой. Другими словами, можно предположить, что литовская шляхта постепенно перестала видеть в Короне отдельную, даже чужую (хотя близкую) страну, но начала воспринимать ее как часть совместного, своего, польско-литовского государства. Это соответствует пониманию терминов, относящихся к Великому княжеству Литовскому и его жителям как «провинции», т.е. больше, чем “земли”, меньше, чем “государства”, а именно – части Речи Посполитой и свидетельствует о дальнейшей интеграции литовской шляхты в ее рамках.

Стоит при этом отметить, что на основе исследуемых нами сеймиковых источников не подтверждается тезис Э. Бэм-Висьневской, настаивающей на том, что авторы Великого княжества Литовского употребляли термин «Польша» для обозначения всей Речи Посполитой [1. S. 107, 114]. Во-первых, данный термин, как уже отмечалось, использовался редко (всего лишь 16 раз) и вытеснялся термином «Корона». Во-вторых, всегда однозначно употреблялся для обозначения

не целого польско-литовского государства, а лишь Польской Короны. К примеру, ошмянский сеймик в 1598 г. требовал, чтобы «польская казна» взяла на себя выплату татарских поминок из-за присоединения вольнского, брацлавского и киевского воеводств «к Польше» [9. № 371. К. 2]. Лишь исключением является случай употребления прилагательного «польский» для обозначения всей шляхты Речи Посполитой, как коронной, так и литовской, который можно найти в инструкции новгородского сеймика от 1607 г., в которой указывалось на «вольную элекцию» как на одну из «свобод польского народа» [14. Rkps 360. К. 198v].

На основе проведенного исследования можно прийти к выводам противоположным тем, что были сделаны Х. Виснером, полагающим, что термин «польский» использовался для самообозначения шляхтой ВКЛ наряду с термином «литовский» [12. S. 21]. Прилагательное «польский» в литовских сеймиковых инструкциях встречается 25 раз. В большинстве случаев оно является частью выражения «король польский». Кроме того, 34 раза выступает в качестве части выражения «Польская Корона», а шесть раз – в качестве части выражения «Польское королевство». Приведенная автором в качестве примера инструкция полоцкого сеймика от 1640 г., в которой высказывалось требование, чтобы «будовничий, городничий и виленский войт был польским оседлым шляхтичем, не чужестранцем» [9. № 1197. К. 2] является однозначным исключением. Обычно прилагательное «польский» употреблялось как синоним прилагательного «коронный». К примеру, в вилкомирской инструкции на конвокационный сейм в 1632 г. требовалось обеспечить «границы польские и литовские» [9. № 1150. К. 2].

Следует обратить внимание на любопытный способ употребления выражений типа «Корона и Великое княжество Литовское». Почти всегда на первом месте упоминается именно Корона. К примеру, минский сеймик в 1613 г. призывал провести совместные консультации с «панами послами коронными и Великого княжества литовского» [9. № 583. К. 3]. Исключением из этого общего правила является инструкция новгородского сеймика от 1618 г., авторы которой в связи с нападениями со стороны казаков призывали придумать способ защиты вместе «со всеми станами княжества Литовского и коронными» [9. № 701. К. 2]. Данный способ употребления, с одной стороны, повторяет последовательность королевского титула, в котором титул великого князя литовского упоминался после титула короля польского. С другой стороны, можно предполагать, что даже в глазах самой литовской шляхты Корона обладала своего рода преимуществом или неподвергающимся сомнению старшинством.

Не менее интересным с точки зрения способа функционирования Великого княжества Литовского в сознании шляхты как одной из частей Речи Посполитой является еще одно наблюдение. В терминологии сеймиковых источников довольно редко встречаем указания на элементы государственной самостоятельности Литвы. Совместный монарх практически всегда назван «королем», а не «великим князем» или «господарем». Еще более любопытно, что, ссылаясь в своей аргументации на прошлые времена, даже на времена до заключения Люблинской унии, авторы источников также употребляют титул «королей польских». К примеру, пинский сеймик в 1607 г. требуя отстранения иностранцев, подчеркивал: «Хватит Его королевской мости народа здешнего, которые по примеру первых своих предков польским королям служили» [14. Rkps 365. К. 35]. Исключением является, однако, инструкция новгородского сеймика от 1618 г., в которой требовалось провести пересмотр и напечатать привилегии, данные «королями Их мостями и великими князьями литовскими» [9. № 701. К. 2]. Необычную формулировку употребил в 1632 г. (перед конвокационным сеймом) витебский сеймик, который указывал на привилегии, данные «во время предков Их мости королей польских и Великого княжества литовского». Интересным является при этом также указанный сеймиком перечень монархов, включающий в себя как великих князей, которые не являлись польскими королями (Витовта и Сигизмунда

Кейстутовича), так и королей, которые не были великими князьями (Владислава Варненчика и Яна Ольбрахта) [2. Ф. 971. Оп. 2. Авт. 132. Л. 5].

Стоит также обратить внимание на способ употребления слов типа «добро», «польза», «нужда», связанных, прежде всего, с термином «речь посполитая». Особенно часто данные обороты выступают в довольно конвенциональных просьбах поблагодарить короля или формулах, завершающих документ. К примеру, оршанский сеймик в 1596 г. писал о созыве сейма «для великих и важных потреб речи посполитое» [9. № 346. К. 1]. Лишь редко появляются исключения из данного правила. К примеру, в инструкции лидского повета от 1630 г. требовалось, чтобы вопрос найма австрийских войск был решен так, как «лучшим для Великого княжества Литовского будет» [9. № 1030. К. 1].

Подводя итоги, можно все же предположить, что в большинстве случаев употребления понятия «речь посполитая» в значении «государство» и «шляхта» прослеживается определенный объединяющий смысл. Чаще всего под ними подразумевались «все польско-литовское государство» и «все шляхетское сословие», т.е. как Польская Корона, так и Великое княжество Литовское. Это еще более отчетливо прослеживается в значении слова «сейм», поскольку парламентарный строй Речи Посполитой был основан на принципе единства. Его проявлением является сам институт совместного сейма, соединяющего три стана (короля, сенат и посольскую избу) и обе части Речи Посполитой, а также практика его функционирования, в которой для принятия каких-либо решений требовалось общее согласие всех станов и всех их представителей (не только коронных и литовских, но в более широком смысле – всех воеводств, земель и поветов, представителей всего «шляхетского народа»).

Более того, в связи с изменениями количества употреблений термина «речь посполитая» и выражений, относящихся к Великому княжеству Литовскому и его жителям, как нам кажется, можно предположить, что в исследуемый период в риторике сеймиковых источников представление о единении и целостности начинает преобладать над элементами партикуляризма.

Следует обратить внимание на динамический характер исследуемых явлений. В конце XVI в. в области употребляемой в литовских сеймиковых источниках терминологии доминирует еще собственный, литовский взгляд, лучшим примером чего является инструкция вилкомирского сеймика от 1600 г. [2. Ф. 971. Оп. 2. Авт. 133. Л. 121–127]. В XVII в., однако, несмотря на проблемные моменты в польско-литовских отношениях сеймики предпочитают употребление термина «речь посполитая» и выражают единство и целостность польско-литовского государства. Это, на мой взгляд, заставляет еще раз задуматься о характере литовского партикуляризма, учитывая в рассуждениях также элемент сотрудничества и единства, которые кажутся нам недооцениваемыми.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Bem-Wiśniewska E. Funkcjonowanie nazwy Polska w języku czasów nowożytnych. Warszawa, 1998.
2. Российская национальная библиотека в Санкт-Петербурге. Отдел рукописей.
3. Mazur K. W stronę integracji z Koroną. Sejmiki Wołynia i Ukrainy w latach 1569–1648. Warszawa, 2006.
4. Olszewski H. Rzeczpospolita. Przyczynek do dziejów ideologii polityczno prawnej w dawnej Polsce // Olszewski H. Sejm w dawnej Polsce. Ustrój i idee. Poznań, 2002. Т. 2. Studia i rozprawy.
5. Opaliński E. Kultura polityczna szlachty polskiej w latach 1587–1652. Warszawa, 1995.
6. Pietrzyk-Reeves D. O pojęciu «Rzeczpospolita» («res publica») w polskiej myśli politycznej XVI wieku // Czasopismo Prawno-Historyczne. 2010. Z. 1. Т. LXII.
7. Амброзяк Т. Отношение литовских сеймиков к передаче Трубчевска Московскому государству в 1645–1646 гг. // Ваенныя трыумфы эпохі Вялікага княства Літоўскага: зборнік навуковых прац (в печати).
8. Linde B. Słownik języka polskiego. Warszawa, 1812. Т. 3.
9. Archiwum Główne Akt Dawnych. Archiwum Radziwiłłów. Dział II.

10. *Filipczak-Kocur A.* Z dziejów skarbu Wielkiego Księstwa Litewskiego za pierwszych Wazów (1587–1648) wieku // Wilno – Wileńszczyzna jako krajobraz i środowisko wielu kultur. Materiały I Międzynarodowej Konferencji Białystok 21–24 IX 1989 w czterech tomach. Białystok, 1992. T. II.
11. *Filipczak-Kocur A.* Skarbowość Rzeczypospolitej 1587–1648. Projekty – ustawy – realizacja. Warszawa, 2006.
12. *Wisner H.* Rzeczypospolite szlachty litewskiej (schyłek wieku XVI – pierwsza połowa XVII wieku) // Barok. 2006. № 1 (25). T. 13.
13. *Romaniuk P.P.* Pojęcie «Rzeczpospolita Litewska» w ruchu republikańskim na przełomie XVII i XVIII wieku // Barok. 2006. Z. 1 (25).
14. Biblioteka Polskiej Akademii Nauk w Krakowie.
15. Biblioteka Czartoryskich w Krakowie.
16. *Амброзяк Т.* Внешняя угроза как катализатор интеграционных процессов: на примере отношений литовской шляхты к Польской Короне во время войны Речи Посполитой с Россией 1609–1618 гг. // Фундаментальные науки и пути становления и развития новой экономики России. Труды международной научно-практической конференции с элементами научных школ. М., 2013. Ч. 1.
17. *Амброзяк Т.* Отношение литовских сеймиков к Смуте и интервенции Речи Посполитой в Москве (1604–1618) // Смута как исторический и социокультурный феномен. Материалы Всероссийской научной конференции 22–23 апреля 2013 г. М., 2013.
18. *Słownik polszczyzny XVI wieku.* Wrocław; Warszawa; Kraków, 1992. T. XXI.
19. *Legomska J.* Państwo, naród, ojczyzna w dawnej polszczyźnie. Leksykalno-semantyczny opis pojęć. Katowice, 2010.

© 2016 г. В.В. ЧУБАРОВА

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ О СЛАВЯНАХ В ПОЛЬШЕ – ВЕХИ ИСТОРИИ

В Средние века представление о славянах в Польше проявлялось в первую очередь в легенде о трех братьях, которая затем стала сочетаться с сарматской теорией. На первую половину XIX в. пришелся расцвет славянской идеи в Польше: древнее славянство романтизировалось, а современному приписывалась особая миссия в Европе. Затем мечта о масштабном объединении славян сошла на нет, но сама идея их общности в той или иной форме сохранялась на протяжении всего XX в.

In the Middle Ages, the image of the Slavs in Poland was reflected mainly in the Legend of the Three Brothers, which later was combined with the Sarmatian theory. The first half of nineteenth century was the heyday of the Slavic idea in Poland, when ancient Slavs were romanticized, and their descendants were seen as bearers of a special mission in Europe. Later on, the dream of a great Slavic union came to naught, but the idea of their commonality as such was present in one or another way through the whole of the twenties century.

Ключевые слова: Польша, славянская идея, национальные мифы, идентичность.

Keywords: Poland, Slavic idea, national myths, identity.

Национальная идентификация, помимо представления о собственном народе и его особенностях, очень часто связана также с более широкими, наднациональными категориями. Принято считать, что из всех славянских стран в Польше само понятие «славяне» и связанные с ним идеи были наименее популярны; не оспаривая этот тезис, попытаюсь, тем не менее, показать, как изменялось здесь представление о славянстве в период от начала польской истории до 1989 г. Подчеркну, что меня интересует не «славянское единство» как если бы это был подлежащий доказательству/опровержению факт, а именно идеологема, взгляды людей, роль и содержание понятия «славяне» как категории. Я не ставила задачу самостоятельно проанализировать источники, в которых упоминаются славяне, а опираюсь на существующие работы, стараясь, вместе с тем, не просто обобщить данные, но и выявить некие тенденции трансформации понятия. Ранее я аналогичным образом сделала обзор представлений поляков о Европе [1].

Представление об общности происхождения существовало у западных славян и до появления своих хроник, в которых оно подверглось обработке и интерпретациям [2. S. 23]. В древнейших польских источниках XII – начала XIII в., например, в «Польской хронике» Галла Анонима, встречается понятие *Słowiańszczyzna*¹, северной частью которой является Польша [3. S. 9]. Существует мнение, что славянский мотив появился как реакция на упоминание западными авторами начи-

---

Чубарова Валентина Викторовна – научный сотрудник Учебно-научного центра социальной антропологии РГГУ.

¹ Это понятие обозначает и славянство как идею, и пространство, заселенное славянами, и активно используется в современной научной литературе (см. [3. S. 60]).

ная с XII в. *terra Slavorum* – территории, заселенных родственными народами, говорящими на *lingua slavonica* [4. S. 45–46]. При этом славян относили к варварам, внимания им в хрониках уделялось немного и за ними не признавали такого благородного происхождения, какое приписывалось западноевропейским народам. Возникновение языков в Европе связывалось с легендой о Вавилонском столпотворении и фигурой Ноя, чьи сыновья стали прародителями всех современных народов; в некоторых западноевропейских трудах славян называли потомками Хама, что было сродни оскорблению [4. S. 46–47; 5. S. 68].

Именно потребность доказать благородство собственного происхождения побудило сперва чешских, а затем и польских хроникеров обратиться к своим славянским корням и, таким образом, на уровне мифологии осознать свою общность [4. S. 46–47]. Так возникла легенда о трех братьях – потомках Иафета, младшего сына Ноя и прародителях славян (см. подробный анализ легенды, ее критики и трансформации в [6]). В польской литературе старейшая из сохранившихся версий легенды относится к Великопольской хронике (сер. XIII в.)² и говорит о трех сыновьях Пана, правителя Паннонии: старшем – Лехе, среднем – Чехе и младшем – Русе. В хронике Яна Длугоша (XV в.) говорится лишь о двух братьях: старшем Лехе и младшем Чехе, который получил земли лишь по милости старшего брата; Рус же в этой версии – всего лишь один из потомков Леха [5. S. 94–96, 134]. С одной стороны, здесь виден мотив единства происхождения, с другой – ни православные русины (схизматики), ни гуситы-чехи (еретики) не могут, по мнению католического автора, занимать такое же высокое положение в иерархии, как верные христиане, поляки [4. S. 47–48]. Мотив доминанции поляков в славянском мире можно заметить, по мнению С. Былины, в хронике Дзезжвы (начало XIV в.): он переносит предполагаемую прародину славян из Паннонии на польские земли, что также подразумевает гегемонию населяющего их народа. Что интересно, в тех хрониках, которые особенно акцентируют религиозный аспект, понятие «славяне» не упоминается вовсе [4. S. 49–50].

Можно сказать, что существовали два пути доказательства «полноценности» поляков в качестве европейского народа: религиозная (не просто христиане, а именно католики!) и этиологическая, подчеркивающая благородное происхождение. Очевидно, что первая выделяла поляков самих по себе, а вторая способствовала развитию идеи славянского единства. Общеславянская идентификация позволяла полякам гордиться, например, св. Войцехом, чехом по происхождению, как «своим» святым, или раннесредневековым византийским автором св. Иеронимом, которому приписывалось создание глаголицы и который в то время считался переводчиком Библии на славянский язык [2. S. 55], или легендарной «грамотой Александра Македонского», якобы полученной чехами и адресованной всем славянам, или вообще обширностью славянских земель [6. С. 46–94, 96–97]. В этот период в польской историографии появляются столь известные споры об этимологии слова «славяне»: в ответ на «западную» версию о происхождении этнонима от латинского *sclavi* (*sclavus*) (раб) польские авторы возводят его к «славе» или «слову» [2. С. 56].

Следы представления о славянской общности в позднем Средневековье можно найти также в документах, отражающих дипломатические отношения с Чехией. Обе стороны подчеркивали общность происхождения и языка, однако тон здесь задавали чехи, и контекст упоминания славянства у них сильно отличался от польского [2. S. 51–53]: мотив славянской общности в XV в. был реактуализирован в свете гуситского движения и имел антинемецкую направленность. Они подчеркивали необходимость защиты славянского языка и обычаев, рассчитывая на политическую поддержку польских правителей. Те, в свою очередь, ис-

² Датировки дискуссионны, но разбор историографии по этому вопросу не является предметом статьи.

пользовали формулы «братства» и «единого языка» в контактах с чехами, однако собственное противостояние с немцами в Пруссии, Грюнвальдскую битву и др. обычно рассматривали не как «славянские», а лишь как польские достижения [2. S. 21]. В отношениях же с чехами славянство упоминалось в контексте необходимости возвращения «заблудших братьев», гуситов, в лоно католической церкви.

В эпоху Первой Речи Посполитой (XVI–XVIII вв.) представление о славянах претерпело изменения в контексте идеологии сарматизма: якобы доказанного происхождения поляков от сарматов, которому сопутствовала мода на ориентальный стиль в быту, в одежде, изобразительном искусстве и т.п. В некоторых поздних версиях сарматского мифа такое «благородное» происхождение приписывалось не всему народу, а только представителям шляхетского сословия, и противопоставлялось грубым нравам и менее героическим предкам остального населения.

По словам М.В. Лескинен, «польская историография XV–XVI вв. отождествляла славян с сарматами»: последние служили связующим звеном между библейскими предками и легендарными славянскими прародителями [7. С. 42–43]. Однако, например, «Европейская Сарматия» М. Меховского включает в себя области «руссов или рутенов, литовцев, москов и другие, прилегающие к ним, между рекой Вислой на западе и Танаисом на востоке» [8. С. 47]; примерно такие же границы (Польша, Москва, Русь, Литва и Прусы) очерчивают, по мнению Лескинен, и другие авторы [5. S. 45]. Интересно не столько то, что в «славянскую» Сарматию входят балтоязычные литовцы и прусы³, сколько то, что при этом не упоминаются чехи [5. S. 43–45], хотя их славянство было очевидно благодаря легенде. Можно предположить, что, несмотря на ассоциацию (предполагаемую генеалогиию) «сарматы-славяне», акцент постепенно смещается с «земель Чеха, Леха и Руса» на зону реального и потенциального господства поляков.

В идее тождественности славян и сарматов существовало и другое противоречие. В теории было известно, что потомками древних славян являются и другие народы, помимо поляков, а славяне считались потомками сарматов. Однако многие авторы делали акцент не просто на том, что Европейская Сарматия – это польские земли, но именно на этногенетическом родстве поляков с сарматами [5. S. 46–47]. При такой трактовке ни принадлежность к славянам, ни общая католическая вера, ни принадлежность к тому же шляхетскому сословию по отдельности не позволяли считать жителя Речи Посполитой истинным сарматом, потомком великих предков, наряду с польским шляхтичем-католиком [5. S. 73–74]. Употребление понятия «славянский» скорее в качестве синонима «польского», чем в качестве названия более широкой группы, можно увидеть, как утверждают Ю. Маслянка и Л. Мороз-Гжелак, у поэта XVI в. Яна Кохановского [9. S. 21] и других авторов [10. S. 28].

Анализируя различные элементы польского национального мифа, М.В. Лескинен приходит к выводу, что библейско-античный сюжет соотносился с общеевропейской традицией и подчеркивал полноправность поляков в качестве европейского народа, а легенда о трех братьях ставила акцент на славянском единстве. В период становления идеологии польского государства эти два сюжета пришли в противоречие, и большее развитие получил первый [5. S. 51]. Хотя сарматы как воображаемые предки номинально отождествлялись со славянами, они вытеснили на периферию само это понятие.

Впрочем, сама по себе легенда о трех братьях продолжала функционировать в польском обществе и в основном считалась исторически достоверной. Впервые она подверглась критике, по мнению А.С. Мыльникова, еще Марчином Кроме-

---

³ Очевидно, в то время границы языковых групп не были определены научно, а благодаря близости славянской и балтской группы и многочисленным заимствованиям балтские языки, особенно прусский, часто воспринимались как славянские. В науке также существовала точка зрения, согласно которой пруссы были славяноязычны или же представляли собой балто-славянский союз племен.

ром [6. С. 165–168], затем – в 1740-х годах в работах Г. Ленгниха [6. С. 225–232] (см. также [9. S. 31–58]), однако в целом лишь после Первого раздела Речи Посполитой в 1772 г. место сарматской идеологии заняла подлинно историческая наука с ее доказательным и критическим подходом. Здесь стоит отметить работы одного из первых польских историков А. Нарушевича, а также поэта-сатирика И. Красицкого [9. S. 63–99].

Впрочем, почти одновременно с демифологизацией древней истории наступила пора представления о славянах как о некоей современной общности. Как и в Средневековье, развитию наднациональной идентификации самих славян предшествовало объединение их в одну категорию извне. В труде «Идеи к философии истории», изданном в 1784 г., немецкий философ Иоганн Готфрид Гердер впервые дал комплексное описание славян как группы народов, имеющих не только родственные языки и происхождение, но и общий характер и геополитическую судьбу. Именно к этой небольшой главе специалисты возводят историю славянской идеи в том виде, в котором она появилась в XIX в. (см., например: [11. S. 18; 12. S. 15] и др.). Сначала Гердер описал врожденный характер славян – милосердие, гостеприимство, свободолюбие и миролюбие и многовековое порабощение славян другими народами, прежде всего немцами, а затем пришел к выводу, что однажды «славянские народы, столь глубоко павшие, некогда столь трудолюбивые и счастливые, пробудятся, наконец, от своего долгого тяжелого сна, сбросят с себя цепи рабства, станут возделывать принадлежащие им прекрасные области земли – от Адриатического моря до Карпат и от Дона до Мульды – и отпразднуют на них свои древние торжества спокойного трудолюбия и торговли» [13. С. 471].

В то же время, когда писал Гердер, предвестники новой трактовки славянства появились и в Польше. Так, по мнению Ю. Маслянки, в сатирической повести Ф.С. Ежерского (1790-е годы) поляки-славяне древности впервые описывались как язычники, причем с большой симпатией [9. S. 106–107], а С. Трембицкий и Я.П. Воронич подчеркивали родство поляков с русскими («один язык, одна кровь, та же твердая натура», «два единокровных славянских народа») [9. S. 116–126]. Их творчество можно считать переходом к эпохе Романтизма: в которой старые славянские легенды стали поэтической основой для новой идеологии. Интересно, что если в Средневековье славянская общность подчеркивалась в первую очередь в контексте польско-чешских отношений, а «брат Рус» если и упоминался, не имел большого значения, то в контексте угрозы со стороны России (и ее реализации) именно он, можно сказать, вышел на первый план.

В эпоху Просвещения повторяется и мотив славян как защитников Европы (также, как мы помним, восходящий к Золотому веку шляхетской Польши) – его можно, по мнению В. Лазуги, найти в работах Ст. Сташица⁴. Он напомнил о нашествии «орд» с востока, которые остановили славяне (в первую очередь – поляки, хотя и роль России признавалась), а также о битве под Веной. Важным посылом было то, что именно благодаря такой защите Западная Европа могла плодотворно развиваться – и намек, что именно этим обусловлен разрыв между ней и славянами [14. S. 79].

Крах независимого государства с новой остротой поставил перед поляками старую задачу: доказать свою полноценность и состоятельность на мировой арене, определить свою роль в Европе. Главным глашатаем славянской идеи в Польше считается Зориан Доленга-Ходаковский: в его работах поэтически-идеализированное славянство древних легенд (и основанной на них поэзии) и философия Гердера легли на почву этнографических и фольклористических исследований,

⁴ К сожалению, весьма содержательная статья познаньского историка В. Лазуги была опубликована в публицистическом журнале, поэтому в ней отсутствует не только точная ссылка на источник, но даже указание, на какую работу Сташица опирается автор и к какому году она относится.

интенсивно проводившихся в Польше в этот период [12. S. 6–15]. В знаменитой работе «О славянстве до христианства» (1818) он нарисовал идеализированный образ праславянской общности, особенно подробно останавливаясь на религии древних славян. В противоположность стереотипу, в соответствии с которым славянин должен быть христианином-католиком, у Ходаковского именно язычество было сутью славянства. Если «Золотой век» превозносил шляхту как единственных носителей культуры сарматов, а крестьянам отводил только прикладную роль, то у Ходаковского именно крестьяне, «народ-lud» является носителем и наследником славянской эгалитарной культуры, которой противопоставляется официальная аристократическая, связанная с Западом и христианством. «От давнего омовения водой с нас начали смываться все черты, характеризующие нас, ослаб во многих наших краях независимый дух и, формируясь по чуждому образцу, стали мы в конце концов чужими сами себе» [15. S. 20].

Принципиальное отличие «славянского мифа» XIX в. от представления о славянской общности в предыдущие эпохи заключается в его обращенности в настоящее и будущее. Мифология Средневековья и XVI–XVII вв. в основном упоминала славян в контексте древней истории, тем более это видно у историков эпохи Просвещения. В эпоху романтизма же история и исторические легенды становятся источником и для идеологии – по словам А. Витковской, «очевидно, что *Słowiańszczyzna* не могла заинтересовать писателей-романтиков исключительно как предмет исторических исследований [...] В сущности [...] речь шла о философии истории и своеобразной исторической метафизике, то есть о категориях мышления, касающихся человека, народа, человечества» [11. S. 10].

Идея Гердера о предстоящем пробуждении славян получила на польской почве серьезное развитие: из почти рациональной по своей логике (хоть и утопической) она превратилась в мистическую, а сами славяне из объекта (чья единственная задача – освобождение) – в субъект, активно влияющий на судьбы других народов. По мнению историка А. Вежбицкого, «значительная часть миллениаристической историософии эпохи романтизма основывалась на убеждении, что славянство в полной мере будет существовать только в будущем, когда разделяемые им ценности будут восприняты другими народами [...] Считалось, что после времен, когда во главе человечества стояли романские и германские народы, приближается пора славянского лидерства» [16. S. 62].

Праславянского идиллия Гердера и Ходаковского закончилась из-за агрессии других народов, но в этом, по мнению польского поэта Адама Мицкевича⁵, был высший смысл, связанный с особой миссией, которую славяне должны были сыграть в Европе [11. S. 12–16]. Они виделись как «младшие» в европейской семье, братья, которых привыкли считать глупыми простачками на фоне «умного Запада». Однако этот Запад, «пресыщенный цивилизацией» и находящийся в духовном упадке, по мнению польских романтиков, очень нуждался в «умной глупости» и «благородной дикости» славян, в «свежей крови», которая возродила бы его [11. S. 20]. Славяне не просто учились у Запада и пользовались его достижениями, но и могли предложить что-то взамен. Помимо молодости, другим «аргументом» в пользу будущего господства славян были их стереотипные черты характера: мягкость, миролюбие, гостеприимство, религиозность, честность, эгалитаризм, уважение к свободе – своей и других [16. S. 63].

При этом среди славянских народов, единых по своему духу и предназначению, обычно именно поляки виделись главными носителями этой миссии – из-за своих многовековых связей с Западом и особенно трагической судьбы [16. S. 21]. Общеславянское мессианство, по мнению Э. Доманьской, сочеталось для Миц-

⁵ В работе известного польского историка литературы А. Витковской [11], к сожалению, чаще всего не представлены конкретные ссылки на работы Мицкевича, Ю. Словацкого и других авторов эпохи Романтизма, поэтому точность цитат и интерпретаций остаются на совести автора книги, чей авторитет внушает доверие.

кевича и его поколения с мифом Польши как «Христа народов»: преданная и уничтоженная Европой, Польша должна была воскреснуть, чтобы спасти своих губителей [17. S. 249–262].

Религиозные коннотации здесь не случайны: католицизм, христианская идеология по-прежнему оставались значимыми элементами самосознания польской элиты, и под духовным упадком Запада не в последнюю очередь понималась секуляризация, отделение науки и общественной мысли от церкви и т.п. В этом смысле миф «Христа народов» многое унаследовал от более раннего мифа Польши как «форпоста Европы», хранителя истинно христианских ценностей. Наиболее крайнее выражение эти идеи нашли у Юлиуша Словацкого, который, по мнению Витковской, «видел в славянах, главным образом в поляках, ту силу, которая реализует Божий замысел, установит Миллениум – новое господство Слова, непобедимого силами зла» [11. S. 18]. Неудивительно, что поэты-романтики, обратившись к старой проблеме происхождения названия «славяне», определенно склонялись к варианту *славяне*, происходящего от Слова – того самого, которое было в начале [11. S. 17].

В творчестве польских поэтов можно увидеть противоречие между восхищением язычеством как важнейшим элементом «идеального мира» древнего славянства (в духе Ходаковского) и христианской духовной миссией славян современных. В трактовке одних авторов язычники-славяне были близки к единобожию, так что принятие христианства было для них естественным и безболезненным. Другие видели здесь конфликт, в котором сами идентифицировали себя в каком-то смысле с обеими сторонами: испытывая вину за гибель язычества, они, вместе с тем, осознавали важность христианской миссии славян [11. S. 12–15, 32–33, 36–38]. Эту двойственность можно трактовать как вопрос об отношении славян к Европе: будучи отдельным и своеобразным племенем, они все же являются ее частью, а не противопоставляются ей; не существуют вне истории, а творят ее вместе с другими народами. В центре внимания романтиков – не обвинение захватчиков⁶, а духовное богатство и особая миссия покоренных.

Славянская идея в первой половине XIX в. существовала не только в поэзии, но и в общественной мысли. В 1830–1840-х годах познаньские деятели Б. Третновский, А. Чешковский и К. Либельт создавали более или менее утопичные проекты объединения славян [18. S. 39–43]. Последние двое имели возможность подробно рассказать о «свободной всеславянской федерации» на Славянском съезде в Праге в 1848 г. ([18. S. 50–51; 19. С. 77–78]), а после съезда проекты славянского объединения разрабатывались, например, А. Велепольским и Е. Любомирским [20. С. 55].

Само активное участие польской делегации в работе съезда свидетельствует о роли славянской идеи в польской общественной мысли, однако в ходе его работы возникли серьезные противоречия. Целью большинства польских делегатов на съезде было полное восстановление независимости и воссоединение страны⁷ [14. S. 80–81], что было невозможно при сохранении границ Габсбургской империи, а значит – противоречило доминирующей на съезде концепции австрославизма, которая подразумевала консолидацию и усиление славян в империи Габсбургов при сохранении ее устройства в целом⁸. Эти разногласия проявились уже на этапе подготовки к съезду, и полякам постоянно приходилось идти на уступки

⁶ Впрочем, порой славянская утопия имела ярко выраженную антинемецкую направленность [10. S. 46–48].

⁷ Следует подчеркнуть, что речь идет именно о большинстве, но не обо всех польских делегатах. Среди этого большинства доминировали деятели с прусской территории; представители галицийской шляхты по понятным причинам больше склонялись к миролюбивым австро-славистским взглядам. Деятели из Царства Польского вообще были слабо представлены на конгрессе [20. С. 55–56].

⁸ В первую очередь речь идет о чешских деятелях – Ф. Палацком как одном из главных вдохновителей съезда и его единомышленниках.

[19. С. 61–63, 65]. Кроме того, проявилась проблема отношения к России: поляки (в первую очередь делегаты из Царства Польского) не готовы были согласиться на ее ведущую роль и даже зачастую не включали в гипотетическое «славянское государство», остальные же участники скорее видели в России потенциального союзника.

Вообще именно «российская проблема» была ключевой в судьбе польского славянофильства. Изначально славянский идеализм в обеих странах вырос из общих гердеровско-этнографических корней, что способствовало взаимным симпатиям и надеждам, которые поляки возлагали на Россию, особенно при Александре I [10. С. 36–50]; некоторые даже готовы были признать лидерство России в славянском мире [18. С. 37]. Однако подавление восстания 1830–1831 гг., развитие российского панславизма как мощной идеологии (в сочетании с жесткой политикой Николая I) способствовали охлаждению отношений и переосмыслению представлений о славянстве [20. С. 41]. Из всех славянских народов русские были единственным народом не только не покоренным, но напротив – покорителем, и в дальнейшем видели славянское единство только под своей властью, и этим были «неудобны» для польского мифа славянского единства, отождествлявшего славянство с борьбой за свободу. Редким исключением, лишь подтверждающим правило, можно считать позицию таких деятелей, как М. Грабовский, который симпатизировал России как прообразу общеславянской монархии и считал, что «падение Польши необычайно приблизило славянскую эру» (цит. по [20. С. 42]).

Для многих польских славянофилов выходом из противоречия стало исключение русских из числа славян. Наиболее «мягкую» форму такого исключения, как можно судить по работе А. Вежбицкого, представлял Мицкевич: он подчеркивал неславянские элементы в русской истории и этногенезе, которые якобы постепенно сводили на нет исконно славянский характер русских. Самодержавие, жестокость, рабство – все эти «неславянские черты», по Мицкевичу, появились у русских вследствие трагической истории, однако он, тем не менее, не исключал их окончательно из числа славян [16. С. 67–69, 71]. Интересно, что «обратную трансформацию» в представлениях поэта прошли литовцы: изначально неславянский по своим корням и стилю правления народ, попав под влияние сперва западнорусской, а затем польской культуры, в конечном счете «ославянился». По словам Вежбицкого, «решающее значение здесь имело чувство славяности не как “кровного союза”, а как исторически-культурного явления, а также определенной политической перспективы» [16. С. 65].

Историк Иоахим Лелевель, один из жестких противников российского панславизма, также подчеркивал инородные влияния на российскую культуру и считал Россию «искаженной ветвью» славянства, использующей панславянскую риторику для порабощения братских народов. Однако и он все же находит русским место в своей утопической модели союза вольных и равных славянских племен: «русские, поляки, чехи, сербы, словаки, кроаты, босняки, болгары, иллирийцы должны считать друг друга братьями, одной большой семьей» (цит. по [16. С. 66]). О подобном союзе писал и историк Кароль Боромеуш Хоффман: «Если мы сведем панславизм к идее национальности, к справедливой идее единения племен одного языка, одних обычаев, одного духа, то мы обнаружим, что такой панславизм предлагала не Россия, а другие ветви славянства. Этот панславизм отличался от панславизма России тем, что, замкнутый в справедливых границах, он имел характер оборонительный, а не наступательный, и не только не угрожал западной цивилизации, но и обещал стать со временем ее сильнейшей опорой» [21. С. 60]. Как и Лелевель он, впрочем, колебался относительно роли России: с одной стороны считал ее «одной из ветвей славянства», с другой – называл «русинизм» наряду с «германизмом» враждебным славянству элементом.

Наиболее радикальная аргументация исключения русских из числа славян принадлежит перу Францишека Духиньского. Она заключалась в том, что русские не

вследствие культурного влияния, а по изначальному своему происхождению не относятся к числу славян. Деля человечество на две большие расы, Духинский к одной (арийской, расе земледельцев, склонных к демократическому устройству) относил славянские, германские и романские народы, а к другой (туранской, расе скотоводов и купцов, склонной к деспотии) – москалей (русских) и всех остальных, вплоть до австралийских аборигенов [21. S. 71–73]. Впрочем, к идее объединения славян Духинский все равно относился скептически.

Разумеется, в польском обществе были и противники славянской утопии даже в его «польскоцентричной» версии. К их числу относился, например, Кароль Сенкевич, историк парижской эмиграции, который считал эту идею «нумизматической монетой», не имеющей хождения в современном мире, и не видел никаких шансов на ее воплощение. «Племена славянской крови – это еще незрелые общности, поздние ученики цивилизации и древней литературы. Им присущи добродетели, недостатки и надежды молодости, вот и все отличие славянского гения» (цит. по [16. S. 65]).

У поэта Циприана Норвида, который сначала, как большинство романтиков, был увлечен славянским мифом, в поздних работах можно увидеть переосмысление этих образов, скепсис и иронию в отношении славянской утопии. Он подчеркивал некоторую ее архаичность, высмеивал стереотипные славянские черты и, кроме того, чрезмерное восхищение «исконностью» с его антизападным уклоном [11. S. 48–49]. Его ироническое видение славянства хорошо видно по описанию русских: «1) сами править не умели и позвали варягов; 2) легко напиваются, обнимаются и плачут также легко; 3) ничего оригинального сам по себе изобрести и придумать не умеют без наглости или заимствования. Все это доказывает, что они славяне» (цит. по [11. S. 147])⁹.

Норвид писал это уже после Январского восстания 1863–1864 гг., за которым последовал новый виток ущемления польской автономии российскими властями (при одновременной панславистской риторике). Хотя славянская утопия в Польше к этому времени и так уже шла на спад, эти события нанесли ей решающий удар. Одновременно усугубился раскол с чехами: поляки, видя сильные пророссийские симпатии своих соседей, стали относиться к чешскому славянофильству почти с такой же опаской, как к российскому; то же относилось и к южным славянам, возлагавшим надежды на Россию. Те, в свою очередь, считали, что поляки, нарушая сложившуюся славянскую «субординацию» (т.е. не признание лидерства России) препятствуют достижению общей цели. С обеих сторон звучали обвинения в предательстве. На Втором славянском съезде, прошедшем в 1867 г. в Москве, Польша фактически не была представлена [10. S. 66–68].

В каком-то смысле поляки не просто были наименьшими русофилами среди славянских народов, но и (едва ли не единственные) противопоставляли себя России в качестве потенциального лидера славянского мира [22. S. 86; 10. S. 50–66]. Не соглашаясь быть «на вторых ролях», они, вместе с тем, едва ли могли выдвинуть проект объединения, достаточно реалистичный и привлекательный для других славянских наций. Ведь для остальных Россия была не захватчиком, а сильнейшим потенциальным союзником, и разделенная Польша никак не могла предложить им ничего сопоставимого. К последней трети XIX в. славянская идея в Польше в форме масштабных политико-философских проектов в основном сошла на нет; прошел и период расцвета романтической поэзии. Понятие «славяне» сохранилось почти исключительно в научных исследованиях – этнографических, лингвистических, фольклористических и т.п., хотя они и имели порой славянофильский характер [18. S. 57–59].

⁹ Интересно, однако, что и у Сенкевича, и у Норвида славяне тем не менее рассматриваются как реальная общность (явно объединенная чем-то, кроме языка и корней) – отличается лишь отношение к ней.

В XIX – начале XX в. старая идея получила новое воплощение – неославизм. Чешские деятели, стоявшие у его истоков, снова попытались вовлечь поляков в славянское движение, однако на этот раз с бóльшим пониманием отнеслись к польским требованиям, обращенным к России, и поддержали их, пытаясь оказывать давление на Петербург [23. S. 83–98]. После создания в Российской империи Первой думы в 1906 г. идея предоставления автономии Царству Польскому казалась вполне реалистичной, а сторонники неославизма, как пишет В. Лазуга, нашлись и в самой России. Польские политические деятели не без опасений высказали готовность к сотрудничеству, однако, как показывает пример лидера польских национал-демократов Романа Дмовского, это было связано не с разделением идеалов славянской общности, а с тактическим расчетом: предполагалось использовать неославизм против одного врага – немцев, чтобы укрепить польское национальное движение, а затем освободиться от второго врага, России [14. S. 82–84].

Славянская тема в начале XX в. была популярна и за пределами собственно политики, о чем свидетельствуют и названия международных (в первую очередь польско-чешских) обществ: «Союз славянских врачей», «Славянский культурный союз», «Славянский туристический союз», «Общеславянский союз прессы», «Союз славянских крестьян» [23. S. 95–96]. Иногда говорят о своеобразном ренессансе романтического славянофильства в литературе и общественно-политической мысли в эпоху Молодой Польши [11. С. 50]. Так, в Кракове с 1901 г. существовал основанный Марианом Здзеховским¹⁰ Славянский клуб, при котором издавался журнал «Славянский мир»; в Варшаве в то же время выходило издание «Славянство» [23. S. 91]. Речь, однако, не шла непременно об идее славянского единства: как пишет Л. Мороз-Гжелак, один из членов клуба, Ян Бодуэн де Куртенэ (известный как выдающийся российский лингвист), очень жестко высказывался о панславизме в любом его проявлении, скептически относился к идее о взаимном сходстве и симпатии славян и считал, что речь может идти лишь об исследовании языка [10. S. 75–76]. Согласно тому же автору, один из редакторов «Славянского мира», философ Феликс Конечный, также отрицал какую-либо культурную или духовную близость славян, однако (в духе Дмовского) призывал к участию в общеславянском движении, поскольку это соответствовало национальным интересам [10. S. 80–81].

Когда стало понятно, что «чешское лобби» не имеет шансов добиться в Петербурге решения польского вопроса, зазвучало мнение, что «славянское сближение» выгодно в первую очередь чехам, что российские неослависты в конечном счете не отличаются от панславистов, а многочисленные конфликты «на местах» как с чехами, так и с украинцами-русинами намного очевиднее «славянского единства». В конечном счете, Дмовский, Здзеховский и все остальные польские деятели отошли от неославистского движения [23. S. 98, 103–111].

В межвоенный период славянская идея не играла ведущей роли в польской общественной мысли, однако нельзя сказать, чтобы отсутствовала вовсе. Это показывает, например, анализ Д. Каспшиком статьи знаменитого польского писателя Стефана Жеромского «Снобизм и развитие» (1923) [24]. В этом произведении Жеромский упоминает понятие «славяне» в разных значениях (очевидно, унаследованных от эпохи разделов) и, соответственно, по-разному его оценивает. Чаще всего речь идет о *Słowiańszczyźnie/prasłowiańszczyźnie* как синонимах понятий «древний», «изначальный»: по мнению Каспшика, Жеромский критикует слепое подражание западу в области культуры, призывает к оригинальности в творчестве, и именно славянская древность в духе Ходаковского может, по его мнению, стать источником для вдохновения. В таком контексте «славянство» – положи-

¹⁰ Здзеховский еще в 1887 г. издал по-русски (под псевдонимом) книгу «Очерки из психологии славянского племени. Славянофилы».

тельное понятие, «мягкое, безопасное, дружественное, отходящее от конкретики в сторону символа, метафоры, сентимента» [24. S. 229]. Иногда славянство упоминается в более конкретном значении языковой общности: *slowiańszczyzna vs niemczyzna* [24. S. 230].

Совершенно иначе, по словам Каспшика, звучит понятие «славяне» в той части произведения, которое затрагивает общественно-политические вопросы, т.е. идеи создания конкретной славянской общности. С однозначным презрением и недоверием Жеромский пишет о «кацапском славянофизме» и никакой другой формы панславизма (то есть политического объединения), кроме русофильства (то есть российской доминации) не допускает [24. S. 227–228]. Пример Жеромского особенно интересен: не просто у одного автора, но и в одном произведении призыв обратиться к славянским корням и признание языкового единства могут сочетаться с категорическим отторжением идеи политического объединения славян.

Другие элементы наследия Ходаковского можно увидеть в работах Яна Стахнюка, который призывал к отказу от чуждого католицизма и возвращению к славянскому язычеству. Как пишет Мороз-Гжелак, славянская задруга (родовая община) в видении Стахнюка должна была стать образцом для будущей национальной общности [10. S. 22–23] (см. также [25. S. 22–23])¹¹.

Зачастую понятие «славяне», как и у романтиков, было связано с идеей польской доминации. Ян Быстронь писал в 1935 г., что и «сегодня не счесть поляков, которые считают, что из всех славян поляки – самый ценный народ» [23. S. 22]. У подобных взглядов находится и научное воплощение: например, теория сохранения славянской чистоты польского языка, согласно которой именно польский, занимающий географически центральное положение среди родственных языков, «сохранил больше всего существенных славянских черт» [26. S. 22]. Славянская тема пользовалась популярностью и при трактовке древней истории – например, политик Евгениуш Квятковский писал в 1932 г. о Польше эпохи Пястов, что ее главным призванием было «установление четкой линии, разделяющей две расы, два истока культур, две неисчерпаемые возможности развития: германско-немецкую и славянско-польскую» (цит. по [27. S. 215]).

Неудивительно, что у некоторых авторов как идея славянской общности, так и роль в ней поляков обретают политическую направленность. Так, социалист Болеслав Лимановский в 1920-х годах задавался вопросом: «Если ход истории открывает перед славянами широкое поле для работы, имеющей целью лучшее, совершенное устройство общественной жизни, то который из славянских народов [...] больше всего приспособлен и наиболее одарен для морального лидерства в славянской семье?». Отвечая на этот вопрос, он сравнивает великороссов, чехов и поляков и, разумеется, делает выбор в пользу последних [21. S. 149–151].

В годы Второй мировой войны в идее политического объединения стран Центральной Европы также можно встретить «славянский аргумент». Например, в 1943 г. Влодимеж Старчак писал о том, что поляки и «более мелкие народы» (чехи, словаки, румыны, украинцы, белорусы, литовцы, латыши и др.) зажаты между двумя мощными державами – Германией и Россией. «Все эти народы близки друг другу, – заметил он, – ведь это в основном славяне». Обращаясь к истории, он подчеркивает, что, объединяясь, эти народы были сильны, и сейчас тоже могли бы образовать единое государство, которое бы «спасло другие народы, живущие в Европе, от германского и московского напора» [21. S. 202–204]. Здесь интересно, во-первых, знакомое нам исключение русских из числа славян, а во-вторых – отсутствие идеи доминирования поляков в потенциальном объединении.

¹¹ Идеи Стахнюка, а также еще более радикального националиста С. Шукальского, обрели большую популярность в среде современных польских неоязычников и националистов.

Интересный славянский сюжет середины 1940-х годов рассматривается в статье Т. Марчака. Тогда у советских идеологов появилась трактовка Второй мировой войны как решающего этапа многовекового противостояния агрессивных германцев и мирно настроенных славян. При этом «стратегической целью славянства» была демократизация: это понятие вполне соответствует классическому гердеровскому стереотипу и, вместе с тем, в лексиконе политиков левого толка было синонимом установления коммунистического строя. Отождествление формирующегося соцблока с панславянской общностью, мечтой предшествующих полутора веков, нашло сторонников и в Польше, тем более что она должна была выполнять особую функцию как «восточный бастион» славянства¹². На этом основании Польша отводила ведущую роль при установлении межгосударственных границ, а поскольку одной из главных проблем оставалось регулирование польско-чешского территориального конфликта в Заользье, такие амбиции вызывали недовольство чехов. В ответ Варшава жаловалась на «неславянское» поведение Праги и призывала к учреждению «славянского арбитража» [27. S. 215–216]. Особенно же привлекательной подобная риторика оказалась для польских коммунистов при обсуждении славяно-германской границы – этнической и политической. «Возвращенные» полякам земли, принадлежавшие до войны Германии, рассматривались славянскими идеологами как отправная точка для реславянизации территорий Лужицы, Полабья и т.п., а зачастую и всей Восточной Германии. Иногда речь шла фактически об аннексии – разделении этих территорий между Польшей и Чехословакией (это, по словам Т. Марчака, предлагал автор работы «О славянском покое» Я. Мествин-Муселевич-Мущалек) [27. S. 217–218], иногда – о создании отдельного государства Полабии (в разных формах это предлагали К. Стояновский, Ю. Ице, Дж. Васютынский). В качестве аргументов за выделение этой территории выдвигались как более научные по своему характеру (в первую очередь, низовое движение реславянизации, а также различного рода этимологические, лингвистические и этнографические доказательства славянского характера этих земель в отличие от собственно Германии), так и политико-стратегические (поскольку именно давняя экспансия на славянские земли усилила Германию и сделала возможной мировые войны, реславянизация Полабья – гарантия мира в Европе вследствие ослабления Германии) [27. S. 218–225]¹³.

Во второй половине XX в. славянская идея нашла выражение в философских взглядах Папы Иоанна Павла II (Кароля Войтылы). Согласно трактовке Р. Лужного, Папа последовательно позиционировал себя как представитель всех славян, безотносительно конфессиональных различий, подчеркивал изначальную принадлежность славян к Европе и их активную роль в ее формировании. Как следует из анализа выступлений Папы, важнейшими символическими фигурами для него стали Кирилл и Мефодий, «славянские святые». Их особенностью была одновременная принадлежность к Византийской и Римской традициям (еще до окончательного раскола), а также миссионерская деятельность, которая, по мнению Войтылы, «внесла выдающийся вклад в создание общих корней Европы [...] По прошествии одиннадцати веков христианства среди славян мы ясно видим, что наследие Солунских братьев остается для них более глубоким и сильным, чем любые разделы» – говорил он в энциклике «Slavorum Apostoli», оглашенной в 1985 г. (цит. по [28. С. 24]). Во взглядах Иоанна Павла II можно увидеть мотивы,

¹² Можно сравнить с образом Польши как «форпоста Европы», защищающего ее от опасного Востока [1. С. 301]; новый миф, меняющий вектор «обороны» на противоположный, не стал и в малой мере столь же популярным, как старый, но можно увидеть в этом изысканную попытку использовать национальную гордость как таковую и представление об особой роли.

¹³ Эта риторика скоро сошла на нет: раздались предостережения относительно «славянского расизма» [27. S. 217], а для СССР, которому адресовались эти проекты, славянская «оболочка» советизации Центральной Европы оказалась невыгодной хотя бы потому, что она мешала включить в сферу влияния Румынию и Венгрию. Прагматическая же идея отделения Восточной Германии была, как известно, осуществлена без малейшего намека на славянский элемент.

напоминающие видение славянства поэтами-романтиками: это и духовная, «освежающая» миссия славян в Европе, и особенная роль Польши среди славянских стран [29. С. 266].

Важно подчеркнуть, что деятельность и взгляды Папы Иоанна Павла II имели колоссальное значение для польского общества; в полной мере это касается и славянской темы, которая была озвучена во время первой же его поездки на родину после избрания в 1979 г. Наравне с мифом о трех братьях и праславянской идиллией Ходаковского и поэтов-романтиков, именно идеи Войтылы сформировали содержание понятия «славяне» в современной Польше.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Чубарова В.В. Место и роль Польши в Европе глазами поляков // Диалог со временем. № 49. 2014.
2. Janeczek A. Świadomość wspólnoty słowiańskiej w pełnym i późnym średniowieczu // Słowianie – idea i rzeczywistość. Poznań, 2013.
3. Gall Anonim. Kronika Polska. Wrocław, Zakład narodowy im. Ossolińskich; Wydawnictwo, 2003.
4. Bylina S. Motyw jedności słowiańskiej w Polsce późnego średniowiecza // Słowianie, słowiańszczyzna – pojęcia i rzeczywistość. Warszawa, 2002.
5. Długosz J. Roczniki, czyli kroniki sławnego królestwa polskiego. Warszawa, 2009. Księga 1 i 2.
6. Мильников А.С. Картина славянского мира: взгляд из Восточной Европы. Этногенетические легенды, догадки, протогипотезы XVI – начала XVIII. СПб., 1996.
7. Лескинен М.В. Мифы и образы сарматизма. Истоки национальной идеологии Речи Посполитой. М., 2002.
8. Меховский М. Трактакт о двух Сарматиях. М.;Л., 1936 г.
9. Maślanka J. Słowiańskie mity historyczne w literaturze polskiego oświecenia. Wrocław;Warszawa; Kraków, 1968.
10. Moroz-Grzelak L. Bracia słowianie. Wizje wspólnoty a rzeczywistość. Warszawa, 2011.
11. Witkowska A. «Ja, głupi słowianin...» Kraków, 1980.
12. Maślanka J. Zorian Dołęga-Chodakowski, jego miejsce w kulturze polskiej i wpływ na polskie piśmiennictwo romantyczne. Wrocław;Warszawa;Kraków, 1965.
13. Гердер И.Г. Идеи к философии истории. М., 1977.
14. Łazuga W. Polacy wobec idei wspólnoty słowiańskiej // Czas kultury. 1993. № 2 (44).
15. Dołęga-Chodakowski Z. O Słowiańszczyźnie przed chrześcijaństwem. Warszawa, 1967.
16. Wierzbicki A. Mit czy rzeczywistość? «Słowiańszczyzna» w myśli historycznej polskiego romantyzmu // Słowianie, słowiańszczyzna – pojęcia i rzeczywistość. Warszawa, 2002.
17. Domańska E. [Re]creative myths and constructed history. (The case of Poland) // Myth and Memory in the Construction of Community. Historical Patterns in Europe and Beyond, edited by Bo Stråth. Brussels, 2000.
18. Piotrowski B. Tradycje słowiańskie Poznania i Wielkopolski w XIX i XX wieku // Idee wspólnotowe słowiańszczyzny. Poznań, 2004.
19. Удальцов И.И. Из истории славянского съезда в Праге в 1848 году. // Ученые записки Института славяноведения. М.;Л. 1940. Т. 1.
20. Дьяков В.А. Славянофильские тенденции в польской общественной мысли накануне и во время Славянского съезда 1848 г. // Славянские съезды XIX–XX вв. М., 1994.
21. Polska refleksja nad Europą. Wybór tekstów. Poznań;Warszawa, 2007.
22. Kulecka A. Czy Rosjanie to Słowianie? W poszukiwaniu wspólnoty słowiańskiej w XIX wieku // Słowianie, słowiańszczyzna – pojęcia i rzeczywistość. Warszawa, 2002.
23. Giza A. Stosunki polsko-czeskie 1795–1920. Szczecin, 1993.
24. Kasprzyk D. Słowiańszczyzna, Kielczyzna, regionalizm (refleksje na marginesie «Snobizmu i postępu» Stefana Żeromskiego // Żyje, żyje duch słowiański. Rozważania nad ideą Słowiańszczyzny. Toruń, 2009.
25. Janion M. Niesamowita słowiańszczyzna. Kraków, 2006.
26. Bystron J.S. Megalomania narodowa. Warszawa, 1995.
27. Marczak T. Mit słowiański jako tworzywo koncepcji politycznych w latach 1944–1947 // Polskie mity polityczne XIX i XX wieku. Wrocław, 1994.
28. Żużny R. Myśl słowiańska Jana Pawła II. Lublin, 2008.
29. Stachowski Z. Miejsce narodów sławiańskich w nauczaniu Jana Pawła II. Między katolicką uniwersalnością a słowiańską regionalnością // Filozofia i religia w kulturze narodów słowiańskich. Rzeszów, 1995.

© 2016 г. А.А. РЫБАЛКА

РУТЕНЫ МЕРКАТОРА

Автор статьи рассматривает причины появления у некоторых русских историков одного из мотивов сопоставления острова Рюген с Русью на основе описания картографического изображения острова в географических атласах раннего Нового времени.

The author – based on cartographic representations in early modern atlases – strives to explain, why some Russian historians were comparing the island of Rügen with Rus’.

Ключевые слова: Рюген, Ругия, Русь, А.Г. Кузьмин, атлас, география, карта, рутены, «антинорманизм».

Keywords: Rügen, Rugia, Rus’, atlas, geography, map, Ruthens, «anti-Notmanism».

В последнее время в масс-медиа и периодических научных изданиях наблюдается реактуализация совокупности идей, относительно происхождения власти и властителей на Руси, определяемой носителями этих идей как «антинорманизм». Явление имеет богатую историографию и разнообразные нюансы, останавливаться на которых здесь излишне, суть же его, в самом общем, виде дипломатично можно определить как «протест против преувеличения роли скандинавов в ранней истории Руси». Отрицательная сторона, т.е. критика традиционных интерпретаторов Нестора, временами была не без пользы для изучения проблемы этатизации «восточных» славян, но другая сторона, положительная, предполагающая определение иных исполнителей роли летописных «варягов», обычно удавалась меньше. Тем не менее, явление доказало свою редкостную жизнеспособность и сохраняет известную популярность как в научных кругах, так и вне таковых.

Ныне в основе явления, именуемого «антинорманизмом», лежит, главным образом, довольно старая идея, замещающая скандинавов на Руси в некоторых либо всех их ипостасях *балтийскими славянами*, т.е. донемецким населением Южной Балтики, исторически довольно тесно с самими скандинавами увязанным, что и соблазняет на замену последних первыми. Идеологически явление опирается на совокупность взглядов известного русского историка Аполлона Григорьевича Кузьмина (1928–2004), посвятившего актуализации идей «антинорманизма» значительную часть своей научной карьеры и оставившего группу учеников, которые, в настоящее время, и занимаются активно пропагандой и разработкой взглядов своего учителя.

Поскольку основным краеугольным камнем дискуссии по «варяжскому вопросу» всегда была интерпретация летописного термина «русь», одной из задач, последовательно решаемых Кузьминым, была задача увязывания этого термина с географическими и этническими реалиями Южной Балтики. Некогда В.К. Треди-

аковский объявил, что «Руссы суть Ругиі Померанскіи [...] а всеобщимъ именемъ Славяне» [1. С. 496], и с той поры попытки истолковать сведения о руси в каких бы то ни было реалиях острова Рюген никогда не прекращались. Кузьмин много лет вел перечень «Сведения иностранных источников о руси и ругах», в который скрупулезно включал все возможные примеры, разной степени основательности и корректности. Еще на ранних стадиях изучения проблемы было замечено, что некоторые латинские экзоэтнонимы, применяемые к Руси (*Rugi*, *Rutheni*), были в XII в. использованы для обозначения жителей Рюгена, что внушало «антинорманистам» определенный оптимизм. Однако названные этнонимы не были самоописанием и использование их относительно Рюгена носило уникальный характер, что, естественно, наводило на мысль о поисках совпадающих *самоназваний* Руси и Рюгена. Кузьмин полагал, что ему удалось добиться успеха на этом пути.

Один из приводимых им примеров относится к бытованию картографических изображений Рюгена в многочисленных переизданиях атласа Герарда Меркатора, в котором остров впервые был изображен на отдельной карте и получил собственное описание, которое вскоре после того было переведено на русский язык. Распространение этого перевода в русской рукописной традиции привело к казусу, давшему основание некоторым русским исследователям к довольно рискованному сопоставлению далекого балтийского острова с Русью.

Сам А.Г. Кузьмин сообщает об этом так: «159. XVI век. Географ Меркатор называет жителей Рюгена рутенами. В русском переводе XVII века остров именуется Русией» [2. С. 682]. Вторую часть выдвинутого тезиса дезавуировал, впрочем, еще сам источник Кузьмина – известный московский археолог и краевед И.Е. Забелин (1820–1908), написавший в приложении I к первой части своей приснопамятной книги о «русской жизни с древнейших времен» [3. С. 589–590]: «Статья о Ругии обозначена 131 главою. В списке, принадлежащем нашей библиотеке, вместо Ругия, написано Русия, что конечно можно почитать за ошибку, так как в других известных нам списках такой замены не встречается. Поэтому и наши слова, сказанные на 174 странице, что “в географических сочинениях конца 16 века остров Рюген прямо именуется Русия”, должны принадлежать также к числу поспешных ошибочных указаний. Везде остров именуется Rugia и по-русски Ругия».

Забелин также указывает, что «в географическом описании остров называется княжеством Ругинским и Ругийским, а народ – Ренами и Рутенами» [3. С. 174]. Отсюда, очевидно, следует, что и в списке Забелина замена Ругия/Русия присутствовала только в заголовке, тогда как в самом тексте главы именование вполне соответствовало латинскому оригиналу и другим русским спискам. Поскольку весьма трудно предположить, что Забелин в то время не имел представления о том, что киноварные литеры и заголовки вписывались в рукописи после изготовления основного текста, часто другим лицом, которое могло текст рукописи и не читать, его «конечно можно почитать за ошибку» выглядит некоторой натяжкой. Почитать можно просто за опisku и не конечно, а очевидно.

Во втором издании труда Забелин счел за благо снять тезис о том, что «остров Рюген прямо именуется Русия», написав вместо этого «История Рюгенской области излагается в старинных Космографиях, из которых самую полную составляет Космография Герарда Меркатора, распространенная его преемниками. В приложении No I мы помещаем из этой Космографии в русском старинном переводе описание Рюгенской земли с ее Историею. Упомянутая Космография составлена по старым писателям, начиная с Плиния и Страбона и оканчивая Гельмольдом. Следовательно в ней необходимо сохранились отголоски среднего века вместе с тогдашними географическими именами» [4. С. 170]. Отмечу, что в самом приложении Забелин оставил свое «конечно можно почитать» и прочее, видимо, не решаясь полностью расстаться с иллюзиями. Недаром же, отвечая на критику

Чичерина, Иван Егорович написал, что труд его «не ученая книга, а вопль русского человека» [5. С. 14].

Описка в заголовке не была единственной, в самом тексте, в частности, вместо *Раны* было написано *Рены*, что обнаружил сам Забелин, сравнив свой список со списком Ундольского № 703 из РГБ [3. С. 591]. Какова судьба рукописи Космографии, принадлежавшей Забелину? Библиографический указатель свидетельствует, что «собрание И.Е. Забелина было передано в Исторический музей в 1909 г. согласно завещанию собирателя в полном своем составе, вместе с библиотечной печатных изданий. Рукописи собрания Забелина были распределены между двумя отделами музея: отделом рукописей и отделом письменных источников. В отдел рукописей (ОР) поступила часть собрания в количестве 702 номеров, содержащая исторические и литературные памятники Древней Руси, главным образом в списках XVII–XVIII вв. В отдел письменных источников (ОПИ) поступил исторический и литературный материал, относящийся к XVIII–XIX вв., а также материалы архивного порядка – документы, акты и т.п.» [6. С. 23] (в ОПИ, видимо, поступила и карта Померанского герцогства, рассматриваемая Забелиным во втором приложении к своей книге, автор которой, как будет показано ниже, имел некоторое отношение и к содержанию первого приложения к книге). Подробное описание рукописей древней традиции было выполнено с 1909 по 1917 год, главным образом, М.Н. Сперанским и хранится в ОР ГИМ в виде машинописной копии в без малого тысячу листов. В 1926 г. Сперанский опубликовал краткий обзор собрания Забелина в работе «Собрание рукописей И.Е. Забелина. Старая традиция». На листе 47 (sic!) работы, перечень рукописей XVII в. сразу же начинается записью: «425. Космография Меркатора и др. статьи того же характера» [7. С. 47]. Таким образом, рукопись хранится в Отделе рукописей ГИМ под следующим шифром – ОР ГИМ, Собрание Забелина, № 425.

Более интересна первая часть тезиса Кузьмина: откуда в Космографии взялись рутены, коим именем (введшим в соблазн не одного Забелина) жители Рюгена обозначены единственно в «Житиях Оттона Бамбергского» пера Эббо и (списавшего у него) Герборда? Про XVI век Забелин справедливо заметил, говоря о Космографии Меркатора, что «хотя в ней и значитя, что она написана в град Иданбургге (Дунсбургге), где жил и скончался Меркатор, однако это очень объемистое сочинение принадлежит по-видимому его продолжателю, который значительно распространил и пополнил труд Меркатора» [3. С. 589]. Действительно, вторая часть труда Меркатора, содержащая карты и описания Германии, вышедшая при его жизни, в 1585 г. (в 1595 г. вышла третья часть атласа, по этому году атлас Меркатора обычно и датируется), не содержала никакой информации о Ругии, да и про Мекленбург с Померанией упоминала парой слов при описании Бранденбурга [8]. После смерти отца, его сын Румольд (ум. в 1600 г.) подготовил переиздание всех частей Атласа в одной книге, которое и издал в 1602 г. Бернард Бизий.

Это новое издание имело некоторый успех и в 1604 г. печатные формы карт Атласа приобрел гравер и картограф Йодокус Хондиус (ум. в 1612 г.), который сумел сделать из издания Атласа успешное коммерческое предприятие, продолжаемое его родственниками в течение нескольких десятилетий. Хондиус добавил к Атласу еще полсотни карт и заказал Петру Монтану новый текст описания, после чего Атлас был издан в 1606 г. под именем Меркатора («Атлас или Космографические размышления об устройстве мира и расположении его частей»). Этот Атлас содержал 146 карт из которых 28 относились к Германии [9]. Издание также имело успех, и в 1607 г. Хондиус выпустил вторую редакцию Атласа с тем же набором карт [10]. В том же году Хондиус подготовил карманное издание, для которого все печатные формы были выгравированы заново в очень маленьком масштабе и выпустил его под названием «Малый Атлас Меркатора и Хондия». Этот Атлас содержал 151 карту. Текст о Бранденбурге сопровождался краткой справкой о Померании, написанной Монтаном, но о Ругии не было ни слова [11. С. 250].

Когда же карта и описание Ругии появились в Атласах Меркатора? Атлас был переиздан в 1608 г. без изменений, а в 1609 г. вышел во французском переводе, но также, кажется, без изменений, даже с сохранением разбиения на страницы [12. С. 173–174]. Малый атлас был переиздан в 1609 г. на латинском, французском и немецком языках с исключением четырех карт и добавлением одной новой (всего 150 карт), но Ругии среди них не было [12. С. 172–173].

Наконец, в 1610 г. Малый Атлас был издан вновь с добавлением трех карт и среди них была Ругия, сопровождаемая весьма подробным описанием. Однако в этом описании не было никаких рутенов, а про жителей острова было сказано: «Жители острова Ругии, которые именуются по острову, и в Ливонии сохранился город Рига на реке Рубоне, которую сейчас жители называют Дюной» [13. С. 450]¹. Вдобавок к неожиданной Риге, далее указывалось на участие рогов в итальянском походе Одоакра². В дальнейших изданиях Малого Атласа использовался именно этот текст, пока в 1628 г. Ян Янсзон, новый издатель и бывший зять Хондиуса, не исключил Ругию вместе с девятью другими картами из этого атласа. Не уверен, что автором этого описания был Петр Монтан, автор основного текста, хотя выяснить этот вопрос не удалось.

Эта карта Ругии разработана в 1608 г. (впервые опубликована в 1609 г.³) Эйлардом Любином (1565–1621), профессором математики в Университете Росток, картографом, поэтом и богословом, автором столь любимой Забелиным карты Померании. Впоследствии выпускалась в нескольких изданиях, также стала основой для многочисленных модификаций.

В 1611 г. Ругия попала и в четвертую редакцию Атласа, переиздававшуюся без изменений в 1613, 1616 и 1619 годах (150 карт, 29 карт Германии). Текст описания острова, однако, был несколько отредактирован. Издатель усомнился (справедливо) в актуальности рогов, Риги и Одоакра и предложил иную характеристику жителей острова: «На острове том жили люди, Раны или Рутены именуемые, были свирепы, имели короля и власть над соседями, за идолов своих стояли так, что едва познали после всех на Свейском море живущих Христианскую веру» [18. S. 270]⁴. Именно эта характеристика попала в дальнейшем во все переиздания большого Атласа и оказалась, в конце концов, в переводе Бориса Лыкова 1637 г. В целом, структура и содержание этого текста соответствуют тексту 1610 г. с некоторыми изменениями и дополнениями.

Так откуда взялись интересующие нас Rutheni? На помощь приходит Ян Янсзон, который не только дополнил свои переиздания Атласов тестя новыми материалами, но и предложил новые редакции описаний. Во французском издании 1633 г., вышедшем в двух томах под названием «Атлас или универсальное изображение мира» [19], дано описание Ругии как в варианте Малого Атласа [19. S. 500], так и в варианте большого Атласа [19. S. 501], причем последнее дополнено указанием

¹ «Incolae huius Insulae Rugii quorum nomen ipsa Insula, et in Livonia Rigensis Urbs ad Rubonem fluvium, quem Dunam hodie Incolae vocant, conservarunt».

² Текст про ругиев, Ригу и Одоакра заимствован дословно из Хроники Иоганна Кариона в обработке Филиппа Меланхтона [14. С. 304]. Про Одоакра упоминает также Ортелиус и не упоминает Мюнстер.

³ Судя по информации одного из антикварных аукционов со ссылкой на книгу К. Кумана [15. С. 311–315], карта Любина впервые была опубликована все-таки в первом французском издании Атласа Меркатора – Хондиуса [16]. См. также фундаментальную работу [17. С. 98–103], в которой издание 1609 г. описывается и рассматривается как «третья редакция» Атласа. Вместе с тем, из описания экземпляра французского издания Атласа 1609 г. из Библиотеки Конгресса США [12. С. 173–174] следует, что в нем карты Ругии не было. Французский текст описания Ругии почти наверняка не мог быть написан известным историком Анри Лансело де Вуазеном ла Попелиньером, автором французского перевода Космографии, который умер в августе 1608 г. и делал свой перевод по изданию 1607 г.

⁴ Huius Incolae quondam Rani sive Rutheni dicti olim ferocissimi fuerunt, vix vicinorum regem aut principum potentia domandi aut frangendi, et adeo suae Idololatritiae tenaces, ut inter omnes maris Suevici accolae ultimi et novissimi fuerint, qui fidem Christi susceperint.

на авторов⁵, труды которых были использованы при составлении описания [19. S. 504]. Помимо ожидаемых Гельмольда, Кранца и Саксона, в качестве основного источника указана «История Померанской Церкви» (1604) штеттинского священника и виттенбергского профессора Даниэля Крамера (1568–1637). В тексте его труда и обретается источник рутенов Атласа: «Ругианы иначе Раны или Рутены в настоящее время носящие имя Ругианы или Ругленды – имя обитателей острова, составляющего землю Рюген» [20. S. 89]⁶. Крамер подробно описал обе миссии Оттона Бамбергского, используя жития из сборника михельсбергского аббата Андрея Ланга и, конечно, не мог не обратить внимание на необычное наименование жителей Ругии в этих житиях. Текст Крамера, впрочем, использован и в других частях описания, пожалуй что и сведения Гельмольда и прочих авторов заимствованы из его же книги⁷.

Таким образом, картографические рутены происходят все из того же оттонова жития михельсбергского монаха Эббо. Чего и следовало ожидать ... Впрочем, в янссоновском издании «Новый Атлас или Карта мира» [22. I, 82]⁸, вместо рутенов вновь воспрями из праха античные руги, подкрепленные ссылками на античных авторов: «Incolae, **Rugii** olim dicti, pugnacissimi fuere, posterioribus temporibus magnum nomen sortiti sunt»⁹ («Жители, ранее называвшиеся Ругии, были воинственны, в более поздние времена, они были весьма знамениты»).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Тредиаковский В.К.* Три рассуждения о трех главнейших древностях российских, а именно: ... III. О варягах руссах славенского звания, рода и языка // Сочинения Тредьяковского. СПб., 1849. Т. 3.
2. *Кузьмин А.Г.* «Сведения иностранных источников о руси и ругах», Откуда есть пошла Русская земля: Происхождение народа. Русь Изначальная. М., 1986. Т. 2.
3. *Забелин И.Е.* История русской жизни с древнейших времен. М., 1876. Часть первая.
4. *Забелин И.Е.* История русской жизни с древнейших времен. Часть первая. Доисторическое время Руси. М., 1908.
5. *Забелин И.Е.* Дневники. Записные книжки. М., 2001.
6. Историк Москвы и русского быта – Иван Егорович Забелин: Библиографический указатель. М., 2013.
7. *Сперанский М.Н.* Собрание рукописей И.Е. Забелина. Старая традиция // Приложение к Отчету Государственного Исторического музея за 1916–1925 гг. М., 1926.
8. Atlas sive cosmographicae meditationes de fabrica mundi et fabricati figura. (Geographia nova totius mundi.) Gerardus Mercator. Albertus Busius, 1595.

⁵ Указания на авторов содержатся уже во французской редакции 1613 г., следовательно, французский и латинский печатный текст различались изначально, прежде всего, объемом: французский текст занимает полторы страницы, а латинский – две. Это обусловлено тем, что во французском варианте практически полностью исключено описание верований жителей Ругии и этапов христианизации острова по Крамеру (в Приложении I Забелина третий и четвертый абзацы [3. С. 591–592]), вместо которого вставлено значительно меньшее по объему описание из французского издания Космографии Себастьяна Мюнстера (1552, 1556 или 1575 гг.) [21. С. 868]. Зато в конце латинского текста сокращены пять предложений (перед фразой «духовных вотчин много» у Забелина [3. С. 595]), среди которых и перечисление авторов-источников описания. Последнее из сокращенных предложений (про сословия Ругии) явно относилось к последующему тексту, поэтому, на мой взгляд, очевидно именно сокращение латинского текста, а не особенность французского. В латинском варианте сокращение, скорее всего, сделано уже на этапе набора текста, поскольку весь текст не умещался на вторую страницу описания, переходить границу которой, видимо, сочли невозможным.

⁶ «Rvgiani welche auch **Rani und Rutheni** jetzo noch Rugianer oder Ruglender genennet werden / tragen den Namen von der fürne(h)men Jnsul oder befflossenem Lande zu Rügen».

⁷ Ссылка на Гельмольда–Кранца–Саксона заимствована, скорее всего, из атласа Ортелиуса, следовательно, Крамер, действительно, был основным источником. Интересно, что текст описания острова в Малом Атласе представляет собой последовательное сокращение латинского текста большого Атласа (только три небольших фрагмента еще и переставлены местами), за исключением крамеровых ран-рутенов, которые заменены на текст из «Хроники» Кариона.

⁸ «Atlas Novus, sive Theatrum Orbis Terrarum», 1646.

⁹ Очевидный источник «Немецкии комментарии» Петра Бертиуса [23. S. 179].

9. Atlas sive cosmographicae meditationes de fabrica mundi et fabricati figura / Gerardi Mercatoris. Antuerpia : Officina Plantiniana, 1606.
10. Gerardi Mercatoris [seud. Atlas sive cosmographicae meditationes de fabrica mundi et fabricati figura... : Quibus... additae descriptiones novae, studio et opera Pet. Montani] Editio secunda... Amsterodami, 1607.
11. Atlas minor Gerardi Mercatoris a J. Hondio plurimis aeneis tabulis auctus atque illustratus. Amsterodami, [1607].
12. A list of geographical atlases in the Library of Congress with bibliographical notes. Compiled under the direction of Philip Lee Phillips, F.R.G.S. Chief. division of maps and charts. Washington, 1909. Volume I Atlases.
13. Atlas minor Gerardi Mercatoris a I. Hondio plurimis aeneis tabulis auctus atque illustratus; excusum in aedibus Iudoci Hondii, veneunt etiam apud Cornelium Nicolai, item apud Ioannem Ianssonium[m] Arnheimi, 1610.
14. Chronicon Carionis expositum et auctum multis... historiis... ab exordio Mundi vsque ad Carolum Quintum Imperatorem. A Philippo Melancthone et Casparo Peucero, Adiecta est narratio historica de electione et coronatione Caroli V. Imperatoris [per Melancthonem. Exhortatio Maximiliani Caesaris ab bellum Turcis inferendum, scripta a Philippo Melancthone. Ep. ded. Peuceri Augusto duci Saxoniae. Taciti de situ et moribus et populis Germaniae] excudebat Iohannes Crato, 1572.
15. Koeman's atlantes Neerlandici; Vol. 2. The Folio Atlases Published by Willem Jansz. Blaeu and Joan Blaeu. Koeman, Cornelis / comp. by Peter van der Krogt. – New ed. – 't Goy-Houten, 2000.
16. *Gerardi Mercatoris*. L'Atlas ou Meditations cosmographiques de la fabrique du monde et figure d'iceluy, commencé en latin par le tresdocte Gerard Mercator, parachevé par Jodocus Hondius, traduit en français par le sieur de la P. [Popelinière]. Editio secunda qua et ampliores descriptiones et novae tabulae geographicae accesserunt. Amsterodami, 1609.
17. Koeman's atlantes Neerlandici. Vol. 1; The folio atlases published by Gerard Mercator, Jodocus Hondius, Henricus Hondius, Johannes Ianssonius and their successors. - Koeman, Cornelis / comp. by Peter van der Krogt. – New ed. – 't Goy-Houten, 1997.
18. Gerardi Mercatoris Atlas sive Cosmographicae Meditationes de Fabrica Mundi et fabricati figura: Editio quarta; Amsterdam, 1613.
19. Gerardi Mercatoris Atlas ou representation du Monde Vniversel et des parties d'ice lui: faicte en tables et descriptions tres amples; Editio vltima, Amsterodami Sumptibus typis aeneis Henrici Hondij 1633.
20. *Daniel Cramer*. Historia Ecclesiastica Pomeraniae: Oder Historische vnnnd gründliche Beschreibung der Pommerischen Kirchen Historien: welchergestalt im Jar Christi 1124. das Pommerische Fürstenthumb vnd alle zugehörige Herrschafften von Heydnischer Blindheit gereiniget vnd zum Christlichen Glauben bekehret worden; Spieß, 1604
21. *Sebastian Münster*. La cosmographie universelle: contenant la situation de toutes les parties du monde, avec leurs proprietés & appartenances; Henry Pierre, 1552.
22. Atlas Novus, sive Theatrum Orbis Terrarum; Amstelodami Apud Ioannem Ianssonium 1646.
23. *Bertius Petrus*. Commentariorum Rerum Germanicarum Libri Tres: Primus est Germaniae veteris. Secundus, Germaniae posterioris, a Karolo Magno ad nostra usque tempora, cum Principum Genealogijs. Tertius est praecipuarum Germaniae urbium cum earum Iconismis et Descriptionibus. Amstelodami, 1616.

© 2016 г. Д.Г. ПОЛОНСКИЙ

ПОЧИТАНИЕ РИМСКОГО ПАПЫ ЛЬВА I ВЕЛИКОГО В ЮЖНО- И ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОЙ ТРАДИЦИЯХ XII–XVII ВЕКОВ

Статья посвящена истории почитания римского папы Льва I Великого у православных славян, отраженной в болгарских, сербских и русских памятниках письменности различных жанров. Предложено объяснение причин, из-за которых посвященная понтифику церковная служба могла стать стимулом для появления в XII в. в Киевской Руси славянского перевода его главного богословского сочинения, широко распространявшегося в рукописной традиции на протяжении XV–XVII вв.

The article deals with the history of veneration of Pope Leo the Great by the Orthodox Slavs as reflected in different genres of Bulgarian, Serbian, and Russian literary monuments. The author proposes an explanation why the church service devoted the pontiff could be an incentive for the creation the Slavonic translation of Leo's main theological work to be created in the twelfth century in Kievan Rus', and then was widely disseminated in the East Slavonic manuscript tradition throughout the fifteenth – seventeenth centuries.

Ключевые слова: Лев I Великий, Киевская Русь, болгарские и сербские памятники письменности, церковная служба, рукописная традиция.

Keywords: Leo the Great, Kievan Rus', Bulgarian and Serbian literary monuments, church service, manuscript tradition.

Деятельность папы Льва I Великого (440–461) в качестве первоиерарха Римской церкви, как и его сочинения, давно привлекают внимание историков и теологов. По-видимому, самый яркий эпизод биографии папы Льва Великого – его дипломатическая победа над предводителем гуннов Аттилой, впервые описанная папским секретарем Проспером Аквитанским, а позднее запечатленная многими живописцами эпохи Возрождения, в том числе Рафаэлем Санти [1. Р. 262, 323]. Вторгшиеся в Италию гунны намеревались захватить и разграбить Рим, и когда на исходе лета 452 г. Аттила со своим войском подошел к Мантуе, навстречу ему выехало посольство во главе с Львом I. Понтифик вручил вождю гуннов богатые подарки и уговорил его уйти из Италии. В позднейших легендах, отраженных на фресках и полотнах, при встрече с папой Львом I Аттила увидел спускавшихся с небес и грозивших ему оружием апостолов Петра и Павла и, испугавшись, повернул коня.

Богословские труды папы Льва, опубликованные в XVIII в. в трехтомном издании П. и И. Баллерини на латинском языке (часть текстов – с параллельным греческим переводом), были переизданы в XIX в. в «Полном курсе патрологии»

Полонский Дмитрий Георгиевич – старший научный сотрудник Архива РАН.

Автор глубоко признателен А.А. Гиппиусу, А.А. Турилову и Ф.Б. Успенскому за обсуждение соображений, ставших основой настоящей работы.

Ж.-П. Миня [2]. Неизменный интерес исследователей к биографии и трудам понтифика, которым посвящены десятки книг и сотни статей (библиография приведена в [3]), обусловлен особым местом, которое сочинения папы Льва I занимают в истории христианской мысли.

Лев I Великий, как никто другой из раннехристианских первоиерархов Рима, известен проповеднической деятельностью: помимо обширного епископального наследия, насчитывающего 153 письма, до нас дошло 96 текстов его поучений, разъясняющих роль и смысл христианских праздников и обрядов [4. Р. 477], еще 28 проповедей атрибутируются папе Льву I предположительно [5. С. 65–70].

К числу важнейших вероучительных текстов христианского догматического богословия относится послание папы Льва I константинопольскому архиепископу Флавиану (*Leonis Magni Tomus ad Flavianum*) о двух природах Иисуса Христа, божественной и человеческой, и их соединении в одном лице, написанное 13 июня 449 г. Это послание, или Томос, как его принято называть для отличия от других писем Льва I, оказало основополагающее влияние на решения состоявшегося двумя годами позднее IV Вселенского собора в Халкидоне, где оно было признано «общим столпом» христианской веры [6. С. 18].

В Византии имя папы Льва I и его Томос официально почитались с начала VI в., когда в 518 г. император Юстин I провозгласил исповедание принятой на IV Вселенском соборе христологии, утвердив 16 июля днем ежегодного богослужебного празднования Халкидонского собора и внося имя римского понтифика в диптихи [7. Р. 141–144; 8. С. 285–289]. В конце VI – начале VII в. рассказы о сочиненном папой Львом Томосе и деяниях понтифика вошли в «Луг духовный» [9. Col. 3011–3014] – популярное сочинение Иоанна Мосха (540/550–619/634); (см. [10. Р. 360]), использовавшееся впоследствии при составлении патериков различных редакций.

Однако история почитания папы Льва I на территории Болгарии, Сербии и Руси, а также особенности распространения богословского наследия понтифика в книжности южных и восточных славян до сих пор остаются неизученными. Как выясняется, свидетельства такого почитания представлены различными жанровыми группами славянских памятников, в которых с разной полнотой и достоверностью рассказывается о папе, его деяниях и сочинениях. Основная их часть восходит к трудам византийских книжников.

В Византии память папы Льва I отмечалась 18 февраля [11. № 982. Р. 54], как считается, потому, что в этот день в Константинополе римскому понтифику был посвящен храм [12. С. 76]. Вслед за Греческой церковью традицию поминовения в этот день первоиерарха Рима восприняли и митрополии в славянских землях: под 18 февраля память папы Льва отмечена в десятках южно- и восточнославянских месяцесловов XI–XIV вв. [13. С. 272; 14. С. 533]. В древнейших восточнославянских служебных Минеях на февраль [15. S. 536–580] помещена служба на тот же день, где понтифик воспевается и превозносится как «глава правоверия церкви христовой», «уставитель истине», «Моисей второй» и «утро от Запада» в связи с сформулированной им христологической доктриной, занесенной в «свиток веры правыя» – так гимнографом назван Томос папы Льва I. Также в соответствии с формулировкой участников собора Томос назван в тексте службы и «столпом правоверия» [15. S. 549]¹.

В южнославянских землях память папы Льва I в соответствии с византийской традицией также отмечалась 18 февраля, что зафиксировано в ряде рукописей служебных Миней XIII–XVII вв.² Таким образом, традиция прославления папы

¹ Заметим, что для православной гимнографии это не уникальная метафора: например, точно так же иногда называлось учение св. Афанасия Александрийского [14. С. 462].

² Таковы, например, болгарские и сербские рукописи из собраний Одесской национальной библиотеки [16. 1/5. Л. 260б.–280б.] и Национальной библиотеки им. свв. Кирилла и Мефодия в Софии [17. 141. Л. 75–78об., 895. Л. 86об.–88, 902. Л. 58–69об., 904. Л. 70–73, 913. Л. 96–100об.].

в гимнографии православных славян насчитывала несколько столетий. Древнейшая славянская рукопись, сохранившая упоминание о понтифике, происходит из Болгарии – это Енинский Апостол (XI в.), где месящесловная память «Лъвоу папежоу римьскоу» помещена на неделю сыропустную [17. 1144. Л. 4об.; 18. С. 23]. Поэтому можно полагать, что по крайней мере за десятилетия до образования Второго Болгарского царства римский папа Лев I Великий поминался как святой в храмах южнославянских провинций.

День почитания понтифика в славянских памятниках агиографии соответствует гимнографической традиции³, однако в южно- и восточнославянских минейных сборниках вплоть до конца XVII в. отсутствовало сколько-нибудь пространное и целостное житие папы Льва I⁴.

В древнейшем славянском нестишном Прологе конца XII – начала XIII в. [21. № 1324. Л. 152в–152г.] под 18 февраля помещено лаконичное житие Льва Великого, которое, хотя и укладывается в характерную для проложных статей трехчастную агиографическую композицию [22. С. 51], близко по содержанию к похвальному слову, поскольку в основном сводится к прославлению папы как «дивного отца» за «многую юго добродѣтель и цѣломудрик и чьсть» в связи с ролью римского первоиерарха в ниспровержении вероучения монофиситов на IV Вселенском соборе [23. С. LXVIII, 774]. Замечателен пример текста одного из сербских кодексов Минеи (декабрь – февраль, XIII/XIV в.), где служба понтифику продолжена похвалой из нестишного пролога, образовав цельную композицию своеобразного компилятивного памятника гимнографии [17. 895. Л. 86об.–88].

Весьма близка по содержанию к краткому житию понтифика, помещенному в нестишном Прологе, и несколько более пространная памятная похвала папе Льву I, входящая в состав сербского перевода Стишного пролога, и предваренная принадлежащими, видимо, авторству Христофора Митиленского (ок. 1000–1050) стихами о том, как «божественный Леонт», «изрыгнув ярость», поверг в ужас «бесовские полки» инаковерующих [24. С. 348]. Эта похвала, с некоторыми лексическими разночтениями, присутствует уже в старших сербских кодексах, содержащих тома Стишного пролога на зимние месяцы, и датируемых второй половиной XIV в. (например, в рукописях собраний Белградской университетской библиотеки им. С. Марковича № Рс17 (1360/1370 г., л. 86–86об.), монастыря Высокие Дечаны № 55 (1370/1380 г., л. 75, конец утрачен)⁵, Печской патриаршей библиотеки № 57 (1390/1400 г., л. 86об.–87)). Та же памятная похвала (которую также можно интерпретировать как проложное житие) входит в состав болгарского перевода Стишного пролога, выполненного в XIV в. в Тырновском книжном центре [26. С. 43–44]. Этот перевод, как отметил А.А. Турилов, был наиболее распространен у южных славян, и не позднее последней четверти XIV в. стал известен на Руси [27. С. 640].

Соответственно, в русских кодексах XV–XVI вв., содержащих чтения Стишного пролога, похвальное слово папе Льву также присутствует, о чем свидетельствуют, например, рукописи Троице-Сергиевого монастыря [28. № 720. Л. 339–339об. (ок. 1429 г.); 28. № 721. Л. 381об.–382об. (1528)], которые, по оценке А. А. Турилова, отражают наиболее «радикальный вариант» соединения стишной и нестишной редакций Пролога с заново составленным набором учительных статей [27. С. 640], однако текст, относящийся к деятельности папы Льва, существенным изменениям не был подвергнут. Изданные на московском Печатном дворе во вто-

³ Изредка, впрочем, память о папе Льве сопровождалась путаницей в месящесловах. Так, в одной среднеболгарской рукописи Апостола (нач. XIV в.) под 18 февраля явно ошибочно отмечена память сщмч. (!) «Леонта, юп(и)с(ко)па Ц(а)рѣгр(а)да» [17. 802. Л. 120об.].

⁴ Такое житие отсутствует в обстоятельных каталогах О.В. Творогова [19] и Кл. Ивановой [20].

⁵ В постатейном описании кодекса память папы Льва под 18 февраля ошибочно не указана, но отмечена отсутствующая в этой рукописи память обретения мощей сщмч. Мины Калликелада [25. С. 192].

рой половине XVII в. Прологи закрепляли эту традицию, поскольку в них также помещалось краткое житие папы Льва, предваренное стихами [29. Л. 454–454об.; 30. Л. 622об.–623].

Сказания, входящие в состав патериковых чтений, как и памятники гимнографии, относятся к наиболее ранним сочинениям, сохранившим свидетельства почитания понтифика у южных и восточных славян. Имя папы Льва I в них впервые появляется благодаря древнейшим переводам «Луга духовного», послужившим основой для Синайского и Сводного патериков [31. С. 240–241; 32. С. 221]⁶. В одном из рассказов Синайского Патерика (Слово 200 по полному славянскому списку XI–XII вв. [33. 551. Л. 102об.–103]) содержится предание о том, как папа Лев I положил «епистолию» архиеп. Флавиану (так в памятнике назван Томос) на гроб св. Петра, усердно молился 40 дней, после чего получил обратно свой текст, исправленный рукой самого апостола. Как справедливо заметила С. Николова [32. С. 38], в Сводном патерике эта легенда фигурирует в иной редакции: здесь папа кладет Томос на гробницу двух апостолов, Петра и Павла; и творит молитву не 40, а три дня, причем в рассказе присутствует дополнительная деталь: когда понтифик получил текст, исправленный св. Петром, на рукописи еще не обсохли чернила. Обе редакции бытовали в славянской рукописной книжности независимо, но именно в версии Сводного патерика легенда о чудесном исправлении «епистолии» в середине XVI в. вошла в состав Великих Миней Четых [34. Стб. 2645–2646]. Напротив, в редакции Синайского патерика та же легенда получила в первой половине XVII в. вторую жизнь в изданной на его основе С. Соболев в Киеве книге «Лимонарь, сиречь Цветник» [35. Л. 114об.–115].

Вместе с тем, только в конце XVII в. в восточнославянской книжности было составлено житие папы Льва I. Оно появилось благодаря труду митр. Димитрия Ростовского. Его житийное повествование включает три основных сюжета. Это отмеченный в начале настоящей статьи рассказ о том, как «Князь Оунновъ, иже нарицашеся бичь Б(о)жий» Аттила на переговорах с папой Львом устрасился и был претворен «от волка в овцу», а также два рассказа в «синайской» редакции «Лимонаря»: о чудесном исправлении «епистолии» ап. Петром и о том, как апостол отпустил папе грехи [36. Л. 707–709]. Замечу, что первый из рассказов в той же редакции позднее был приведен митр. Димитрием и в проповеди на день ап. Петра [37. С. 192–193]. Тот факт, что именно «Лимонарь» послужил для агиографа источником для составления жития, указан им самим в примечании на полях издания. Согласно описи, в библиотеке митр. Димитрия имелись «Лимонарь и Патерик Скитский» [38. С. 57]. Сложнее определить, откуда агиограф заимствовал для жития легенду об Аттиле, но известно, что он пользовался изданием болландистов «Acta Sanctorum» [39. С. 52]. О том, что первое славянское житие папы Льва I было составлено митр. Димитрием на основе латинского оригинала, говорит и форма имени понтифика, сохраненная агиографом – «Лео»⁷. Однако митр. Димитрий наверняка не был знаком ни с легендарной версией жизнеописания Аттилы примаса Венгрии Николая Олая, изданной на латинском языке в Базеле в 1568 г., ни с ее польским переводом, выполненным Киприаном Базиликом и изданным в Кракове в 1574 г., ни с сохранившейся в рукописи последней четверти XVI в. белорусской «Историей о Атыли короли угорьском», для которой, в свою очередь, источником послужил перевод Базилика [40. S. 376–381; 41. S. 484–485]. В случае такого знакомства агиограф вряд ли избежал бы использования в житии каких-либо подробностей легенды, где «король» Аттила, хотя и пугается видения грозящего ему мечом апостола, но все же предстает не «овцой», как в тексте жития, а исполнителем божественной воли, приказавшим «погуби-

⁶ В составе этой работы рассказы Сводного патерика о папе Льве изданы по болгарской рукописи из собрания Зографского монастыря на Афоне (№ 83, серед. XIV в.).

⁷ В следующем издании «Книги житий святых», вышедшем в Киеве в 1764 г., латинская форма имени папы исправлена на «Лев».

ти» злокозненных ариан, и вследствие дипломатических увещеваний папы Льва взявшим римлян, согласно изданному А.Н. Веселовским белорусскому переводу, в обмен на ежегодную дань «в ласку, в оборону, в товаришество и в прыязнь» [42. С. 229].

Славянский перевод Томоса, или «епистолия» папы Льва I Великого, где сформулирована его христологическая доктрина, выполненный в XII в. с греческого языка монахом Феодосием, во многих отношениях занимает уникальное место среди памятников восточнославянской домонгольской письменности. Во-первых, это единственное сочинение папы Льва I из множества богословских произведений понтифика, появившееся на Руси в переводе на славянский язык. Во-вторых, это единственное написанное в Киевской Руси сочинение, относительно которого принято считать, что оно было переведено с греческого языка выходящем из Византии [43. С. 294–295]. Наконец, это единственный труд, который, по общему мнению исследователей, атрибутируется переводчику, получившему в историографии именование Феодосия Грека. Как установил еще в 1843 г. О.М. Бодянский, заказчиком или вдохновителем перевода выступил князь Святослав (Святоша) Давыдович (ок. 1080 – ум. после 1142/1143 г.), постригшийся в 1106/1107 г. в киевском Печерском монастыре, и за благочестивые подвиги, описанные в Киево-Печерском патерике, впоследствии канонизированный под именем Николы Святоши [44. С. XVIII–XXI].

В настоящее время мне удалось выявить и систематизировать сведения о 43 рукописях славянского перевода послания папы Льва, осуществленного и прокомментированного иноком Феодосием, из которых 40 сохранили почти полный текст перевода [45. С. 135–140, 157]. Характер бытования перевода до первой четверти XV в. остается неизвестным, однако начиная с этого времени и на протяжении двух последующих столетий памятник неоднократно переписывался в монастырских скрипториях Москвы, Новгорода, а также на русском Севере, причем списки «епистолии» нередко включались в состав сборников уставных чтений. В частности, такие сборники находились в библиотеках Антониева-Сийского, Воскресенского Новоиерусалимского, Иосифо-Волоколамского, Соловецкого и Троице-Сергиева монастырей.

Во многих рукописных сборниках заключительные слова послесловия переводчика сопровождаются однообразной пометой «сие рцы высокогласно», показывающей, что славянский перевод Томоса вместе с комментариями Феодосия использовался для чтения вслух. Можно думать, что тем самым текст фактически менял свою первоначальную функцию: из сочинения догматического характера, каким Томос был в оригинале, в славянском переводе благодаря бытованию в сборниках гомилетики и практике устного чтения прокомментированная переводчиком «епистолия» папы Льва становилась памятником учительной литературы.

До настоящего времени ничего не известно ни о проникновении в южнославянские земли составленного на Руси перевода Томоса папы Льва, ни о появлении самостоятельного перевода в Сербии или Болгарии. Впрочем, существовал очень краткий пересказ содержания Томоса, входивший в составе ороса IV Вселенского собора в Синодик на Неделю православия, который полагалось читать в первое воскресенье Великого Поста, – он известен как в сербских, так и в болгарских рукописях (к числу последних относится палаузовский список знаменитого Борилова синодика) [46. С. 310–311; 47. С. 227–228].

Таким образом, в восточнославянских землях в XV–XVII вв., в отличие от южнославянских, важнейшее богословское сочинение папы Льва I активно переписывалось и читалось. Однако в этой популярности можно усмотреть и определенный парадокс, ведь ей сопутствовало фактическое отсутствие пространного жития римского понтифика, которое появилось только в конце XVII в. Подобную ситуацию нельзя признать типичной: широкое распространение переводных

сочинений многих других духовных писателей, почитаемых как отцы церкви, таких как Афанасий Александрийский, Василий Великий, Григорий Богослов, Григорий Нисский, Ефрем Сирийский, сопровождалось также и распространением в славянской традиции их житий [19. С. 27, 32, 41, 42, 58]. Это также касается и второго после Льва I римского понтифика, которому официально был присвоен титул «Великий» – Григория Двоеслова [19. С. 41].

Можно полагать, что широкое распространение в рукописях единственного сочинения Льва I Великого, которое получило известность в восточнославянских землях, обусловлено уникальными обстоятельствами появления перевода: вдохновитель труда Феодосия Грека, князь Святоша, дата пострига которого приходилась на 17 февраля, вероятно, выступил заказчиком перевода Томоса потому, что был впечатлен службой папе Льву, на которой на следующий день после пострига впервые присутствовал в качестве инока [48].

Итак, есть основания думать, что непосредственный интерес киевских книжников к богословскому наследию папы Льва I, реализованный в середине XII в. в славянском переводе его Томоса, был продиктован особым восприятием фигуры понтифика. Если в Византии почитание папы Льва I породило посвященный понтифику памятник гимнографии, то в восточнославянских землях, видимо, все произошло наоборот: прославлявшая римского первоиерарха православная служба послужила важным стимулом для перевода и последующего распространения его главного богословского сочинения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Kelly C. The End of Empire: Attila the Hun and the Fall of Rome. New York, 2010.
2. Sancti Leonis Magni. Romani pontificis Opera Omnia... curantibus Petro et Hieronymo fratribus Balleriniis. Venetiis, 1753. Т. I; 1756. Т. II; 1757. Т. III; Sancti Leonis magni Romani pontificis Opera Omnia... // Patrologiae cursus completus. Series latina. Parisiis, 1846. Т. 54; 1846. Т. 55. 1865. Т. 56.
3. Jalland T. Life and Times of St. Leo the Great. New York, 1941; Arens H. Die christologische Sprache Leos des Grossen: Analyse des Tomus an den Patriarchen Flavian. Freiburg, 1982; Wessel S. Leo the Great and the Spiritual Rebuilding of a Universal Rome. Leiden, 2008; Neil B. Leo the Great. New York, 2009.
4. Murphy F.X. Leo I, Pope, St. // The New Catholic Encyclopedia. Second Edition. Detroit; Munich, 2003. Vol. 8.
5. Певницкий В. Святой Лев Великий и его проповеди. Киев, 1871.
6. Евагрий Схоластик. Церковная история. Изд. 2-е, исправ. СПб., 2010. Кн. I–VI
7. Vasilev A. A. Justin the First. Cambridge (MA), 1950.
8. Мейендорф И., прот. Единство империи и разделения христиан: Церковь в 450–680 гг. М., 2012.
9. Joannes Moschus. Λεϊμόν (Pratum spirituale) // Patrologiae cursus completus. Series graeca. Parisiis, 1863. Т. 87. Pars. 3. Col. 2851–3116.
10. The Oxford Dictionary of Byzantium . New York, Oxford. 1991. Vol. 2.
11. Bibliotheca Hagiografica Graeca. Bruxelles, 1957. Т. II.
12. Сергей (Спаский), архиеп. Полный месяцеслов Востока. М., 1997. Т. III.
13. Лосева О.В. Русские месяцесловы XI–XIV веков. М., 2001.
14. Христова-Шомова И. Службеният Апостол в славянската ръкописна традиция. София, 2012. Т. II.
15. Gottesdienstmenäum für den Monat Februar auf der Grundlage der Handschrift Sin. 164 des Staatlichen Historischen Museums Moskau (GIM). Teil 2: 10. bis 19. Februar (Abhandlungen der Nordrhein-Westfälischen Akademie der Wissenschaften, 113. Patristica Slavica, 13). Paderborn, 2006.
16. Одеська національна наукова бібліотека ім. М. Горького. Відділ рідкісних видань та рукописів.
17. Национална Библиотека «Св. Св. Кирил и Методий» (София). Отдел «Ръкописи и старопечатни книги».
18. Мирчев К., Кодов Х. Енински апостол. Старобългарски паметник от XI в. София, 1965.
19. Теорогов О.В. Переводные жития в русской книжности XI–XIV веков: Каталог. М.; СПб., 2008.
20. Иванова Кл. Bibliotheca Hagiographica Balcano-Slavica. София, 2008.
21. Российская национальная библиотека (Санкт-Петербург). Отдел рукописей. Ф. 728. (Библиотека Новгородского Софийского собора).
22. Сазонова Л.И. Проложное изложение как литературная форма // Литературный сборник XVII века Пролог. М., 1978.

23. Славяно-русский Пролог по древнейшим спискам. Синаксарь (житийная часть Пролога краткой редакции) за сентябрь–февраль. М., 2010. Т. I.
24. *Петков Г.* Стихиен пролог в старата българска, сръбска и руска литература (XIV–XV век). Археология, текстология и издание на проложни стихове. Пловдив, 2000.
25. *Богдановић Д., Штављанин-Ђорђевић Љ., Јовановић-Ступчевић Б.* [и др.] Опис ћирилских рукописних књига манастира Високи Дечани. Београд, 2011. Књ. 1.
26. *Петков Г., Спасова М.* Търновската редакция на Стихиен пролог. Текстовете. Лексикален индекс. Пловдив, 2011. Т. VI.
27. *Турилов А.А.* Межславянские культурные связи эпохи Средневековья и источниковедение истории и культуры славян. М., 2012.
28. Российская государственная библиотека (Москва). Научно-исследовательский отдел рукописей. Ф. 304/1. (Главное собрание библиотеки Троице-Сергиевой лавры).
29. Пролог. Первая половина (сентябрь – февраль). М., 17 августа 1661 [7169].
30. Пролог. Первая половина (сентябрь – февраль). М., Март 1675 [7183].
31. Синайский патерик. М., 1967.
32. *Николова Св.* Патеричните разкази в българската средновековна литература. София, 1980.
33. Государственный исторический музей (Москва). Отдел рукописей и старопечатных книг. Синодальное собрание.
34. Великие Минеи Четьи. Декабрь. День 31. М., 1914.
35. Лимонарь, сиречь Цветник. Киев, 1628.
36. Жития святых. Декабрь – феврал. Киев, 1695. [Т. II].
37. Святителя Димитрия Ростовского неизданное Слово на день св. апостола Петра (29 июня) // Странник. 1895. № 6–7.
38. Опись имущества, оставшегося после Димитрия митрополита // *Шляпкин И.А.* Св. Димитрий Ростовский и его время (1651–1709). СПб., 1891.
39. *Державин А., прот.* Четьи-Минеи свт. Димитрия, митрополита Ростовского, как церковно-исторический и литературный памятник. Часть вторая // Богословские труды. 1976. № 16.
40. *Brückner A.* Ein Weissrussischer Codex miscellaneus in Gräfllich-Raczynski'schen Bibliothek in Posen // Archiv für Slavische Philologie (Berlin). 1886. Bd. 9.
41. Rękopisy cerkiewnosłowiańskie w Polsce. Katalog. Krakow, 2004.
42. *Веселовский А.Н.* Из истории романа и повести. Славяно-романский отдел. Т. 2 // Сборник Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. 1888. Т. XLIV.
43. *Подскальски Г.* Христианство и богословская литература в Киевской Руси (988–1237 гг.). СПб., 1996.
44. *Бодянский О.* Славяно-русские сочинения в пергаменном сборнике И.Н. Царского. М., 1848.
45. *Полонский Д.Г.* Историческая эрудиция составителя «Слова о Халкидонском соборе» // «Slověne = Словѣне». International Journal of Slavic Studies. 2014. Vol. 3. № 2.
46. *Мошин В.А.* Сербская редакция синодика в неделю православия. Тексты // Византийский временник. 1960. № 17.
47. *Божилев И., Тотоманова А., Билярски И.* Борилев Синодик. Издание и перевод. София, 2010.
48. *Полонский Д.Г.* Почему киевский монах Феодосий Грек перевел послание римского папы Льва Великого? (К проблемам мотивации книжника и датировки восточнославянского памятника XII в.) // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2013. Вып. 3(53).

© 2016 г. М.А.РОБИНСОН, Л.И. САЗОНОВА

ВОССТАНОВЛЕНИЕ И.В. ЯГИЧА В СТАТУСЕ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОГО ЧЛЕНА РАН И СОСТОЯНИЕ ПРОЕКТА «ЭНЦИКЛОПЕДИЯ СЛАВЯНСКОЙ ФИЛОЛОГИИ» (НАЧАЛО 1920-х ГОДОВ)

В статье на основании архивных материалов рассматривается вопрос о возобновлении в начале 1920-х годов издания «Энциклопедия славянской филологии» и восстановлении в этой связи ее главного редактора И.В. Ягича в статусе действительного члена РАН.

The article based on archival materials considers the question of how the work on the «Encyclopaedia of Slavic Philology» was resumed in the early 1920s, and how – as a consequence – its editor in chief Vartoslav Jagić was restored in the position of a full member of the Russian Academy of Sciences.

Ключевые слова: И.В. Ягич, ОРЯС РАН, Польская Академия знаний (Краков), «Энциклопедия славянской филологии», переписка ученых.

Keywords: Vartoslav Jagić, Department of the Russian Language and Literature of the Russian Academy of Sciences, Polish Academy of Learning (Cracow), «Encyclopaedia of Slavic Philology», scholarly correspondence.

Начало 1922 г. для Российской академии наук ознаменовалось событием, затравившим в определенной степени ее научный престиж. От Польской академии знаний (Polska Akademia Umiejętności, Краков) поступило предложение, касающееся дальнейшей судьбы «Энциклопедии славянской филологии». Это обращение, написанное на польском языке [1. Л. 1], подписано 16 февраля 1922 г. президентом академии К. Моравским¹ и ее генеральным секретарем С. Врублевским². К документу приложена копия с обращением к Президенту РАН на французском языке [1. Л. 2–2об.].

Уже в первой строке письма отмечалось, что «великое дело» «Славянской энциклопедии», начатое российской Академией «встречает в последние годы почти непреодолимые препятствия, как по причине затрудненных обстоятельств [общения] между Академией и главным редактором “Энциклопедии”, так и в результате высоких цен и многих других известных причин». Засвидетельствовав заслуги Российской академии в изучении славянства, польские ученые отметили, что их

Робинсон Михаил Андреевич – д-р ист. наук, заведующий научным центром Института славяноведения РАН.

Сазонова Лидия Ивановна – д-р филол. наук, главный научный сотрудник Института мировой литературы РАН.

¹ Казимир Моравский (1852–1925) – филолог-классик, ректор Ягеллонского университета, президент Польской академии наук с 1918 г.

² Станислав Врублевский (1868–1938) – правовед, генеральный секретарь Польской академии наук (1921–1927), ее президент с 1934 г.

Академия, приступившая в 1904 г. к выпуску собственной «Энциклопедии польской», хотела бы способствовать продолжению проекта «Славянской энциклопедии», инициатива создания которой принадлежит Российской академии. Указывая на свой опыт, Польская Академия запрашивала разрешения у российской Академии обратиться, в случае ее согласия, ко всем славянским Академиям «с призывом объединить усилия для совместной работы по дальнейшему изданию “Славянской энциклопедии”». С этой целью российской Академии предлагалось направить своего представителя, а также представителей «всех других славянских Академий в Краков с целью обсуждения дальнейших действий» [1. Л. 1].

Обсуждение проекта «Славянской энциклопедии» состоялось также по предложению Отделения русского языка и словесности (ОРЯС) императорской Санкт-Петербургской академии наук на предварительном съезде славянских филологов, проходившем в 1903 г. в Петербурге (см. [2. С. 17–32]). И.В. Ягич, приглашенный ОРЯС в качестве председателя съезда [3. С. 558], отмечал: «Решение Отделения взять в свои руки издание Энциклопедии и обеспечить его своим авторитетом и своими средствами (о чем последовали дальнейшие постановления Отделения 26 окт. 1903, 24 ноября 1903 и 25 апр. 1904) представляло для меня такое ручательство успеха, что я охотно согласился быть редактором Энциклопедии, издаваемой от имени Отделения» [4. С. III].

К 1922 г. свет увидели восемь выпусков Энциклопедии (один имел опубликованное отдельной книгой Приложение), однако, революция 1917 г. и Гражданская война повлияли на издательскую деятельность Академии.

Предложение польских коллег вызвало среди членов ОРЯС живой отклик. Сама идея продолжить издание Энциклопедии большинством приветствовалась, но вызвала и много вопросов, в частности, относительно фактического перехода руководства проектом в руки польских коллег. Так, В.Н. Перетц писал 6 марта 1922 г. А.И. Соболевскому: «Теперь у нас в Акад[емии] важный вопрос, о кот[ором] мне рассказал вчера Нест[ор] Ал[ександрович] К[отляревски]й. Польская Краковская Акад[емия] предлагает продолжить “Слав[янскую] Энциклопедию”». С одной стороны – раз у них есть возможность, отчего бы не согласиться. Но с другой – можно ли решиться упустить из рук начатое по инициативе нашей Акад[емии] дело? Хорошо будет “продолжение” на польском яз[ыке]? Мне эта пестрота не нравится, хотя я уважаю польских ученых и думаю, что они, собрав рассеянных по Европе русских славистов (Кульбакин, Погодин, Францев, Ястребов³ и, вероятно, другие) смогут организовать дело. Думаю, что *нашим*, находящимся в России славистам, не справиться с ним в тех условиях, в которых нам приходится жить и работать! Да и печатание у нас – почти невозможно» [5. Д. 290. Л. 17об.–20].

Председательствующий в ОРЯС В.М. Истрин приступил к сбору мнений коллег. Проживавшие в Москве академики, члены Отделения, получившие копии польского обращения⁴, откликнулись специальными записками. Так, уже первого мая 1922 г. М.Н. Сперанский сообщал Истрину, что продолжение Энциклопедии «конечно, весьма желательно». Он писал о трудностях продолжения дела ввиду отсутствия у Академии денег: «Необходимо будет искать этих средств на стороне, так как надежд получить эти средства в разоренной России и при современном направлении нашей общественной и государственной жизни очень и очень мало». «Ввиду этого, – продолжил Сперанский, – предложение Краковской Академии – превратить издание Российской Академии в коллективное всех славянских Академий – можно, понятно, только приветствовать» [1. Л. 8]. Однако у Сперанского возникли и сомнения в публикаторских возможностях Польской Академии: «Отчасти мне известно, – писал ученый, – что и за пределами России

³ С.М. Кульбакин (1873–1941) и А.Л. Погодин (1872–1947) обосновались в Королевстве Сербов, Хорватов и Словенцев, а В.А. Францев (1867–1942) и Н.В. Ястребов (1869–1923) – в Чехословакии.

⁴ Такая копия хранится в архиве А.И. Соболевского [5. Д. 21. Л. 1].

положение не таково, чтобы можно было игнорировать эту сторону дела; так, по сообщениям из Праги, Чешская Академия не может выпускать многих своих изданий вследствие необычайной дороговизны типографских работ (из письма проф. Ю.И. Поливки)».

Интересовал Сперанского и вопрос, на каком языке будет продолжена Энциклопедия. Ученый допускал возможности печатания текстов и «на туземных языках». Но как он особо подчеркивал, все возникающие вопросы «можно разрешить более или менее определенно только после сношений с главным редактором С[лавянской] Э[нциклопедии] И. Ягичем; сношения же с ним, по словам Краковской Академии, до сих пор затруднены. В чем именно заключаются эти затруднения, из сообщения Краковской Академии не видно, и об И.В. Ягиче мне ничего неизвестно, кроме того, что он – в Вене находится в тяжелом положении материальном (сведения получены мною также через Прагу). Без сношений с И.В. Ягичем представляется неудобным и решать вопрос о возобновлении издания С[лавянской] Э[нциклопедии]» [1. Л. 8об.].

«Поэтому, – завершает свою записку Сперанский, – я находил бы с своей стороны вполне целесообразным общее совещание представителей славянских Академий для более детального и всестороннего обсуждения этих существенных вопросов, равно как для других, которые естественно возникнут при возобновлении издания на измененных теперь условиях, как принципиального, так и практического характера; таковы, например, вопросы об общей редакции и [нрзб], распределении труда между отдельными Академиями, способы финансирования предприятия и мн[огие] др[угие]. Поэтому и последнее предложение Краковской Академии – взять на себя организацию такого предварительного собрания представителей славянских Академий – я считаю целесообразным» [1. Л. 9–9об.].

По-видимому, тогда же, когда и Сперанский, на запрос Отделения ответили совместной запиской А.И. Соболевский и М.Н. Розанов (документ не датирован [1. Л. 7]). Ученые начали свое послание с самого болезненного вопроса, от решения которого в основном и зависело дело: «Наша Академия наук, – констатировали ученые, – не может рассчитывать на ассигнование ей сколько-нибудь значительных средств не только в течение ближайших годов, но и в течение ряда дальнейших, и потому Отделение должно признать, что продолжение начатого им издания “Слав[янской] энциклопедии” другими славянскими Академиями вполне желательно».

Так же, как и Сперанский, Соболевский и Розанов сомневались в том, смогут ли новые участники проекта продолжить печатание серии, и настаивали на особой роли ОРЯС. «Имеющиеся в России сведения о возможности издательской деятельности для Краковской и других славянских Академий в настоящее время крайне скудны, – констатировалось в записке, – и потому нам трудно представить, что бы могли бы делать эти Академии без участия Отделения». Они полагали, что в настоящий момент это участие «должно ограничиться передачею Отделением славянским Академиям его права на получение от ак[адемика] Ягича находящихся в его распоряжении готовых статей “Слав[янской] Энциклопедии”». Ученые полагали, что представитель Отделения должен принять участие в предполагаемом совещании, так как «было бы желательно для Отделения знать о планах Краковской и других славянских Академий в вопросе о продолжении “Слав[янской] Энциклопедии”, чтобы Отделение, если не будет препятствий, могло выступить со своими указаниями и советами» [1. Л. 7].

Из обеих записок следовало, что необходимо связаться с Ягичем. Истрин, безусловно, и сам отчетливо понимал, что без обсуждения предложений польской Академии с редактором Энциклопедии, принять какие-либо решения, невозможно. В качестве посредника в этом деле Истрин остановился на личности В.А. Францева, недавно избранного академиком и обосновавшегося в Праге. В это время между ним и Францевым шла оживленная переписка о возможности

возвращения ученого в Россию (см. [6. С. 194–198]). Итак, еще 20 апреля Истрин обо всем написал Францеву [1. Л. 5]. Тот в свою очередь известил Ягича, и к своему письму Истрину от 12 мая 1922 г. приложил обширную записку от Ягича⁵, датированную 10 мая.

Следует отметить, что Ягич позиционирует себя в качестве члена ОРЯС. Записка подписана: «Действительный член Игн. В. Ягич» [1. Л. 4об.]. «По поводу сообщенного мне приглашения Краковской Академии наук, – начинает свое послание ученый, – честь имею в виде ответа с моей стороны сказать, что я положительно не в состоянии дать какой-либо совет насчет сделанного запроса со стороны Краковской Академии». Ягича, как и его коллег, интересовала возможность реализации готовых к печати работ. «Я, конечно, очень желал бы видеть продолжение начатого у нас предприятия, – писал Ягич, – но мне совсем неизвестны нынешние условия, в каких находится Второе Отделение. В состоянии ли оно приступить к продолжению “Энциклопедии славянской филологии”, имеет ли необходимые для того средства, действует ли бывшая академическая типография?».

Что касается собственной роли в сложившейся ситуации, Ягич отмечал: «Как бывшему редактору изданных доселе выпусков да будет мне позволено напомнить, что Отделению придется определить нового редактора, так как в данных обстоятельствах вести редакцию издания, выходящего в Петрограде, из Вены вовсе невыносимо. Несмотря на все желание быть Отделению к услугам, я не могу дальше исполнять эту должность». Объяснял Ягич свое решение тем, что пересылка рукописей и корректур потребует очень больших расходов. «Судя по всем признакам, – констатировал ученый, – Отделение все еще находится в безвыходном положении, когда не может даже своих печатных изданий доставлять членам за границу, в числе которых я, должно быть, уже по старшинству занимаю первое место» [1. Л. 3].

Общая идея польской Академии преобразовать издание ОРЯС в международное при очевидном первенстве в этом проекте польских ученых, вызывала у Ягича большие сомнения. Он вспоминал: «Скажу еще несколько слов по поводу бумаги Краковской Академии. В свое время я старался всеми усилиями притянуть к участию в нашей Энциклопедии также польских ученых. За исключением одного профессора Брикнера⁶ в Берлине, доставившего мне хоть несколько статей (они у меня в рукописи), все мои усилия оказались безуспешными. Я помню даже, что наше Отделение снабдило бывшего тогда молодого ученого Нитча⁷ и денежными средствами, и рекомендациями для разездов по царству Польскому с целью изучения польских говоров, но для нашей Энциклопедии от этого не было никакой пользы». Ученый подчеркивал: «Неоспорим только факт, что именно наше предприятие дало польским ученым толчок к изданию польской Энциклопедии. В этом их решении я усмотрел желание идти своим путем, самостоятельно и независимо от нас, против чего нечего возражать. Ограничившись разработкою вопросов в пределах своей польской национальности, они значительно облегчили себе задачу, их предприятие шло даже быстрее нашего. Моя задача, обнявшая совокупное славянство, все славянские языки и наречия, все литературы, быт всех славянских племен, славянскую этнографию, древности – представляло несравненно больше трудностей» [1. Л. 3об.].

«После всего сказанного, – весьма скептически отмечал Ягич, – я не могу выяснить себе, в чем собственно может заключаться участие, предлагаемое со стороны польской Академии, или даже и всех прочих славянских Академий, в пользу нашей Энциклопедии. Дружеский обмен мыслями и планами, конечно,

⁵ Переписка ученого с русскими коллегами не раз становилась в последнее время предметом публикаций на страницах журнала «Славяноведение» [7. С. 106–113; 8. С. 66–81].

⁶ Брикнер (Brückner) Александр (1856–1939) – польский филолог-славист. Член-корр. имп. АН (1889).

⁷ Казимир Нич (1874–1958) – польский языковед-славист, диалектолог.

желателен, но это можно спокойно предоставить редакторам обеих энциклопедий, как нашей общеславянской, так и краковской специально польской. Во всем прочем это два и по содержанию, и по языку независимые друг от друга предприятия и издания».

Текст записки свидетельствует о том, что Ягич все-таки надеялся на то, что дело с изданием Энциклопедии останется только за ОРЯС. Он уже был готов взяться за решение организационных задач. «В состоянии ли в ближайшем будущем Второе Отделение продолжить начатое дело, – интересовался ученый и продолжал, – тогда я наметил бы редактору, моему преемнику, как первую задачу возобновить с прежними сотрудниками (насколько они еще живы, причем я с чувством прискорбия вспоминаю невознаградимую утрату незабвенного нашего Алекс[ея] Ал[ександровича] Шахматова) новые условия их участия, а для восполнения пробелов постараться о приискании новых сотрудников. Пока я еще могу это сделать, я готов быть полезным ему указаниями и добрыми советами». Тем не менее, Ягич не выступал против возможности международного обсуждения дел с изданием Энциклопедии. «За случай, – писал он, – если бы Отделение порешило послать своего представителя для совещания в Краков, на мой взгляд, лучше всех мог бы взять на себя эту обязанность Владимир Андреевич Францев, отлично владеющий польским языком и живущий недалеко от Кракова в Праге» [1. Л. 4].

Завершая записку, Ягич просил Истрина «передать всем членам Отделения, а также и членам прочих отделений, мои сердечные пожелания об улучшении всех условий жизни, без чего и успехи в научных занятиях немислимы» [1. Л. 4об.].

В ответе Францев, безусловно, поддержал идею возродить издание Энциклопедии. «По поводу предложения Краковской Академии, – писал ученый, – я могу сказать одно: конечно, возобновление (продолжение) издания Энциклопедии слав[янской] фил[ологии] весьма желательно, оно приостановилось силою неблагоприятно сложившихся обстоятельств, но не заглохло окончательно» [1. Л. 5–5об.]. «По-видимому, – замечал Францев, – польские ученые в настоящий момент склонны были бы принять более широкое участие в общей славянской работе, чем они проявили его раньше. Это, может быть, – желательно» [1. Л. 5об.]. При этом Францева явно не устраивал план реализации проекта, выдвинутый польской Академией. «Предложение Крак[овской] Ак[адемии] для меня не совсем ясно, – указывал ученый. – Посредничество ее в деле приглашения ученых сотрудников едва ли необходимо, ведь план Энциклопедии был в свое время подробно разработан, и роли сотрудников распределены. Большинство из приглашенных к участию в работе славянских ученых живы, и надо только вновь напомнить им о их заданиях, пригласив их вновь» [1. Л. 5об.].

По мнению Францева, только ОРЯС должно руководить всем процессом возрождения издания Энциклопедии. «Отделению, по моему мнению, – подчеркивал ученый, – не следовало бы передавать инициативу сношений со славянскими учеными Краковской Акад[емии], и мне думается, что и в кругах этих ученых такое посредничество произвело бы странное впечатление. Другое дело – широкое участие польских ученых в тех отделах Энцикл[опедии], которые посвящены будут польским дисциплинам. Об этом с ними следует переговорить и столкнуться» [1. Л. 5об.–6].

Ученый считал необходимым руководствоваться позицией, которую, в конце концов, займет в этом деле ОРЯС. «Вы пишете по поводу польского предложения: “Пока у нас настроение отрицательное...”. Если это так, – полагал Францев, – то едва ли Отд[еление] признает полезным послать своего представителя в Краков для совещания с польскими учеными, как это рекомендует И.В. Ягич». Тем не менее, Францев был готов поехать в Краков, если на то все-таки будет решение ОРЯС. При этом он очень четко сформулировал условия своей возможной миссии: «Поручение Отд[еления], если его угодно будет возложить на меня,

я готов исполнить, но при условии снабжения меня совершенно определенными инструкцией и директивами, дабы я явился выразителем лишь принятых Отделением мнений и решений» [1. Л. 6].

В данном фрагменте документа представляется интересным цитируемый Францевым отрывок из письма Истрина. На основании каких мнений председательствующий в ОРЯС Истрин представил общее настроение в Отделении как «отрицательное»? Дело в том, что к моменту отправки своего письма Францеву, 10 апреля 1922 г., он еще не получал записок Сперанского, Соболевского и Розанова. Мнение этих академиков скорее склонялось к необходимости принять предложение польской Академии или, по крайней мере, вступить с нею в переговоры. Из письма Перетца Соболевскому очевидно, что при некоторых колебаниях он тоже был согласен с этими предложениями и абсолютно не верил в возможности Отделения продолжить дело на родине. Истрину оставалось услышать мнение академиков, числившихся по ОРЯС и проживавших в Петрограде; их вместе с ним (кроме Перетца) также было четверо: Е.Ф. Карский – главный редактор Известий ОРЯС, Н.А. Котляревский – директор Пушкинского Дома и Н.К. Никольский – директор Библиотеки Академии наук. Письма Ягича и еще более Францева должны были укрепить это «отрицательное» настроение в ОРЯС. Вполне возможно допустить, что в кругу этих академиков сформировалось не столько отрицательное отношение к предложениям польской Академии, сколько решение возродить дело издания Энциклопедии в России.

Решение о продолжении издания вскоре было принято, о чем известили всех академиков. Соболевский писал 1 июля 1922 г. Истрину: «Большое спасибо и за сообщение о решении Отделения насчет Слав[янской] Энциклопедии]. Я дал его прочесть Сп[еранско]му и Р[озанову]» [9. Д. 151. Л. 39]. А 1 августа Истрину ответил Францев: «Ваше письмо с приложением выписки из протокола засед[ания] Отделения я получил. Решение Отд[еления] и ответ, данный мне Польской академией], сообщил мне уже И.В. Ягич» [9. Д. 177. Л. 3].

О непростых бытовых условиях, в которых оказался Ягич в свои 84 года, и о его реакции на решение Отделения продолжить работу над Славянской энциклопедией, Францев пятого августа 1922 г. сообщал Сперанскому: «Старик Ягич в Вене брал обеды из америк[анской] кухни (YMCA)⁸. Я писал Вам, что в начале февраля специально ездил в Вену навестить старика⁹». Однако, восхищался ученый: «Энергия его и трудоспособность изумительные. В последнем письме ко мне он выражает радость по поводу обращения к нему Отд[еления] р[усского] яз[ыка] и слов[есности] с предложением продолжать издание Энциклопедии».

«Думаю, – полагал Францев, – что Отд[еление] оказывает великому старцу слишком мало внимания, а между тем он так дорожит связью с Академией. Особенно бы ему хотелось получить то, что за последние годы Отд[елением] было издано» [10. Л. 9].

Не исключено, что решение ОРЯС вернуться к осуществлению издания Энциклопедии было связано с наметившимися осенью 1922 г. изменениями с возможностями публикации своих материалов. Еще весной 1922 г. была характерна ситуация, отмеченная в марте Перетцем: «Да и печатание у нас – почти невозможно» [5. Д. 290. Л. 17об.]. И Сперанский, и Соболевский с Розановым в записках, составленных в апреле–мае, сомневались в издательских возможностях ОРЯС, а тот же Соболевский прямо же жаловался Карскому 27 апреля: «Вожусь с Геродотом и вообще древними. Дошел до кое-каких выводов. Не прочь бы напечатать, но где теперь работает типографский станок?» [11. Л. 42об.]. В сентябре

⁸ YMCA (Young Men's Christian Association – Юношеская христианская ассоциация) занималась организацией в годы Первой мировой войны и после нее помощи беженцам и русским военнопленным.

⁹ Действительно, Францев писал Истрину «8 května» (мая) о том, что он в феврале посетил в Вене «Игн[атия] Вик[ентьевича]. Он бодр и крепок, работает и полон энергии» [10. Л. 12].

же Соболевский получил письмо с очень обнадеживающей информацией. Итак, Карский предлагал ученому: «Присылайте “Русско-скиф[ские] этюды”. Пойдет в № 1 1921 г., который будет набираться в конце этого года, т.к. № 2 1919 г. усиленно набирается, а 1920 г. (посвященный Шахматову) уже оканчивается». В том же письме от 7 сентября были отмечены и издательские перспективы: «Вчера было заседание Отделения. Обсуждали смету на 1923. На печатание нам отпущено 250 л[истов]» [5. Д. 187. Л. 6].

Таким образом, перспектива быстро ликвидировать накопившуюся издательскую задолженность явно вдохновляла ученое сообщество. Дальнейшим своим шагом Отделение посчитало необходимым полностью восстановить главного редактора «Славянской энциклопедии» Ягича в статусе действительного, а не иностранного, члена РАН. В сентябре 1922 г. Общее собрание РАН возбудило ходатайство «о восстановлении акад. И.В. Ягичу штатного академического содержания» [12. Л. 139]. Об этих решениях Истрин сразу написал Ягичу, который тут же откликнулся большим письмом от 1 октября 1922 г.

Кроме изъявления радости от полученного известия, ученый писал Истрину: «Я стал задавать себе вопрос, как, каким способом я мог бы быть полезным Отделению по нашему великолепному предприятию, столь внезапно прерванному войной и последовавшими событиями, по “Энциклопедии славянской филологии”. Всею душою тянет меня к этому делу, я бы был счастлив, если бы мог содействовать к продолжению его».

Настроение ученого явно изменилось, он уже не говорил о передаче функций главного редактора другому коллеге. «Скажу откровенно, – писал Ягич, – если бы я опять взял на себя редакцию издания, то я желал бы иметь дело в своих руках, распоряжаться сотрудниками, пересматривать их статьи, входить с ними в переписку, указывать на проспект (напечатанный при 12 выпуске), которым мы должны руководиться, если не хотим, чтобы предприятие без плана вышло *rudis indigesta moles!*¹⁰». Ученый имел в виду «Проспект Энциклопедии славянской филологии» [4. Л. VII–XI]. Ягич посетовал на то, что и сам нарушил плановые объемы труда: «Вот, напр[имер], моя история славянской филологии вм[есто] 10 листов обняла – 60!». «Необходимо или придерживаться плана, или составить новый план, – констатировал ученый, – а то издание затянется до бесконечности».

В качестве существенного затруднения для дальнейшей работы над Энциклопедией Ягич указывал на то, что «смерть похитила нам чересчур много сотрудников, на участие которых мы могли рассчитывать». Не оставляли ученого и сомнения в финансовых возможностях ОРЯС. «Мне передавал несколько месяцев тому назад академик Вернадский положение академии в таком виде, – сообщал Ягич, – что я потерял охоту начать переписку с прежними и новыми сотрудниками» [9. Д. 192. Л. 18].

Посетовал Ягич и на Францева, который для него «обещался навести кое-какие справки», но пока этого не сделал. Тем не менее, ученый отметил: «Для меня было бы, конечно, очень удобно, если он останется в Праге, иметь в нем сотрудника по Энциклопедии» [9. Д. 192. Л. 18об.].

Возвращаясь к проблеме собственного положения в рамках РАН, Ягич выражал определенные опасения. «Что касается постановления Общего собрания Академии относительно меня, – писал ученый, – я, конечно, принимаю шаг, сделанный Академией в пользу мою, с большою благодарностью, но сомневаюсь, согласится ли на это правительство». Он с обидой отмечал: «Я вычеркнут (не знаю почему) из списка действительных членов, хотя я, начиная с 1886 г. (с осени) числился постоянно действительным членом и в этом качестве печатали мою фамилию в памятных книжках», а теперь попал «в список лиц, “носящих звание академи-

¹⁰ Груда фактов и данных, не связанных в одно целое общей идеей и набросанных без порядка и плана (лат.).

ков”» [9. Д. 192. Л. 18об.]. Но если дело с полным восстановлением все-таки состоится, то Ягич рассчитывал получать академическое жалование «золотыми рублями, сколько бы уж ни было». «Эта субсидия была бы мне на старости моих 85 лет, правда, очень желательна, – и ученый с иронией отмечал, – она позволила бы иногда съесть кусочек мяса или выпить стаканчик вина, что в данных обстоятельствах при нашей дороговизне невозможно иметь, но я должен прибавить, что при моих очень умеренных потребностях я не могу жаловаться, здоровье у меня сносное, Америка кормит нас, профессоров, за дешевую цену довольно порядочно, хотя без мяса и, конечно, без алкоголя».

Но не только собственное материальное положение беспокоило Ягича. Он предвидел, что финансовые проблемы обязательно возникнут при начале работы: «Жду Ваших дальнейших сообщений, м[ежду] пр[очим] о том, если я начну вести переписку с старыми и новыми сотрудниками по Энциклопедии, какой гонорар я могу им обещать? Ведь даром сегодня никто ничего не делает» [9. Д. 192. Л. 19].

Следующее письмо Ягича связано с предложением ОРЯС предоставить отчет о его трудах за 1922 г. Ученый ответил Истрину 17 ноября 1922 г., предложив опубликовать его отчет целиком: «Пусть отразится в нем наше незавидное взаимное отношение, когда мы, по-видимому, не можем выпутаться из этой разорванности». Ягич связал остро стоявшую проблему отсутствия книгообмена между венской Академией и РАН с организацией работ по «Славянской энциклопедии». «Во всяком случае, – подчеркивал ученый, – я должен сказать, что не могу приступить ни к какой деятельности по отношению к Энциклопедии, пока не будет выяснен вопрос о возможности или невозможности общения между мною и Отделением путем сносным, не превышающим мои силы по расходам» [9. Д. 192. Л. 20]. Тем не менее, он подробно излагал свои соображения о том, в какой валюте будет необходимо выплачивать гонорары будущим авторам Энциклопедии. Далее он уже прямо жаловался на то, что «Францев не отзывается никакими известиями из Праги ни относительно Отделения, ни относительно участия в Энциклопедии». И в итоге констатировал: «Итак, даже в этом отношении дело не движется» [9. Д. 192. Л. 20об.].

Тем временем коллеги Ягича в ОРЯС продолжали свои хлопоты. Так, Истрин сообщил на заседании ОРЯС 17 января 1923 г., «что по его сведениям, в настоящее время имеется свободный один академический оклад». И Отделение постановило «просить Правление, в исполнение постановления Общего Собрания, зачислить на имеющийся свободный оклад И.В. Ягича» [12. Л. 139]. В «Выписке из журнала Правления РАН от 20 янв. 1923 г.», составленной 25 января, сообщалось: «Слушали: Выписку из Протокола заседания Р.Я.С. (отношен[ие] от 20/1 № 21) с просьбой о зачислении на оклад содержания академика И.В. Ягича». В документе отмечалось, что возможности для этого есть, так как «по твердым штатам АН имеется свободная вакансия действительного члена». Однако вопросы финансирования прямо не зависели от Правления РАН, и в постановлении сообщалось: «Отложить до получения данных от Главнауки» [13. Л. 23].

Запрос о Ягиче был отправлен в Народный комиссариат по просвещению, отвечавший в то время в Совнарком за деятельность РАН. Документы свидетельствуют, что вопрос о Ягиче рассматривался и в инстанциях РАН, и Наркомпроса параллельно, в одно и то же время. На это указывает датированный 26 января 1923 г. запрос, поступивший из Наркомпроса. В бумаге, прошедшей Канцелярию Конференции РАН 30 января, интересовались: «На основании постановления Президиума Коллегии НКП от 18-1 по вопросу о восстановлении профессора Ягича в правах члена Российской Академии наук, Секретариат Коллегии Наркомпроса просит сообщить, какие специальные работы выполняет в настоящее время проф. Ягич для Российской Академии наук» [13. Л. 27]. Через три дня, 3 февраля 1923 г., состоялось очередное заседание Общего собрания РАН, на котором в ответ на отношение из Наркомпроса, «согласно просьбе Непременного сек-

ретаря и [сполняющий] [обязанности] Председательствующего в ОРЯС доставил подробную записку о производимых академиком И.В. Ягичем научных работах по Академии. Положено сообщить текст этой записки Секретарю Коллегии Наркомпроса» [12. Л. 3].

Получилось так, что о решении Правления «отложить до получения от Главнауки» вопрос об академическом окладе для Ягича и о запросе из Наркомпроса, Истрин смог доложить коллегам по Отделению только 7 февраля, через четыре дня после Общего собрания РАН. На этом заседании ученый сообщил, «что ввиду спешности дела, им был послан на упомянутое отношение» [10. Л. 140об.] соответствующий ответ. Истрин охарактеризовал место Ягича в научном мире: «В ответ на отношение Секретариата Коллегии Народного Комиссариата по Просвещению от 26 января сего года за № 1790 (Дело № 2 1923 г.) с просьбой сообщить, какие специальные работы выполняет в настоящее время проф. Ягич для Российской Академии наук, Отделение русского языка и словесности имеет честь сообщить следующее:

Ученая деятельность акад[емика] Ягича слишком известна, чтобы нужно было о ней распространяться. Его свыше чем 60-летняя ученая деятельность, выразившаяся в крупной цифре 700 слишком научных работ, из которых иные представляют объемистые томы, – говорит само за себя, без всяких пояснений. В различные его юбилеи и в России, и за границей неоднократно были издаваемы в честь его сборники, разъясняющие его значение в области славяноведения вообще и, в частности, в области русского языка и русской литературы».

Далее Истрин разъяснял связь Ягича с изданием Энциклопедии. «В 1902 г.¹¹, – писал ученый, – Отделение русского языка и словесности предприняло обширное издание “Энциклопедия славянской филологии”, в которой должны были принять и, действительно, приняли участие многочисленные ученые, русские и западноевропейские, главным образом славянские, и акад[емик] Ягич в силу указанного своего научного значения в славянском мире, был назначен редактором этого издания» [13. Л. 25].

И, наконец, Истрин подошел к главной проблеме, решение которой вызывалось необходимостью восстановить Ягича в правах академика РАН. «В истекшем, 1922, году, – напомнил Истрин, – Польская Академия наук, исходя из убеждения, что Российская Академия наук не может продолжать прежнюю ученую и издательскую деятельность, предложила передать ей, Польской Академии, издание “Славянской Энциклопедии”. Но Отделение русского языка и словесности, возобновляя свою ученую и издательскую деятельность, приступило к продолжению и столь грандиозного издания, как “Энциклопедия славянской филологии”. Редактором вновь назначен акад[емик] Ягич. К этому Отделение, кроме личных заслуг акад[емика] Ягича, побуждается еще тем обстоятельством, что при настоящих затруднительных сношениях России с западноевропейскими учеными, указанную задачу Отделения в качестве редактора и может с успехом выполнить только лицо, живущее постоянно за границей и стоящее в центре всего ученого славянского мира. Таким лицом и является акад[емик] Ягич» [13. Л. 25–25об.].

Прошло ровно полгода с начала хлопот о восстановлении Ягича в правах члена РАН и, наконец, в правительственных сферах было принято положительное решение. В «Выписке из журнала Правления РАН от 2 апреля 1923 г.» сообщалось: «Слушали: Постановление Народного Комиссариата по Просвещению (протокол №16/78 засед[ания] Президиума Коллегии НКП от 24/III-23 г.) «О восстановлении проф. Ягичу академического содержания». Постановили: Сообщить бухгалтерии Отдел[ения] русск[ого] языка и словесности» [13. Л. 24]. Безусловно, о

¹¹ Так в тексте. Вряд ли Истрин не знал, что решение об издании Энциклопедии было принято в 1903 г., а первый выпуск вышел в 1908 г. Возможно, неверная дата возникла при перепечатке текста, у Истрина чрезвычайно трудночитаемый почерк.

случившемся Истрин сообщил в Вену, и 15 апреля Ягич ему ответил. Но на этот раз письмо уже не было преисполнено прежней энергии. Судя по ответу Ягича, Истрин известил его и о все нараставших претензиях к ОРЯС со стороны руководства РАН. Возможно, что в письме была та же информация, о которой Петерц в том же апреле, 23 числа, писал Соболевскому: «Сейчас идет *пересмотр* типографского плана на 1923 (а, м[ожет] б[ыть], и вообще на год!) с целью сократиться, т.е. сократить гнусных гуманитаров, которые отягчают Академию на горе гг. Стекловых¹² и пр[очих] вершителей нашей Академ[ической] жизни. [...] Ольд[енбург] с *октября* не сдал в новый набор по нашему Отд[елению] *ни строчки!*» [5. Д. 290. Л. 34–34об.].

Подобная информация дала Ягичу повод вспомнить время собственного пребывания в Петербурге. «С большим интересом прочел я Ваше письмо, – писал ученый, – и, признаться, не был обрадован содержанием его. Больно мне было прочесть в нем, что отношение Второго Отделения к обоим остальным уже опять пошатнулось и упало на уровень, знакомый мне в бытность мою в Отделении. Тогда мы, члены II Отделения, не считались вполне равноправными с членами двух прочих Отделений, и это сознание неровности, невозможность существовать членом II Отделения, помимо положения в университете или на кой другой должности, была одна из причин, чуть ли не самая главная, моего предпочтения, данного Вене». «Но я надеюсь, – продолжал Ягич, – что все-таки нет опасности для Отделения, хотя деятельность его на деле очень стеснена, если даже нельзя Амартола¹³ печатать!»

Только потом ученый откликнулся на более приятное для него известие. «Что Вы сообщаете мне о состоявшемся одобрении, чтобы я как действительный член получал ежемесячное жалование или вознаграждение, это, правду сказать, обрадовало бы меня только тогда, если бы была дана мне возможность *быть полезным* какой бы ни было *деятельностью* для Академии на оставшийся для меня, боюсь, очень непродолжительный срок жизни». Далее ученый поделился информацией, на основании которой он сделал такие неутешительные предположения. «В течение последних двух месяцев, – писал Ягич, – я страдал довольно серьезно от астмы и боялся уже, что конец близок. Последние дни несколько мне лучше, если только не повторится». При этом он все-таки не преминул поинтересоваться и вопросом о жаловании. «Нигде не сказано, с какого времени возобновляется содержание?» Завершалось письмо фразой: «Обо всем прочем напишу вскоре» [9. Д. 192. Л. 23]. Но это было последнее письмо ученого Истрину. Неизвестно, успел ли Ягич получить академический оклад хотя бы за один месяц. Ученый скончался через три с небольшим месяца, 5 августа 1923 г. на 86-ом году жизни.

Общее собрание РАН почтило его память вставанием на заседании 1 сентября, а «некролог покойного был прочитан академиком Е.Ф. Карским» [12. Л. 20об.]. ОРЯС провело 7 октября 1923 г. специальное публичное заседание памяти Ягича, на котором выступили «академики М.Н. Сперанский и Е.Ф. Карский, и проф. П.А. Лавров» [12. Л. 155об.].

Кончина главного редактора и жесткое сокращение публикаторских возможностей ОРЯС стали серьезным препятствием для продолжения серии изданий «Энциклопедии славянской филологии», но издание, пользуясь выражением Сперанского, «не заглохло окончательно». Прошло еще пять лет, и хотя к этому времени ОРЯС уже было уничтожено как самостоятельное отделение Академии, свет увидел именно его труд [16]. Исследование Сперанского, ставшее последним в серии, было опубликовано в знаменательный для истории мировой славис-

¹² О желании вице-президента Академии математика В.А. Стеклова (1863/1864–1926) уничтожить ОРЯС и о солидарности с ним Непременного секретаря Академии С.Ф. Ольденбурга (см., например, [14. С. 91]).

¹³ В 1922 г. Истрину все-таки удалось издать второй том своего исследования [15], а третий смог увидеть свет только через восемь лет.

тики год: в Праге в 1929 г. состоялся Первый международный съезд славистов. Возможно, что именно к его началу и было приурочено данное издание. Следует отметить, что в энциклопедической серии работа Сперанского заняла именно то место, которое было отведено ей в «Перспекте Энциклопедии славянской филологии» И.В. Ягича.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. СПбФ АРАН. Ф. 9. Оп. 1. Д. 1125.
2. *Латтева Л.П.* История славяноведения в России в конце XIX – первой трети XX в. М., 2012.
3. *Латтева Л.П.* Съезд русских славистов в 1903 г. // Письменность, литература, фольклор славянских народов и история славистики. XV Международный съезд славистов (Минск, август 2013 г.). Доклады российской делегации. М., 2013.
4. *Ягич И.В.* Предисловие // *Будде Е.* Очерк истории современного литературного русского языка (XVII–XIX вв.). (Энциклопедия славянской филологии. Вып. 12). СПб., 1908.
5. РГАЛИ. Ф. 449. Оп. 1.
6. *Робинсон М.А.* Судьбы академической элиты: отечественное славяноведение (1917 – начало 1930-х годов). М., 2004.
7. *Толстой Н.И.* Переписка И.В. Ягича с русскими филологами в конце 80-х годов XIX века // Славяноведение. 2013. № 2.
8. *Латтева Л.П.* И.В. Ягич (1838–1923) в оценках русских современников последней четверти XIX – начала XX века // Славяноведение. 2015. № 2.
9. СПбФ АРАН. Ф. 332. Оп. 2.
10. СПбФ АРАН. Ф. 172. Оп. 1. Д. 312.
11. СПбФ АРАН. Ф. 292. Оп. 2. Д. 131.
12. СПбФ АРАН. Ф.1. Оп. 1а. Д. 172.
13. СПбФ АРАН. Ф. 9. Оп. 1. Д. 1137.
14. *Робинсон М.А.* Роль А.И. Соболевского в организации работы по составлению Картотеки словаря древнерусского языка // Славяноведение. 2015. № 2.
15. *Истрин В.М.* Книги временныя и образныя Георгия Мниха. Хроника Георгия Амартола в древнем славяно-русском переводе. Пг., 1922. Т. 2.
16. *Сперанский М.Н.* Тайнопись в югославянских и русских памятниках письма. Л., 1929. (Энциклопедия славянской филологии. Вып. 4. 3).

© 2016 г. И.Г. ТАРАКАНОВА

«ЖИЗНЬ ПРОЖИТЬ – НЕ ПОЛЕ ПЕРЕЙТИ»
(НОВЫЕ ДОКУМЕНТЫ О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
В.И. ПИЧЕТЫ В МГПИ)

Публикация новых документов 1938–1940 и 1945 гг. о деятельности В.И. Пичеты: в МГПИ, где против него была развязана кампания травли. Параллельно шло признание В.И. Пичеты научным сообществом: в составе авторского коллектива, был издан учебник для вузов «История СССР с древнейших времен до конца XVIII в.», тогда же он был избран членом-корреспондентом АН СССР.

This publication of new documents dated 1938–1940 and 1945 deals with Vladimir I. Picheta's activities at the Moscow State Pedagogical Institute (MGPI), where a persecution campaign had been launched against him. At the same time, he was highly respected in the academic circles. He was among authors of a textbook for universities titled «The History of the USSR from the earliest times to the end of the eighteenth century». He was also elected a corresponding member of the Academy of Sciences.

Ключевые слова: В.И. Пичета, МГПИ, историк-славист, ученый и власть.

Keywords: Vladinir I. Picheta, Moscow State Pedagogical Institute (MGPI), historian, Slavic studies, scholar and the authorities.

Вниманию читателей предлагаются несколько документов, объединенных единой тематикой: Владимир Иванович Пичета – педагог и ученый (по документам МГПИ им. В.И. Ленина) [1. С. 82]. В.И. Пичета появился в профессорско-преподавательском составе данного вуза – по возвращении из ссылки – со второй половины учебного года 1937/1938 [2. Ф. 586. Оп. 1. Д. 56. Л. 142, 145, 147]. Приказом директора по институту в марте 1938 г. его ввели в Совет института в надежде повысить уровень работы аспирантуры, связав с ним улучшение качества чтения курса по истории Средних веков [2. Ф. 586. Оп. 1. Д. 57. Л. 30об.]. Выступая на заседании совета МГПИ от 15 сентября 1938 г. его директор Т.С. Косых отозвался о курсе Средних веков так: «Слабость всего этого курса в том, что отсутствует история западных и южных славян. У нас есть все возможности этот пробел восполнить. В этом году будет читаться факультативный курс по истории западных и южных славян профессором Пичета» [2. Ф. 586. Оп. 1. Д. 57. Л. 30об.]. Судя по всему, профессор Владимир Иванович Пичета в 1938 г. с головой ушел в работу со студентами, – о чем, свидетельствуют как стенограммы заседаний Совета МГПИ, так и дирекции МГПИ. Так, декан исторического факультета профессор А.З. Ионисиани в сентябре 1938 г. обратил внимание на работу со студентами и аспирантами, которую проводил В.И. Пичета [2. Ф. 586. Оп. 1. Д. 53. Л. 109–110, 111об., 112, 116].

Представленные документы лишь фрагментарно показывают взаимоотношения ученого и власти (каким-то чудом он избежал повторного ареста и репрессий), кам-

панейщину в связи «с ошибками товарища Пичета». Только огромный жизненный¹ и научный, педагогический опыт, осознание своего предназначения, позволили ему сохранить созданную им школу славяноведения – у него было много учеников, впоследствии он стал руководить Институтом славяноведения АН СССР и соответствующей кафедрой в МГУ. Надо сказать, что и в самом МГПИ деятельность В.И. Пичеты оставалась заметной: он входил в состав ГЭК, принимал экзамены у аспирантов, являлся их научным руководителем, рецензировал труды, выпускаемые сотрудниками МГПИ. В.И. Пичета вел себя так, как будто ничего не происходило. Например, будучи членом Совета МГПИ, он мог позволить себе просто уйти с заседания, никому ничего не объясняя. Парадоксально, но вскоре после того, когда его «громили», несколькими месяцами позже ему объявляли благодарности [2. Ф. 586. Оп. 1. Д. 64. Л. 1, 4, 13; Д. 68. Л. 34, 98, 117, 120, 140; Д. 98. Л. 32об., 43об.].

Да, он шел на компромиссы с властью, уступая в малом (документ № 5). Однако академика В.И. Пичету (1878–1947) помнят и чтят, но кто помнит его хулителей?

Документ № 1 показывает, как осторожны были коллеги В.И. Пичеты по пединституту при голосовании за него на выборах в члены-корреспонденты АН СССР.

Документы № 2 и № 4 являют собой образцы публичного унижения 60-летнего педагога и крупного ученого в присутствии студентов и аспирантов. Я выбрала максимально возможные для публикации фрагменты документов, чтобы передать стилистику языковой культуры, марксистско-ленинскую схоластику, сквозящую агрессивность в речи той части общества, которая относилась к интеллигенции.

Документ № 3 являет собой текст выступления В.И. Пичеты.

Документ № 5 – это рецензия В.И. Пичеты на одну из работ, представленных к награждению Сталинской премией.

Документ № 6 – характеристика, данная В.И. Пичете, при выборах его в академики, выданная МГПИ. Документ свидетельствует о торжестве справедливости по отношению к В.И. Пичете, хотя в нем акцент смещен на работу В.И. Пичеты во Втором МГУ².

Хронологические рамки публикуемых документов относятся к 1938–1940 гг. и 1945 г. Видовой состав привлеченных документов: стенограммы заседаний Совета института, Ученого совета и заседаний кафедры истории СССР, приказы директора института и др.

По форме публикации документы представлены полностью (№ 6) и фрагментарно (№ 1–5).

Тексты печатаются в соответствии с действующими правилами русской орфографии.

Данная публикация в полной мере отвечает требованиям ныне действующих «Правил издания исторических документов в СССР» (М., 1990) и состоит из предисловия (исторической и археографической части), собственно документов, а также вспомогательного научно-справочного аппарата, включающего комментарии по содержанию документов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Центральные архивы Москвы: Путеводитель по фондам. М., 1999. Вып. 3.
2. ЦАГМ. Ф. 586. Оп. 1.
3. ИСАРАН. <http://isaran.ru/?q=ru/fund&guid=48A4A421-3380-34E9-688F-892EBF95CC32&ida=1>
4. ЦИАМ. Ф. 363.

¹ 14 сентября 1930 г. В.И. Пичета был арестован в Минске по «академическому делу», обвинен в великодержавном шовинизме, белорусском буржуазном национализме и прозападной ориентации. Коллегией ОГПУ 8 августа 1931 г. приговорен к высылке на пять лет. Сослан в Вятку, где работал нормировщиком, секретарем и экономистом-плановиком в кооперативе общественного питания. Освобожден досрочно 26 апреля 1935 г. (полностью реабилитирован 20 июля 1967 г.) [3].

² Второй МГУ существовал в 1918–1930 гг. Затем на его базе было создано три вуза, в том числе и МГПИ (см. [1. С. 61; 4. Ф. 363; 2. Ф. 714]).

ИЗ ПРОТОКОЛА № 3 ЗАСЕДАНИЯ СОВЕТА МГПИ О ВЫДВИЖЕНИИ
КАНДИДАТОВ В ЧЛЕНЫ-КОРРЕСПОНДЕНТЫ АКАДЕМИИ НАУК СССР
15 ноября 1938 г. г. Москва

Повестка дня: О выдвижении кандидатов в члены-корреспонденты Академии
Наук СССР

«Постановили:

рекомендовать в члены-корреспонденты АН СССР следующих товарищей:
[...] 2) тов. Пичета Владимир Иванович, профессор кафедры истории народов
СССР МГПИ (за – 18 голосов, против – 4 [голоса], воздержались – 11)¹.

ЦАГМ. Ф. 586. Оп. 1. Д. 57. Л. 90, 95–98. Подлинник. Машинопись.

*АРАН. Ф.411. Оп. 3. Д.85. Л. 38. Заверенная выписка от 23.11.1938 из протокола.
Машинопись.*

ИЗ СТЕНОГРАММЫ ЗАСЕДАНИЯ СОВЕТА МГПИ

31 января 1939 г.

г. Москва

Повестка дня: доклад зав. учебной частью тов. Черепанова

Слушали:

Студент [тов.] Северьянов: «А как обстоит дело у историков? Студенты и аспиранты, с которыми мне приходилось беседовать, говорят: У нас часто преподают не историю народов, а историю царей и князей. Это очень большая ошибка. Профессорско-преподавательский состав должен об этом подумать и сделать соответствующие выводы...»

Проф[ессор А.В.] Шестаков²: «Здесь говорилось о том, что историки изучают историю царей, князей и всяких исторических персонажей, но мало занимаются изучением народа. В этом есть известная доля правды. У нас получился некоторый перегиб в нашей преподавательской практике. Вместо того чтобы действительно нащупать правильную научную линию в вопросе о роли личности в истории, у нас несколько перегнули в сторону этой личности и личность стала иногда подменять тот материал, который должен дать историю народов, их жизни.

Я бы сказал, что это явилось в известной степени неправильной реакцией на ту борьбу школы [М.Н.] Покровского, которая еще до сих пор не доведена до конца. Сейчас эта борьба облегчается наличием такого замечательного произведения, как «Краткий курс истории партии»⁴, и Постановление ЦК партии от 14 ноября 1938 г.³ В этом документе, так же, как и в «Кратком курсе», есть специальное указание относительно борьбы со всеми неверными, ошибочными, антимарксистскими, антиленинскими установками школы [М.Н.] Покровского в области истории.

Указания, сделанные в последнем приказе комитета⁵, относящиеся к истории вообще и, в частности, истории СССР, являются как бы продолжением общей линии выправления исторического фронта и требуют большой работы в том направлении, чтобы преподавание истории и научная разработка проблем истории была поставлена в соответствие с тем, что требует от нас марксистско-ленинская историческая наука.

В приказе комитета отмечается не только этот общий недостаток, имеющий место на историческом фронте, но и недостатки в работе нашего исторического факультета и наших кафедр. Я считаю, что здесь имеются специальные указания, которые относятся к кафедре, возглавляемой мною. Эти указания связаны

с выступлениями проф[ессора В.И.] Пичета, который в лекциях по истории Октябрьского восстания [19]17 г. допустил целый ряд политических ошибок. Об этих ошибках было напечатано в «Педвузовце»⁶, в статье под названием «Оговорки проф[ессора В.И.] Пичета». По вопросу об этих политических ошибках проф[ессора В.И.] Пичета кафедра имела ряд заседаний, на которых эти ошибки были вскрыты и обсуждены. Было созвано большое открытое собрание кафедры по вопросам, касающимся этих ошибок. На собрании принимали участие студенты. Проф[ессор В.И.] Пичета подробно разъяснил свои ошибки. Проф[ессор В.И.] Пичета опубликовал письмо в редакцию «Педвузовца», в котором изложил характер своих ошибок и разъяснил их.

На этих ошибках мы кое-чему научились, но я считаю, что кафедра из этих ошибок сделала еще не все выводы. На последнем заседании кафедры говорилось о вялости работы кафедры истории СССР, и эта вялость работы еще имеет место. В итоговом докладе, который я сделал на заседании кафедры 29 января⁷, я отмечал, что работа кафедры идет неудовлетворительно, что работа кафедры страдает целым рядом недостатков. В прениях по моему докладу была отмечено, что в работе кафедры нет достаточной политической заостренности, что одна из ведущих политических кафедр стоит в этом смысле не на высоте, что эта кафедра по своим возможностям могла бы сделать гораздо больше и что она многих своих задач не выполнила. Особенно отмечалось, что недостаточно была проведена работа по внедрению в преподавание указаний «Краткого курса истории партии». Борьба с ошибками школы [М.Н.] Покровского, которые еще остались в какой-то степени в нашем преподавании, велась недостаточно.

Во всяком случае те ошибки, о которых мы говорили, в связи с выступлением проф[ессора В.И.] Пичета близки по своему значению к старым отрывкам школы [М.Н.] Покровского, с которыми нужно вновь и вновь широко и основательно поставить борьбу в нашем преподавании, в нашей работе со студентами, особенно кончающими студентами и аспирантами, у которых в этом отношении еще много непроработанных мыслей.

Работа с аспирантами была также обсуждена у нас на кафедре, причем указывалось, что не было политической заостренности этой работы, имела место некоторая расхлябанность в работе аспирантов, что объясняется недостаточным их сплочением вокруг работы кафедры.

Говорю об этом потому, что считаю указания, сделанные в приказе комитета специально по нашей кафедре совершенно справедливыми.

Наше обсуждение этого приказа на кафедре 29 декабря⁸ дало нам очень большой материал, дало нам возможность нащупать основные ошибки в нашей работе. Они сейчас выяснены, линия на их исправление взята и думаю, что при нашем ближайшем докладе мы сумеем получить от нашего руководства еще более точные указания и сумеем выправить работу нашей кафедры [...]

ЦАГМ. Ф. 586. Оп. 1. Д. 73. Л. 34 об., 36–38 (с об.). Машинопись.

№ 3

ИЗ СТЕНОГРАММЫ ЗАСЕДАНИЯ УЧЕНОГО СОВЕТА МГПИ:

15 декабря 1939 г.

г. Москва

Повестка дня: «Утверждение плана научно-исследовательских работ на 1940 г.». Доклад [тов.] Тетюрева

Слушали: выступления в прениях

⁶ Так в тексте. Это ошибка. Речь идет о 29 января, так как Всесоюзный комитет по делам высшей школы принял специальное решение о работе МГПИ 16 января 1939 г.

В.И. Пичета: «Я хотел бы коснуться ряда вопросов по заслушанному докладу. Мне кажется, что целый ряд замечаний о работе отдельных кафедр нашего института был правильным. Работая здесь в институте, я пришел к выводу, что наше учреждение довольно мертвое и лишенное общественного духа. Это я нахожу в том, что наш институт почти никогда не отзывается на те явления нашей жизни, которые интересуют всю советскую общественность.

Мы, как педагогический институт, должны, прежде всего, воспитывать и научно и общественно нашу учащуюся молодежь. Поэтому обращение внимания на отдельные юбилейные даты, которыми интересуется вся наша советская общественность, я считаю существенно необходимым политически и общественно важным.

Вот у нас были юбилеи, например, юбилей [Н.Г.] Чернышевского. Вся советская общественность этот юбилей праздновала. Неужели кафедра истории СССР так бедна своими силами, что она не могла организовать этот юбилей вместе с кафедрой истории литературы? Неужели кафедра истории литературы так бедна, что не могла организовать юбилей, посвященный [М.Ю.] Лермонтову, с привлечением кафедры истории СССР, потому что нельзя изучать [М.Ю.] Лермонтова, не говоря об эпохе [М.Ю.] Лермонтова. Однако я не знаю, была ли такая сессия на кафедре истории литературы, но кафедра истории СССР в этом не принимала никакого участия.

И затем, вследствие того, что наши студенты не привыкли принимать участие в таких общественных заседаниях и конференциях, такие конференции, когда они у нас происходят, отличаются поразительной малолюдностью.

Кроме того, я считаю, что мы в значительной степени не выполняем свою работу по отношению к своим аспирантам. Ведь наши аспиранты должны на кафедрах учиться научно работать. Как может аспирант научно работать? Он работает с преподавателем, с руководителем, но он должен также учиться работать на [примере] работы кафедры.

И я считаю, что чтение научных докладов, устройство конференций, где научные работники кафедры показывают результаты своей работы, устройство различных конференций по тем или другим темам или просто научных конференций без определенной тематики, а только согласно заявкам отдельных преподавателей, должны быть величайшим импульсом для творчества и аспирантов, и профессоров, и преподавателей.

Однако в течение двух лет работы в институте я этого не вижу. Почему могут устраивать такие конференции университет, ИФЛИ⁸, Институт имени [Карла] Либкнехта⁹, а Педагогический институт никогда этого не делает? Неужели мы так бедны силами, что не можем организовать научную конференцию? А мы этим самым не выполняем свои определенные задачи, мы не приучаем нашу молодежь научно мыслить и разбираться в целом ряде научных вопросов и проблем.

Мне кажется, что если мы в этой области не сделаем радикального поворота, то никакого радикального сдвига в нашей работе не будет.

Затем, конечно, каждый из научных работников нашего института должен быть научным работником, т.е. должен работать научно. Но, конечно, научная работа каждого преподавателя определяется не тем, что он напишет одну статью в полтора печатных листа в трудах нашего института. Кстати, два года я слышу разговор об издании трудов нашего института и из этого ровно ничего не вышло. Конечно, будет очень хорошо, если мы успеем напечатать в будущем году, но, судя по опыту моего двухлетнего пребывания в институте, можно несколько скептически относиться к тому, что мы все это сделаем.

Я думаю, что нужно расценивать работу каждого преподавателя по совокупности всех его научных работ. Тогда выявится его научное лицо.

Как же научный работник будет печатать свою работу в институте, когда ему дают 1 или 1,5 листа? Ведь никакая серьезная работа не может быть напечатана в таком объеме.

Вот я по нашему учебному плану должен выполнить одну работу. Работа выполнена, 340 страниц перепечатано на машинке. Я знаю, судя по сегодняшнему докладу, что нет даже смысла предлагать свою работу для печатания. Отдельными главами я печатать не буду, не собираюсь, а она будет напечатана в другом учреждении, в Белорусской академии наук¹⁰. Но я человек честный и попрошу Белорусскую академию наук поставить: член Московского педагогического института.

ЦАГМ. Ф. 586. Оп. 1. Д. 75. Л. 175–179 с об. Подлинник. Машинопись.

№ 4

ИЗ СТЕНОГРАММЫ ЗАСЕДАНИЯ КАФЕДРЫ ИСТОРИИ СССР

17 февраля 1940 г.

г. Москва

Повестка дня: обсуждение учебника «История СССР»¹¹

Слушали: [тов.] Бернштейн¹²: «[...] товарищ Сталин указывает на то, что историческая наука, если она хочет быть действительной наукой, не может больше сводить историю общественного развития к действиям завоевателей и покровителей государств, а должна, прежде всего, заняться историей производителей материальных благ, историей трудящихся масс, историей народов [...]

Вместе с тем мы слышали от весьма авторитетного нашего сочлена В.И. Пичета полуйроническое отношение к [С.М.] Соловьеву. Из его слов выходило, что сейчас [С.М.] Соловьев для нас важен только как справочник, как энциклопедический словарь, ни больше и ни меньше [...] Мне кажется, что всякое пренебрежительное отношение к исторической философии [С.М.] Соловьева указывает на то, что мы недопонимаем задач настоящего момента, задач марксистского построения истории, недопонимаем того, каким путем можно построить историю СССР, пользуясь настоящим диалектическим материализмом. Мне представляется, что [С.М.] Соловьев сравнительно с его продолжателями – и школой [В.О.] Ключевского и школой [М.Н.] Покровского – в историко-философском отношении стоит куда выше. Именно его широкая образованность, его философская выдержанность обеспечили ему возможность широко осветить русский исторический процесс на фоне мировой истории. Этого ни у [М.Н.] Покровского, ни у [В.О.] Ключевского сделано не было.

Поэтому задача марксистской историографии в настоящий момент заключается в том, чтобы сделать с [С.М.] Соловьевым то, что сделал Маркс с Гегелем, т.е. поставить его с головы на ноги, идеалистическую концепцию превратить в концепцию материалистическую. А если мы будем считать незыблемыми авторитетами для нас [В.О.] Ключевского, [Н.А.] Рожкова¹³, а к [С.М.] Соловьеву будем возвращаться только за справками, игнорируя его философию истории, то мы серьезно этот вопрос вперед не двинем [...]

[К.П.] Новицкий¹⁴: «[...] На прошлом заседании кафедры после обстоятельного доклада тов. Кудрявцева¹⁵ были высказаны два противоположных взгляда на учебник. Это взгляд проф[ессора В.Н.] Бочкарева¹⁶ и взгляд В.И. Пичета. Проф[ессор В.Н.] Бочкарев выступил с резкой критикой учебника и в этой критике указал, на мой взгляд, на целый ряд серьезных дефектов, имеющихся в учебнике. Проф[ессор В.Н.] Бочкарев, между прочим, остановился и на XVIII столетии и указал, что авторы, писавшие этот раздел, [В.И.] Лебедев¹⁷ и особенно академик [Ю.В.] Готье¹⁸, построили свое изложение не вполне удовлетворительно и что в этом изложении имеется целый ряд фактических ошибок.

Эти, на мой взгляд, правильные указания [В.Н.] Бочкарева встретили резкий отпор со стороны [В.И.] Пичета. [В.И.] Пичета буквально обрушился на [В.Н.] Бочкарева и, на мой взгляд, без достаточных для этого оснований. В.И. Пичета является одним из составителей этого учебника и это, мне кажется, обязывало его воспринимать критику не так страстно и не так резко. Особенно в своих возражениях он должен был бы быть более основательным.

У меня создалось впечатление от выступления В.И. Пичета, которое я не могу охарактеризовать иначе, как головокружение от успеха. Головокружение – это очень плохая вещь, оно мешает часто объективной и беспристрастной оценке плодов своей собственной работы. Но В[ладимир] И[ванович] не защищал своей работы, потому что против него не только не было выставлено никаких упреков, а наоборот, проф[ессор В.Н.] Бочкарев в своем выступлении даже одобрительно отозвался о той части материала, которая написана В.И. Пичета. В[ладимир] И[ванович] особенно выступил в защиту XVII века и в своем выступлении, насколько я припоминаю, он резко отклонил все те упреки в погрешности этого отдела, которые выставил проф[ессор В.Н.] Бочкарев. Я должен сказать, что тут В.И. [Пичета] просто допустил возражения, направленные против существенных и реальных замечаний [...] Здесь не выработан стиль нужного нам учебника. Ведь есть разница между учебным пособием, учебником и справочником. Вот элементы этих разных видов имеются в этом учебнике. А между тем нам нужен не справочник, потому что эта задача исторической энциклопедии; нам нужно не учебное пособие, которое имеет свои особенности. Нам нужен учебник по истории СССР для вузов, но не в стиле курса [В.О.] Ключевского, о котором говорил проф[ессор В.Н.] Бочкарев, я здесь согласен с В.И. Пичета, не в стиле этого курса учебник, который не имеет образца в прошлом и в этом трудность его создания. Над этим учебником нужно еще много и много работать. Но прежде чем приступить к написанию учебника [...] нужно очень хорошо поработать над составлением научной программы курса. Без научно разработанной программы курса, без программы унифицированной нельзя строить учебник.

[А.В.] Шестаков: «[...] Больше всех такими [неумеренными] похвалами награждал авторский коллектив тоже здесь отсутствующий сегодня, один из членов нашей кафедры, соавтор учебника В.И. Пичета. О нем сегодня уже было сказано К.П. Новицким, что он похож на человека, у которого несколько закружилась голова от успеха¹⁹. Я не знаю, от чего закружилась голова у В[ладимира] И[вановича]; был ли тут виноват успех, или она просто закружилась от каких-либо других причин, но во всяком случае в его выступлении, которое мы слышали в прошлый раз, было много таких постановок вопросов, которые несколько смутили, если не нас всех, то меня, смутили потому, что В[ладимир] И[ванович] нам рассказал прежде всего об очень необычных условиях, в которых создавался учебник [...] Прежде всего, например, о том, что в отдельных частях или в самой постановке вопросов, в разрешении их виноват Соцэргиз²⁰ и, в частности, какой-то Вовк²¹, который поглотил из этой Красной шапочки целый ряд страниц, целый ряд глав, одним словом, скушал, причем многое – из финансовых соображений²².

Вот отсюда и получилось то, что обеспечило недостаточно хороший характер учебника. Виноваты были корректоры, виновата была типография.

И тут же, когда уже как будто бы признано было, что в учебнике много прорех всякого рода, В[ладимир] И[ванович] заявляет, что учебники создавались вообще эпохами. Вот была эпоха [С.М.] Соловьева, была эпоха [В.О.] Ключевского, теперь советская эпоха создала этот учебник. Это тоже буквальное выражение В[ладимира] И[вановича].

Я думаю, что вся та критика, которая сейчас обрушена и правильно обрушена на этот учебник, показывает нам, что этот учебник, созданный, как В[ладимир] И[ванович] заявил, в три месяца, далеко не оправдал тех надежд, которые на него

возлагались, и говорить так, что советская эпоха создала этот учебник, это, я бы сказал, значит несколько обижать советскую эпоху.

В самом деле, В[ладимир] И[ванович], несмотря на недостатки, все же очень большого мнения об учебнике. Ведь вот как он говорит, сравнивая этот учебник с работами [В.О.]Ключевского и [М.Н.] Покровского. Он признает таланты [М.Н.] Покровского и [В.О.] Ключевского, говорит, что они будят мысль, что он часто держит на столе у себя [В.О.] Ключевского и [М.Н.] Покровского и теперь еще держит на столе, но пройдет, говорит он, несколько лет и студенты будут читать только (это не совсем буквально, но так вытекает) этот академический учебник [...]

Просить за В.И. Пичета извинения перед В.Н. Бочкаревым, к которому эта стенограмма попадет. Извинения в некоторых неудобных формулировках, которые были допущены В.И. Пичета [...]

Резюме: выступление академика²³ В.И. Пичеты дезориентирует нас, дезориентирует нашу молодежь.

ЦАГМ. Ф. 586. Оп. 1. Д. 116. Л. 1–35. Подлинник. Машинопись.

№ 5

ИЗ СТЕНОГРАММЫ ЗАСЕДАНИЯ УЧЕНОГО СОВЕТА МГПИ

9 октября 1940 г.

г. Москва

Повестка дня:

1. Доклад зав. кафедрой основ марксизма-ленинизма тов. Чистосердова.
2. Обсуждение кандидатур на Сталинскую премию²⁴.

Слушали:

[...] 2. Декан исторического факультета [Александр Зиновьевич] Ионисиани²⁵: «[...] Совет факультета, обсудив кандидатуры, которые были выдвинуты частью кафедрами, частью личным заявлением претендентов соискателей, остановился лишь на одной кандидатуре профессора Николая Григорьевича Тарасова²⁶.

Николай Григорьевич Тарасов, как он сегодня заявил в своем выступлении, написал работу, которую закончил в 1940 г. Работа его называется «Методика преподавания гражданской истории в средней школе». Эта работа прошла целый ряд длительного ее изучения, специально выделенной комиссией, затем внутренней редакцией очень тщательно, затем была подвергнута внешней редактуре и отзывам. На отзывы работа была послана двум историкам – академику^b Пичета и проф[ессору А.В.] Шестакову, кроме того, она была послана на отзыв проф[ессору] педагогики тов. Риверс и профессору психологии [тов.] Козлову [...]

Проф[ессор В.И.] Пичета считает названную работу выдающимся исследованием. Он считает эту работу работой эпохиального (как он говорит) значения. Он подчеркивает, что в этой работе историк, исследователь и теоретик объединились с педагогом-практиком. Он указывает на то, что эта работа является первым опытом построения курса методики преподавания гражданской истории на основе марксистско-ленинской теории, что это ценное пособие, которое вооружает практикой научной проверенной методикой преподавания.

Особенно отмечается, что в этом исследовании автор, выражаясь словами рецензента, с юношеской страстностью развертывает борьбу против буржуазных взглядов и методов преподавания истории, причем обнаруживает исключительно всестороннее, замечательное по своей глубине знакомство с зарубежной литературой как современной, так и прошлой [...] Автор поразительно минует методический формализм [...]

^b Так в тексте.

Мы нашли недостаточными эти выводы и попросили сказать, можно ли здесь сделать вывод, что эту работу можно рекомендовать в качестве такой работы, которая может быть достойна Сталинской премии.

После этого он дал в своей рецензии следующее дополнение [...]:

«Ввиду высокого качества труда профессора Н.Г. Тарасова, его научной и политической актуальности считаю, что работа проф[ессора Н.Г.] Тарасова полностью отвечает тем высоким качественным требованиям, которые предъявляются трудам, представляемым на получение премии имени тов. Сталина. Ввиду этих соображений я позволю себе рекомендовать труд проф[ессора Н.Г.] Тарасова на соискание Сталинской премии»²⁷ [...]

ЦАГМ. Ф. 586. Оп. 1. Д. 101. Л. 143-168. Подлинник. Машинопись.

№ 6

НАУЧНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ВЛАДИМИРА ИВАНОВИЧА ПИЧЕТА – ЧЛЕНА-КОРРЕСПОНДЕНТА АН СССР

1946 г.

г. Москва

МГПИ им. В.И. Ленина поддерживает кандидатуру профессора, доктора исторических наук, члена-корреспондента АН СССР в действительные члены²⁸ А[кадемии]Н[аук].

В.И. Пичета в настоящее время является крупнейшим из советских историков-славистов. Его исследования по истории западных и южных славян широко известны не только в СССР, но и за границей, особенно, в братских славянских странах.

В.И. Пичета будет возглавлять работу вновь организуемого института по истории славян в системе А[кадемии]Н[аук]. Его выдвижение в действительные члены А[кадемии]Н[аук] явится естественным признанием со стороны нашей общестственности его крупных заслуг на одном из наиболее ответственных участков советского исторического фронта. В.И. Пичета был в свое время профессором МГПИ им. В.И. Ленина (тогда Второго МГУ) и оставил здесь самую хорошую память своими лекциями, докладами и семинарами.

За последние годы В.И. Пичета выступал не раз в качестве официального оппонента на докторских и кандидатских диспутах, происходивших в стенах нашего института. Его выступления производили на присутствующих большое впечатление своей глубокой эрудицией.

Архив РАН. Ф. 411. Оп. 3. Д. 85 б. Л. 36. Подлинник. Машинопись. За подписями директора института и декана исторического факультета, скрепленными основной печатью института.

Примечания

¹ В ходе обсуждения В.И. Пичете задавались вопросы о политических взглядах, говорилось о его репрессии и последующей реабилитации в 1934 г.

² Архив Российской академии наук: Путеводитель по фондам (Москва). М., 2008. С 428–429.

³ Книга вышла в свет в 1938 г. и была одобрена ЦК ВКП (б).

⁴ Постановление называлось «О постановке партийной пропаганды в связи с выпуском “Краткого курса истории ВКП (б)”».

⁵ Имеется в виду Всесоюзный комитет по делам высшей школы.

⁶ Многотиражная газета (или многотиражка), выходившая в те годы в пединституте.

⁷ Всесоюзный комитет по делам высшей школы принял специальное решение о работе МГПИ 16 января 1939 г. Это решение обсуждалось на заседании кафедры.

⁸ Московский институт философии, литературы и истории им. Н.Г. Чернышевского [1. С. 91].

⁹ Московский государственный педагогический институт им. Карла Либкнехта [1. С. 82].

¹⁰ Вероятно, речь идет о труде «История Белоруссии до 1866 г.», т. 2, в котором из 55 печатных листов 38 печатных листов написаны В.И. Пичетой (АРАН. Ф. 411. Оп. 3. Д. 85 б. Л. 16).

- ¹¹ Учебник для вузов «История СССР с древнейших времен до конца XVIII века» был подготовлен авторским коллективом Института истории АН СССР, кафедры истории СССР исторического факультета МГУ в составе Б.Д. Грекова, Ю.В. Готье, В.И. Пичеты, С.В. Бахрушина, В.И. Лебедева. Первое издание учебника вышло в 1939 г. Вся научная общественность отметила огромное значение этой работы. В ходе общественного обсуждения на страницах профессиональной печати высказывались отдельные замечания к этой работе. В 1947 г. Госполитиздат выпустил в свет 2-е изд. учебника, дополненное и доработанное его авторским коллективом, с учетом высказанных замечаний.
- ¹² Возможно, речь идет о Д.И. Бернштейне, преподавателе МГПИ. См. Центральный архив – музей личных собраний. Путеводитель. М., 2008. Коллекция документов студентов Московского государственного педагогического института «Коммуна-33» (ЦАМЛС. Ф. 193. Ед.хр. 40, 1924–1993 гг. Оп. 1).
- ¹³ Н.А. Рожков (1868–1927) – историк. Член ЦК РСДРП (с 1907 г.) и Русского бюро ЦК (1907–1908), меньшевик. В мае–августе 1917 г. – товарищ министра почт и телеграфа Временного правительства. В 1921–1922 гг. подвергался арестам, от политической деятельности отошел. Его труды: «Обзор русской истории с социологической точки зрения» (1903–1905. Ч. 1–2), «Русская история в сравнительно-историческом освещении» (1918–1926. Т. 1–12) и др.
- ¹⁴ К.П. Новицкий (1879–1960) – журналист, политический деятель, с 1904 г. член РСДРП. В 1921 г. был привлечен к редакционной работе по подготовке сочинений В.И. Ленина. Преподавал в Коммунистическом университете им. Я.М. Свердлова, в МГУ. В 1926–1931 гг. был председателем литературного отделения этнологического факультета, а после его реорганизации работал деканом факультета литературы и искусства Первого МГУ. В 1931–1932 гг. руководил редакционным отделением и кафедрой редатуры в Научно-исследовательском институте полиграфической и издательской промышленности. В 1930 г. вошел в состав Государственного ученого совета (ГУС) Наркомпроса РСФСР по социально-экономической секции, являлся действительным членом Государственной академии искусствознания по сектору русской литературы, действительным членом Центрального научно-исследовательского педагогического института национальной истории (ЦНИПИИ) по историко-педагогическому сектору. В 1932–1937 гг. преподавал в Московском институте народного хозяйства им. Г.В. Плеханова (1932–1937). С 1936 г. занимал должность зам. директора Института по учебной и научно-исследовательской работе. В 1937–1940 гг. – профессор МГПИ им. В.И. Ленина, в 1941–1942 гг. – профессор Московского пединститута им. К. Либкнехта (1941–1942). Осенью 1942 г. вернулся на основное место работы в МИНХ им. Г.В. Плеханова.
- ¹⁵ Возможно, имеется в виду И.А. Кудрявцев (1903–1972), историк. Выпускник Института красной профессуры (1936). С 1936 г. работал в редакциях журналов «Вопросы истории», «Исторический журнал», преподавал в МГПИ. С 1954 г. был доцентом кафедры истории СССР Московского государственного историко-архивного института.
- ¹⁶ В.Н. Бочкарев (1880–1967) – историк, профессор, заслуженный деятель науки РСФСР. Окончил Императорский московский университет (1906), был оставлен при кафедре русской истории для подготовки к научной деятельности под руководством В.О. Ключевского. С 1907 г. преподавал на Московских высших женских педагогических курсах им. Д.И. Тихомирова, затем на Московских высших женских курсах. В 1915 г. защитил диссертацию и получил звание приват-доцента, а в 1917 г. – профессора. Преподавал в высших учебных заведениях Москвы, Коломны, Нижнего Новгорода, Твери, Ярославля. В 1930 г. был арестован. После освобождения преподавал в МГПИ.
- ¹⁷ В.И. Лебедев (1894–1966) – историк, археограф, исследователь народных движений XVII–XVIII вв., реформ Петра I, профессор МГУ. С 1924 г. преподавал в Коммунистическом университете трудящихся Востока, Коммунистическом университете им. Я.М. Свердлова, Институте красной профессуры и МГПИ. Автор «Истории СССР до XIX в.: Курс лекций». М., 1939 (5 изданий) и др.
- ¹⁸ Ю.В. Готье (1873–1943) – историк. Ученик П.Г. Виноградова и В.О. Ключевского. С 1903 г. – приват-доцент кафедры русской истории Императорского московского университета. Преподавал на Высших женских курсах, в Константиновском межевом институте, Университете Шаняевского. В 1913 г. защитил докторскую диссертацию «История областного управления в России от Петра I до Екатерины II». В 1917 г. – профессор Императорского московского университета. Читал курсы русской истории, археологии, архивоведения. В 1920-е годы Ю. В. Готье руководил отделом истории России XVIII в. в Историческом музее. До 1930 г. был заместителем директора Румянцевского музея (впоследствии Государственная библиотека СССР им. В.И. Ленина). С декабря 1922 г. – член-корреспондент Российской АН. В 1930 г. Готье был арестован по «академическому делу», выслан на пять лет в Самару, но в 1933 г. ему разрешили вернуться в Москву. Преподавал в Историко-архивном институте, МИФЛИ, с 1939 г. – в МГУ. В 1939 г. избран действительным членом АН СССР. Основные труды по археологии Европы, землевладению Замосковского края в XVII в., областному управлению XVIII в. (см. «Архив Российской академии наук: Путеводитель по фондам (Москва): фонды личного происхождения». М., 2008. С 118–119).

- ¹⁹ В.И. Пичета в эти годы был членом-корреспондентом АН СССР. Несколько раз за короткий промежуток времени преподаватели МГПИ публично называли Пичету «академиком». Очевидно, это была форма ерничества над ним.
- ²⁰ Соцэкгиз – Издательство социально-экономической литературы – было образовано в 1930 г. В 1941 г. Соцэкгиз был слит с Госполитиздатом, в 1957 г. вновь выделен в самостоятельное издательство, в 1963 г. к Соцэкгизу были присоединены издательства Высшей партийной школы и Академии общественных наук при ЦК КПСС и Географгиз. Образованное издательство получило название «Мысль».
- ²¹ Вульгарно-развязная манера обыграть слова волк и фамилию сотрудника издательства Вовк.
- ²² Вульгарно-развязная манера привязать фамилию сотрудника издательства Вовк, называя его волком, к персонажу сказки «Красная шапочка», под которой имелась в виду «История СССР с древнейших времен до конца XVIII века».
- ²³ В этот период В.И. Пичета был членом-корреспондентом АН СССР.
- ²⁴ Сталинская премия была учреждена в 1939 г.
- ²⁵ А.З. Ионисиани – профессор, декан (1934–1941) МГПИ.
- ²⁶ Н.Г. Тарасов (1866–1942) – краевед и педагог, специалист в области методики преподавания истории. Доктор педагогических наук (1940), профессор, заслуженный деятель науки РСФСР (1940). Окончил историко-филологический факультет Императорского московского университета (1891), продолжал образование в Сорбонне и Берлинском университете. Преподавал в гимназиях г. Москвы. С 1938 г. заведовал кафедрой методики истории МГПИ. Один из авторов первого учебника по истории СССР для начальной школы («Краткий курс истории СССР», под ред. А.В. Шестакова, 1937). Основные труды: «Из истории русской культуры. М., 1908–1913. Вып. 1–14; «Массовые обществоведческие экскурсии и общественно-полезный труд. Теория и практическое оформление». М., 1927; Справочник о составе и содержании фондов научного архива Академии педагогических наук СССР. М., 1990. С. 171–172 и др.
- ²⁷ Сталинскую премию Н.Г. Тарасов не получил.
- ²⁸ 30 ноября 1946 г. избран академиком АН СССР по Отделению истории и философии.

Древняя Русь в средневековом мире. Энциклопедия. М., 2014. 992 с., илл.

Рецензируемая научная работа представляет собой, без всяких преувеличений, несомненный вклад в изучение Древней Руси и средневекового мира в целом. Она синтезирует многообразные и многолетние конкретные исследования различных сторон исторического бытия Древней Руси, поэтому является обобщающей и междисциплинарной. Благодаря такой методике создается одновременно полиаспектный и целостный образ одного из древнейших государств Европы. Именно в силу этой специфики подачи материала особенно ясно проявляется общее и особенное в историческом развитии Древней Руси. Главная задача данного труда – продемонстрировать значимость Древней Руси в средневековой цивилизации. Для реализации этой задачи избрана форма не коллективной монографии, а энциклопедии. Это представляется оправданным по целому ряду причин. Именно энциклопедия позволяет охватить результаты исследований многих конкретных дисциплин от археологии до лингвистики, включить в пространство информации феномены различного характера, вариативного содержания и ценности, уделив внимание явлениям не только первого ряда. Избранный жанр сделал возможным освещение развития Древней Руси в общеευразийском контексте, что более рельефно обозначило ее положение между Западом и Востоком. Сведения о Древней Руси даны полно и подробно, что выгодно отличает данную энциклопедию от аналогичных по жанру изданий по отечественной истории. В книгу, работа над которой продолжалась около двадцати лет, включены все основные новейшие научные данные, что делает ее ценнейшим сводом по истории Древней Руси. В работе активно используются данные зарубежных источников

о Руси, что представляет собой значительное обогащение источниковедческой базы. Поэтому не должен удивлять объем книги, достигающий почти 1000 страниц. В книге содержится более 3000 энциклопедических статей, написанных ведущими специалистами России, а также Украины и Белоруссии, что позволило учесть новые, но, естественно, только научно обоснованные концепции украинских и белорусских ученых. Книга богато и, что самое главное, продуманно иллюстрирована и издана на высоком полиграфическом уровне. Но именно он, к сожалению, определяет весьма высокую цену книги, поэтому для ее адресата – специалистов, преподавателей, студентов, любителей истории она сможет быть легко доступной, лишь когда появится ее электронная версия.

Особо следует отметить общий методологический принцип данной энциклопедии. Он состоит в привлечении только научно обоснованных и доказанных фактов, что предполагает строгую научность и предельную объективность изложения материала, не допускающую никакой актуализации и политизации древних реалий и сюжетов, что противостоит современными негативным тенденциям «ангажированности» изучения истории. Имеющиеся в науке концепции по той или иной проблеме в соответствующих статьях энциклопедии упоминаются, но не анализируются; тем самым полемический элемент из работы устранен, хотя в отдельных случаях справедливо указывается на несостоятельность некоторых взглядов. Теоретические обобщения и построения в работе сведены к минимуму, очевидно во избежание непродуктивной полемики, что, однако, несколько обедняет картину развития Древней Руси, сводя ее преимущественно к фактологической стороне. Например, зна-

менитое нашествие кочевников позиционируется как «монгольское нашествие», но его оценки отсутствуют (с. 511–514). Хронологически книга охватывает IX – середину XIII в., т.е. период существования самостоятельного Древнерусского государства, что вполне оправданно.

Материал энциклопедии настолько обширен и многопланов, что рассмотреть его в одной рецензии не представляется возможным. В данном случае будет рассмотрен аспект взаимоотношений Древней Руси с остальным славянским миром, каким он представлен в энциклопедии.

Круг статей лингвистического характера, связанный с кирилло-мефодиевской проблематикой, содержит в себе все основные сведения. В статье «Азбука» (с. 12–14) констатируется дискуссионность многих вопросов, в том числе, что раньше появилось – глаголица или кириллица и кто были их создатели. Чрезвычайный лаконизм статьи, к сожалению, оставляет читателя в некотором недоумении относительно наиболее доказанных и утвердившихся в науке точек зрения. В статье же «Глаголица» (с. 183–185) четко сказано, что эта азбука создана раньше кириллицы и, очевидно, св. Константином-Кириллом. То же самое утверждает и Т.В. Рождественская в статье «Кириллица» (с. 387–388), где ее возникновение отнесено к эпохе Симеона, что, однако, противоречит данным статьи «Болгария», в которой говорится о введении кириллицы при Борисе I (с. 74). В статье «Реймское евангелие» (с. 677–678) А.А. Турилов справедливо поддерживает версию чешских ученых о связи кириллической части текста, возникшей на Руси, с Сазавским монастырем, а глаголической – с пражским монастырем На Слованех (XIV в.), что говорит о значительном развитии славянской письменности в средневековой Чехии – феномене, ставящемся под сомнение рядом современных исследователей. Также важно, что А.А. Турилов в статье «Сказание о русской грамоте» (с. 745–746) обращает внимание на малоизвестный факт почитания св. Войтеха на Руси до конца XI в. В статье «Кирилл и Мефодий» (с. 386–387), посвященной собственно солунским братьям, Б.Н. Флоря дает лаконичную, но четкую и ёмкую характеристику их деятельности, необходимую для понимания влияния кирилло-мефодиевской миссии на древнерусскую церковь и культуру. В списке литературы к статье хотелось бы видеть некоторые работы современных чешских исследователей.

В статье «Болгария» (с. 73–74), в целом добротной написанной, есть не совсем точная формулировка: «Ко временам правления Бориса I относится деятельность Кирилла и Мефодия, учеников Мефодия...», из которой можно заключить, что солунские братья жили в Болгарии в это время, что, как известно, не соответствует истине. Весьма категорично утверждение, что в X в. в Болгарии «не создавались оригинальные произведения». Русский читатель может узнать, что это далеко не совсем так, обратившись к публикации «Родник златоструйный. Памятники болгарской литературы IX–XVIII веков» (сост., пер. И.И. Калиганов, Д.И. Польшвинный. М., 1990).

Польские взаимосвязи представлены очень полно и источниковедчески основательно, в чем главная заслуга принадлежит А.В. Назаренко. В статье «Польша» (с. 638–640) подробно говорится о первых этапах становления польской государственности и дальнейших военных конфликтах с Русью, не мешавших устойчивым матримониальным связям. Объективно и критически рассмотрен такой знаменитый нарративный источник, как Хроника Винцентия Кадлубека (с. 120–121). Аспекты отношений с Русью в деятельности наиболее известных правителей Польши освещены в ряде статей, посвященных Пястам, трем Мешко, трем Болеславам и двум Казимирам (автор Н.И. Щавелева). К статьям о прусских сюжетах (автор В.И. Матузова) есть ряд замечаний. Так, в статье «Пруссы» (с. 660) следовало бы упомянуть попытку их крещения, предпринятую св. Войтехом. В статье «Самбия» (одна из земель пруссов) содержится неверное сообщение о том, что там в 1255 г. «крестоносцами был основан замок Кёнигсберг» (с. 716), хотя хорошо известно, что эту крепость основал чешский король Пршемысл Отакар II во время похода на Балтику; в честь его титула она и была названа Кралевец, собственно Королевская Гора, немецкое название которой стало калькой со славянского; к тому же версия Ордена крестоносцев, которую почему-то разделяет автор статьи, никак не объясняет наличие «королевского» топонима в местах, весьма удаленных от ближайшего королевства.

По сравнению с польскими чешские сюжеты даны несколько хуже, в текстах статей ощущается недостаточное знакомство авторов с современным состоянием исследований чешских коллег, с новейшими синтетическими трудами по чешскому раннему Средневековью, что проявляется

в некоторой нечеткости подачи материала и в формулировках. Так, в статье «Моравия Великая» (лучше было бы поменять слова местами, как это принято) (с. 515) не совсем правильно указано, что это «Южная Чехия», так как географически это юг Моравии, входящий в Чешскую Республику, и юго-западная часть современной Словакии, а Южная Чехия – это иное историко-географическое пространство. Утверждение, что Великая Моравия распалась только «под натиском венгров в 906 г.» не совсем корректно, так как не учитывает внутренних дезинтеграционных процессов. В библиографии к статье почему-то отсутствуют важнейшие работы чешских и словацких исследователей. В статье «Чехия» (с. 886–887, автор А.В. Назаренко), очевидно в процессе механического сокращения текста, появилась ошибка: вышло, что св. Людмила, как и ее внук св. Вацлав, была убита будущим Болеславом I, хотя она была задушена по приказу матери обоих братьев Драгомиры. Непонятна важная для взаимоотношений Чехии и Руси фраза: «Участие русских полков в войне против Чехии на стороне польского князя Болеслава II в 1075–1076 гг., при киевском кн. Святославе Ярославиче, позволяет догадываться о дружественных отношениях между киевским кн. Изяславом Ярославичем и чешским кн. Вратиславом II». Напротив, связи Сазавского монастыря с Русью освещены основательно. Более подробно это сделано в статье «Сазавский монастырь» (с. 712), сам материал которой не подтверждает новейшего скептицизма некоторых чешских ученых (их работы надо было указать в библиографии) относительно распространности славянской письменности в раннесредневековой Чехии.

О чешско-древнерусских церковно-культурных взаимовлияниях сказано достаточно полно в ряде статей. В этом плане особую ценность имеет взаимобмен культом первых святых. В статье «Бориса и Глеба культ» (с. 79–81) отмечена «несомненная близость» их культа к культу св. Вацлава, что, конечно, объясняется прямым чешским влиянием, которое проанализировано в статье «Вацлава и Людмилы жития» (с. 108–110). Правда, к нему есть мелкие замечания. Так, читателю остаются непонятны причины убийства св. Людмилы. Неясно, почему авторы опять указывают две даты смерти св. Вацлава – 935 и 929 г., оговаривая, что последняя маловероятна, хотя в новейшей святовацлавской научной литературе первая дата

уже никаких сомнений не вызывает. Надо было указать в самом начале русское написание имени святого – Вячеслав.

Название статьи «Пршемысловичи» (дан вариант «Пржемысловичи») (с. 669) содержит неверную, хоть и распространенную транскрипцию; надо «Пршемысловцы» (с буквой р и без русификации). Это не только княжеская, как указано в статье, но и королевская династия. Этатизационная легенда об основателях династии Либуше и Пршемысле-пахаре толком не изложена, из фразы о потомках Пршемысла можно заключить, что династию завершает князь Борживой, принявший крещение. Тот же автор в статье «Козьма Пражский» (с. 405) сообщает неточные сведения: в Праге был кафедральный собор св. Вита, называть который просто «кафедра» как-то неудобно; далеко не вся «Хроника Козьмы Пражского» написана рифмованной прозой, в ней превалирует обычная проза, встречаются стихотворные строки. Автор полагает, что у Козьмы «особенно ценно описание современных событий», хотя его повествование о древнейших временах, где приводятся легенды об основании чешского государства, правящей династии и «девичьей войне» составляют наиболее значительный вклад в формирование чешской государственной традиции и идентичности.

К сожалению, в списках литературы диакритические знаки проставлены далеко не всегда и иногда неверно. Надо писать не «Боривой» (с. 108), а «Борживой». Польские имена, такие как Мешко, по-русски уже давно не склоняются. В именах типа Лешек при склонении в русском языке выпадение последней гласной не допускается нормами языка. Мелочи подобного характера несколько портят впечатление от оформления научных текстов.

Есть сомнения в правильности оформления библиографии. В постатейных библиографиях даются полностью сведения о некоторых работах и сокращенно о тех, которые включены в Библиографию, входящую в Приложения. В результате возникают некоторая путаница и технические затруднения при пользовании постатейной библиографией.

Удивляет отсутствие статей о св. Войтехе-Адальберте и Яне Длугоше, хотя в текстах энциклопедии их имена, когда они упоминаются, выделены курсивом как имеющие специальные статьи.

В энциклопедических статьях, посвященных другим странам и народам, а также их политическим и церковным деятелям,

материал дан не в целостном масштабе, а под углом зрения взаимоотношений с Древней Русью. Конечно, это значительно уменьшает корпус приводимых сведений, однако такой подход редакторов представляется обоснованным, так как в противном случае размер статей подобного рода мог разрастись до масштабов, выходящих за рамки темы данной энциклопедии. В результате усилий исследователей из данных о зарубежных славянах раннего Средневековья оказались очень точно отобранными те факты, которые свидетельствуют о связях с Русью и создают тот контекст существования и развития Древ-

ней Руси, который и является основным смыслом создания данной работы, появление которой вносит значительный вклад в осмысление значения и специфики наследия Древней Руси, причем все материалы книги базируются на строгом критическом анализе, что выгодно отличает издание от публикаций научно-популярного характера. Инициаторам данной энциклопедии можно посоветовать осуществить ее второе издание, более доступное по цене, с исправленными недочетами и расширенной библиографией.

© 2016 г. Г.П. Мельников

Славяноведение, № 2

Древняя Русь в средневековом мире. Энциклопедия. М., 2015. 992 с., илл.

Выход в свет в конце 2014 г. энциклопедии «Древняя Русь в средневековом мире», подготовленной авторским коллективом ученых из России, Украины и Белоруссии под общей редакцией Е.А. Мельниковой и В.Я. Петрухина, несомненно, является событием большой научной и культурной значимости. В рамках этой энциклопедии едва ли не впервые в отечественной исторической науке проведена колоссальная аналитическая работа, написано более трех тысяч статей, раскрывающих разнообразные аспекты истории и культуры Древней Руси с древнейших времен до середины XIII в. и демонстрирующих современный уровень развития научных представлений (значительная часть статей была подготовлена авторитетными исследователями еще в 1990-е годы, но большая их часть была обновлена и отредактирована непосредственно перед публикацией).

Уникальность новой энциклопедии, на мой взгляд, заключается в том, что она является первым энциклопедическим изданием, ориентированным на всестороннее освещение именно древнерусского (домонгольского) периода, так как сопоставимые с ней по охвату фактического материала «Славянская энциклопедия» В.В. Богуславского (Киевская Русь. М., 2003. Т. 1–2) (тенденциозность изложения

и подборки материала в некоторых изданиях, претендующих на «энциклопедичность» («Святая Русь: Энциклопедический словарь русской цивилизации» / Под ред. О.А. Платонова. М., 2000), отмечалась в литературе [1. С. 133–135]), равно как и оставшееся незавершенным академическое энциклопедическое издание «Отечественная история с древнейших времен до 1917 года» (М., 1994–2000. Т. 1–3), были ориентированы на освещение более широкого исторического периода, что, разумеется, не позволяло в полной мере раскрыть историко-культурную целостность и уникальность древнерусской (домонгольской) цивилизации.

К несомненным достоинствам энциклопедии «Древняя Русь в средневековом мире» следует отнести разработку словника, включающего статьи о наиболее значимых памятниках всех жанров древнерусской литературы (Авраамия Смоленского житие, Александрия Хронографическая, и др.), представленные в едином историко-культурном контексте, а также биографические статьи о ключевых действующих лицах эпохи, действовавших не только на территории Руси, но и за ее пределами. Полностью охвачен не только весь корпус памятников древнерусской литературы домонгольского периода: охарактеризо-

ваны все памятники монументального строительства, включая и те, что открыты археологами, памятники иконописи и, естественно, все древнерусские города и непосредственно связанные с ними центры Балтики (Бирка, Хедебю, Рига, Колывань) и Причерноморья (Корсунь, Корчев), «восточные» Итиль и Саксин. Может быть, недостаточно полно представлены в энциклопедии балканские и западноевропейские города – отдельные статьи посвящены Царьграду и Солуни – Фессалоникам, Плиска и Преслав охарактеризованы в обобщающей статье, посвященной дунайской Болгарии, вскользь в соответствующих статьях по странам упоминаются Краков и Прага, «одиноким» оказывается баварский Регенсбург.

Тщательно разработана система перекрестных ссылок, что особенно важно ввиду частого существования нескольких названий одной и той же рукописи, памятника, города и т.п. (например, Воймерицкий, он же Мирославов крест, Добрилово, оно же Симеоново евангелие, эст. Вельяд, нем. Феллин, совр. Вильянди), что вместе с публикацией словника в конце тома существенно облегчает поиск нужных материалов. Система отсылок позволяет ориентировать читателя на основную для издания древнерусскую лексику: «Константинополь, см. Царьград» и т.п.; отсылки выглядят иногда излишне лапидарными: отсылка «Елена см. Ольга» требует все же распространения – указания на то, что «Елена» это христианское имя княгини Ольги.

Пристальное внимание составителей энциклопедии было уделено биографиям церковных и светских политических деятелей: весьма информативны приложения в виде родословных таблиц и перечней князей, завершающие издание. Правда, если обратиться, например, к биографиям русских князей, можно заметить, что некоторые из них являются воспроизведением статей, ранее опубликованных в «Большой Российской Энциклопедии» (ст. Андрей Юрьевич Боголюбский) или «Православной энциклопедии» (ст. Бориса и Глеба культ), что, впрочем, естественно при ориентации одних и тех же авторов на единые «схемы» статей. В некоторых биографических статьях следует отметить неполноту фактических данных: напр., в ст. Андрей Владимирович Добрый (с. 26) ничего не сообщается о походе князя на поляков в 1120 г.

Текст не избавлен от неточностей (опечаток?), порождающих внутренние проти-

воречия: так в ст. о киевском князе Святославе Всеволодовиче утверждается, что его внучка Евфимия Глебовна была просватана за будущего византийского императора Алексея II Ангела (с. 728), тогда как византийским императором с таким порядковым номером был Алексей II Комнин, а его тезка из династии Ангелов, как можно удостовериться в соответствующей статье (с. 21), был Алексеем IV. На той же странице можно прочитать, что Алексей Комнин, внучатый племянник императора Мануила Комнина в 1180-х годах переехал из Новгорода к сицилийскому королю Вильгельму I, однако в указанное время королем Сицилии являлся Вильгельм II (1166–1189), и т.д. Подобные неточности единичны и практически не снижают информационную ценность издания.

Редакция предупреждает в Предисловии, что энциклопедия ориентирована на «исторические реалии» (включая и достаточно экзотические для Руси, вроде статей «брактеат» и «полубрактеат»): «концепты», содержание которых остается предметом постоянных дискуссий, – феодализм, государственность, этнос (народ/народность) не выделены в отдельные статьи; статья «племя» характеризует летописную терминологию. Осторожно трактуются природа Древнерусского государства, скудные известия о дохристианских верованиях и культурах, «двоеверии» и т.п. Следует отметить, однако, что в энциклопедии не всегда отражена дискуссионность определенных точек зрения (хотя, в ряде случаев, указания на это имеются), иногда присутствует некритическое следование устоявшимся историографическим стереотипам – ср., напр.:

1) излишне прямолинейным даже для энциклопедического стиля представляется утверждение о том, что «ряд» Ярослава Мудрого представляет собой «политическое завещание» князя (с. 705), хотя в XIX и XX вв. группой исследователей (С.М. Соловьёв [2. С. 142–143], А.А. Шахматов [3. С. 273–274, 297, 303–304, 308], Л.В. Черепнин [4. С. 324, 325], и др.) было обосновано представление о «ряде» как о позднейшей литературной конструкции летописцев; следует отметить и неточность автора статьи о «ряде», поставившего при перечислении князей Игоря Ярославича, вопреки порядку, принятому в летописи, перед его старшим братом Вячеславом (с. 707);

2) утверждение о том, что Всеволод Ярославич получил в 1073 г. от своего брата Святослава Чернигов (с. 160), восходящее к некритически воспринятому

предположению В.Н. Татищева [5. С. 90], в XIX в. развитому в рамках гипотезы о «лествичном» принципе наследования княжений, и противоречащему прямому указанию «Повести временных лет» под 1093 г. на то, что Всеволод княжил в Чернигове лишь один год [6. Стб. 217];

3) утверждение о том, что после перевода Игоря Ярославича из Владимира-Волынского на княжение в Смоленск Владимир-Волынский получил киевский князь Изяслав Ярославич (с. 316), что, строго говоря, является чисто умозрительной конструкцией, восходящей к гипотезе, предложенной в XIX в. И.И. Шараневичем [7. С. 24] и Д.И. Иловайским [8. С. 109], и не подтверждаемой летописными известиями.

К этой же группе неточностей следует отнести и утверждение о том, что во время Киевского восстания 1068 г. восставшие жители Киева якобы разграбили двор «киевского тысяцкого» (в действительности, воеводы) Коснячка (с. 381), которое является некритическим воспроизведением гипотезы, высказанной М.Н. Тихомировым [9. С. 148] и поддержанной П.П. Толочко [10. С. 88], но не находящей опоры в «Повести Временных лет».

Впрочем, жанр энциклопедии не предполагает детальных историографических экскурсов, что осложняет изложение событий, получающих различную трактовку у разных специалистов.

В целом энциклопедия, безусловно, станет необходимым и фундаментальным пособием для всех, кто занимается рус-

ской историей и историей Средневековья. Актуальным представляется переиздание энциклопедии в более доступном для широкого читателя «рыночном» формате и с учетом постоянно пополняющихся данных.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Национальная идентичность в русской культуре / Под ред. С. Франклина и Э. Уиддис; пер. с англ. В.Л. Артемова. М., 2014.
2. Соловьёв С.М. История отношений между князьями Рюрика дома // Соловьёв С.М. Древнерусские князья. СПб., 2010.
3. Шахматов А.А. История русского летописания. Повесть временных лет и древнейшие русские летописные своды. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 2002. Т. 1. Кн. 1.
4. Черепнин Л.В. Повесть временных лет, ее редакции и предшествующие ей летописные своды // Исторические записки / Отв. ред. Б.Д. Греков. М., 1948. Т. 25.
5. Татищев В.Н. Собрание сочинений: В 8 томах. М., 1995. Ч. 2. Т. 2–3. История Российская.
6. Полное собрание русских летописей. М., 2001. 2-е изд. Т. 1. Лаврентьевская летопись.
7. Шараневич И. История Галицко-Волымирской Руси от найдажнейших времен до року 1453. Львів, 1863.
8. Иловайский Д.И. История России. М., 1876. Ч. 1. Киевский период.
9. Тихомиров М.Н. Древнерусские города [3-е изд.], СПб., 2008.
10. Толочко П.П. Древняя Русь. Очерки социальной и политической истории. Киев, 1987.

© 2016 г. Д.А. Боровков

Славяноведение, № 2

Кенааниты: Евреи в средневековом славянском мире / Jews and Slavs / Под. ред. В. Московича, М. Членова, А. Торпусмана. М.; Иерусалим, 2014. Vol. 24. 574 с.

Издательство «Гешарим» выпустило в серии «Евреи и славяне» очередной том, посвященный проблемам формирования еврейской диаспоры в славянском мире. Проблемы начала, особенно начала этнической истории, всегда оказываются наиболее дискуссионными в историографии. Отсюда и естественная дискус-

сионная направленность предлагаемой рецензии. Особым достоинством рецензируемой книги оказывается полнота представленной в ней историографии: книга состоит из двух частей – первая содержит исследования современных авторов, вторая – труды их предшественников, начиная с основателя российской иудаики

А.Я. Гаркави и кончая относительно недавними исследованиями В.Н. Топорова, А. Архипова и др.

Гаркави и был зачинателем проблематики, развиваемой в книге: опираясь на весьма скудные источники в своей первой научной работе (1865), посвященной «языку евреев, живших в древнее время на Руси» (Восточной Европе), знаменитый гебраист справедливо замечал, что этот язык не был «идишем» – языком выходцев из Германии; их язык был славянским, о чем свидетельствовали отдельные глоссы в еврейских текстах (не всегда доступных Гаркави в подлиннике), польские монеты королей Мешко (Мечислава III) и Лешко (Лешека), на которых славянские легенды были выполнены еврейскими буквами (с. 339–340) (этой работе Гаркави посвящена в книге содержательная статья израильской исследовательницы Д. Васьютинской, в которой допущена досадная опечатка: упомянутые монеты отнесены не к XIII, а к XVIII в. (с. 321)); он же первым обратил внимание на славянские имена в еврейской антропонимии Восточной Европы, а вслед за немецким гебраистом Л. Цунцем (его работа помещена в рецензируемой книге) заметил, что славяне и их язык в еврейской средневековой письменности именуется «Кенаан (Ханаан)». Исследованию этих характерных для еврейской диаспоры в Восточной Европе этнолингвистических явлений посвящена большая часть статей книги – от широко известных работ Р. Якобсона до труднодоступных исследований И.Ю. Маркона, А. Марморштейна и др. (помещенных в историографической второй части); богатый материал по исторической ономастике представлен в первой части статьями А. Бейдера (Париж), А. Торпусмана (Иерусалим), М. Членова (Москва) и др.; там же коллективом чешских авторов, иерусалимскими профессорами В. Московичем и М. Таубе и др. анализируются славянские глоссы в средневековой еврейской книжности.

Самой интригующей остается проблема происхождения и самой традиции отождествления *Кенаана* со славянами и еврейской диаспорой в славянском мире. Ранний источник, где это отождествление приводится, не раз упоминается в книге, особенно во вводной статье инициатора издания и широкого обсуждения «кенаанской проблемы» М.А. Членова: это еврейская «хроника», составленная в X в. в Италии – «Сэфер Иосиппону». Завершая список сыновей Иафета, хронист замечал:

про славян «иные говорят, что они от сыновей Ханаана, но они возводят свою родословную к сыновьям Доданим». Дело здесь не только в расхожей библейской этимологии (обозначение других групп европейских евреев *Ашкеназ* и *Сефарад* также восходят к Библии) и не только в архаической античной традиции, соотносившей этнонимы пленных «варваров» с обозначениями рабов – греческому названию славян (*склавы*, *склавлены*) восходит обозначение рабов в разных европейских традициях. Для славистики существенно то обстоятельство, давно отмеченное киевским любителем иудейских древностей Г.М. Барацем (в рецензируемую книгу не включена работа Бараца, посвященная Иосиппону: помещена лишь статья об упоминании евреев в Киево-Печерском патерике), а за ним Д. Флюссером и др. (с. 21; ср. [1]): «Сэфер Иосиппону» воспроизводил в перечне славянских народов кирилло-мефодиевскую традицию, ту же, что содержала Начальная русская летопись – ПВЛ.

Более того, собственно кирилло-мефодиевская традиция сопоставляла Константина со «вторым Авраамом, который пришел на землю Ханаанскую» (см. в рецензируемой книге статью Р. Якобсона и М. Халле – с. 456). В проложном житии Константина говорится, что первоучитель славян, как ученик и последователь самого Павла – «апостола языков», достиг пределов *Каона*; проложное же житие Мефодия свидетельствует, что тот был послан епископом в «Мораву в град *Каон*». Со времен И. Добровского считается, что формы *Катаон*, *Канаон*, и *Каон* есть «гибрид» хоронимов – названия областей Катании и Паннии в кирилло-мефодиевской традиции (ср. [2. С. 129]).

Г.М. Барац [3. С. 371–373] предполагал, однако, что формы *Канан*, *Канаон*, сохранившиеся в кирилло-мефодиевской традиции, отличные от старославянской формы *Ханаан*, восходят к средневековой еврейской форме *кенаан/кнаан*. Согласно пространному житию Константина, тот специально изучал иудейскую традицию, чтобы отправиться с полемической хазарской миссией: в прениях о вере с хазарскими иудеями он следовал полемическим методам Павла и ссылался на завет, данный Аврааму, от которого получают благословение народы – «а мы – языцы – получим благословение от семени Авраама» (ср. [4. С. 81]). Таким образом, для самого Константина как для нового Авраама славянская земля могла быть «Ханааном», а язык, на который тот переводил богослужебные

книги, ханаанским во вполне благочестивом смысле (в отношении к обетованной земле), не связанным с рабской долей Ханаана (и славян) как потомков Хама.

Кирилло-мефодиевская и собственно еврейская традиции совместились там, где развернулась деятельность славянских первоучителей и сформировалась ранне-средневековая еврейская община: в Чехии (Богемии), сохранявшей кирилло-мефодиевское наследие, по крайней мере, до конца XI в. (Сазавский монастырь) – она и стала для средневековых евреев Ханааном. А. Торпусман предполагает (с. 56), что Салоники были одним из центров формирования кенаанской *эды*, допуская раннее расселение балканских славяноязычных евреев в Восточной Европе – они могли бежать от преследований эпохи Льва Исавра и Василия I в VIII–IX вв.

На Чехию и соседние регионы (включая Малопольшу) как Ханаан еврейских источников указывал, в частности, Ю. Бруцкус, чья статья 1927 г. помещена в «историографической» части книги (ср. во вводной статье Членова, с. 17); в связи с этим необходимо отметить оплошности, возникающие при простом воспроизведении старых текстов, когда тиражируются не только актуальные мысли старых исследователей, но и неточности и опечатки давних изданий. Так, Бруцкус упоминает еврейскую киевскую «колонию» XI–XII вв. со ссылкой на Петахью Регенбургского (с. 449), и хотя этот путешественник вовсе не упоминает евреев Киева, цитата из Бруцкуса приводится и в статье В. Вихновича (с. 220); латинский хронист Адам Бременский, отождествлявший Русь с Грецией (Византией), назван Адамом Берлинским (с. 451). В чешской (и шире – европейской) книжной традиции «ханаанское» имя славян сохранялось в пейоративном смысле (потомки Хама) до позднего Средневековья, что вызывало негодование Яна Длугоша [5. S. 54].

В историографической конструкции, предлагаемой М.А. Членовым, Чехия – это «Западный» Ханаан, «Восточный» Ханаан включает Русь и даже Хазарию (до Итиля). Русь традиционно включается в ареал кенаанского языка, поскольку известен еврейский ранне-средневековый источник, повествующий о некоем еврее из Руси, добравшемся до Салоник, но не знавшим ни «святого» (еврейского), ни греческого языка – его языком был кенаанский; письмо воспроизводится в статье Мармурштейна и цитируется Членовым. Цитирует Членов и известие Вениамина Тудельского

о пути из страны Ашкеназ (Германии) на восток – в «Богемию, называемую иначе Прагой». «Это начало Склавонии, и евреи, там живущие, называют эту землю Ханааном, потому что туземцы продают своих сыновей и дочерей всем народам, и так же делают жители Руси»; далее следует описание этого «обширного царства», простирающегося «от ворот Праги до ворот Пина» (Киева?) (с. 18; ср. [6. С. 194–195]). Кажется, что Русь действительно подверстывается здесь под Кенаан, но ситуация выглядит сложнее, ибо ранее Вениамин поминает Русь в ином контексте: описывая Константинополь, стоящий на рукавах «русского моря» и «испанского моря» (Средиземного моря), он говорит о купцах, прибывающих туда «из Вавилонии, земли сennaарской (Месопотамии), Мидии, Персии, всего царства Египетского, земли ханаанской, царства Русского, Венгрии, земли печенегов, Болгарии, Ломбардии и Испании» [6. С. 87]. Русь отделена здесь от Ханаана, кроме того, судя по перечню стран, под Ханааном здесь подразумевается собственно Палестина (в библейском смысле употребляется и хороним Сennaар); потомками Хама Вениамин считал чернокожих невольников, обитающих в Африке [6. С. 176].

Так или иначе, средневековая книжная этимология, особенно библейская, едва ли может прямо отражать актуальные этнографические реалии (этнолингвистические общности *эдом*), тем более такой пространственно огромной со слабыми коммуникациями, как предполагаемый «восточный» Кенаан. Чрезвычайно осложненными, если не отсутствующими в IX – середине X в., можно считать коммуникации между «западным» и «восточным» Ханааном: до разгрома венгров в битве при Лехе (955) сефардские евреи, включая и кордовского канцлера Хасдая Ибн Шапрута, практически ничего не знали о евреях в Хазарии (и хазарском иудаизме). Конструкции ранне-средневековых *эдом* сталкиваются с непреодолимыми сложностями в области источниковедения, особенно в отношении начала формирования этих предполагаемых общностей. М.А. Членов считает, что перечень языков (арабский, персидский, ромейский, франкский, андалузский и славянский – А. Торпусман заметил, что в списке отсутствует идиш, с. 52), которыми владели еврейские купцы *ар-разанийя* согласно Ибн Хордадбеку, отражает не их лингвистические способности, а языки тех *эдом*, которые жили на пути купцов, ведущем с Ближнего

Востока на Дальний: значит, славянская/кенаанская *эда* сформировалась ко времени составления текста Ибн Хордадбеха к середине IX в. (ср. с. 29). Но тот же Ибн Хордадбех включил в главку о еврейских купцах известие о путях купцов *ар-рус*, переводчиками которых в Константинополе и Хазарии были славянские слуги [7. С. 30–32]: стало быть, персидский автор различал народы и языки. В книге приводится лишь пересказ данных Ибн Хордадбеха, информация о языке переводчиков Руси отсутствует (с. 490).

Не меньше вопросов возникает и в связи с проблемой региона, откуда евреи стали проникать в славянский мир: естественным и традиционным вариантом решения этой проблемы было представление о том, что еврейские общины были традиционным (с I в. н.э.) населением античных городов северного Причерноморья (ср. уже у Гаркави – с. 331 и сл.), пользовались греческим языком, что ставит дополнительную проблему формирования уже романиотской грекоязычной *эды*. М.А. Членов (с. 22 и сл.) критикует иерусалимского автора А. Кулика за то, что тот выводит евреев славянского мира из греческого – византийского (статья Кулика помещена во второй части книги). Но и здесь встает вопрос, связанный как раз с термином Кенаан: упоминавшийся Ю. Бруцкус обнаружил в содержащей кенаанские глоссы книге *Og Zauga* упоминание еврея, пришедшего из «греческого Хаанаана» (*Kanaan Iavuan*), Константинополя (с. 450–451). Замечу, что и возведение славян к Доданим, потомкам Явана (грекам) в библейской Таблице народов Иосифина относится к распространенным средневековым конструкциям: Русь с точки зрения книжников собственно Руси и Скандинавии относилась к Греции, поскольку подчинялась ей конфессионально [8. С. 286 и сл.]. И здесь средневековые книжные конструкции (этимологии) не отражают этнические реалии.

Собственно еврейские источники, характеризующие *кенаан* весьма немногочисленны и часто не имеют конкретной датировки: это относится к письму о евреях из России, говорившем по-кенаански и объявившемся в Салониках; письмо датировано еще Я. Манном XI в. на основе палеографии. Палеографической датировке киевского письма посвящена и статья С. Якерсона в рецензируемой книге; сомнения в ранней (X в.) датировке письма высказывал и К. Цукерман [9]; более широкие датировки не снимают, однако,

проблемы подписей иудейской общины, скрепивших документ. Имена некоторых доверителей О. Прицак читал как хазарские, один из издателей рецензируемой книги А. Торпусман интерпретировал ряд имен как славянские, в новой интерпретации наиболее парадоксальной представляется расшифровка подписи «Гостята бар Кий бар Коген» (с. 53): имя *Кий* может соотноситься доверителя письма с древнейшими славянскими киевскими «реалиями». Неясно, насколько иудейскую общину Киева можно считать славяноязычной (кенаанской), а насколько «хазарской»: романтические гипотезы о хазарском происхождении ашкеназов тиражируются со времен А. Кестлера [10]. Не без кенаанского «романтизма» воспринимаются авторами книги и отдельные известия еврейских источников о славянских глоссах, в том числе о некоем Ице из Чернигова, поделившемся в Кембридже знанием славянского глагола, означавшего производительный акт. В.Л. Вихнович, комментирующий эту кенаанскую глоссу, замечает, что Ице (Исаак) не мог пребывать в Чернигове один («конечно, он был членом достаточно большой иудейской общины» – с. 200). Исаак из России упомянут в казначейских документах Английского королевства 1180–1182 гг. вместе с двумя своими тезками (один из них – из Беверли, Йоркшир), как выплатившими долг: неясно, одно ли это лицо с Ице, или то был английский еврей, занимающийся русской торговлей (ср. [11. С. 49–50]). Не менее рискованно конструировать иудейские общины там, где древнерусские источники поминают иудеев: распространенным примером является пресловутый Анбал Ясин (Яс/Осетин), которого летопись клеймит как «жидовина» и «еретика» за участие в убийстве князя Андрея Боголюбского (все убийцы-заговорщики сравниваются летописцем с иудеями, предавшими Христа); летописные топосы позволяют напрямую расширить ареал кенаанских общин от Владимира Волынского до Владимира на Клязьме (ср. с. 40 и сл.).

Проблема невозможности прямого переноса книжных мотивов в регистр этнических и даже этнокультурных контактов касается и статей А.А. Алексеева о древнерусско-еврейских литературных связях и С.Ю. Темчина об изучении еврейского языка в Великом княжестве Литовском, а особенно статьи М. Шнайдера о каббалистической эсхатологии и ереси «жидовствующих». В недавней книге А.И. Алексева упоминаемые средневеко-

выми книжниками иудей, занесшие ересь в Новгород и Москву, вопреки иудейской традиции толкуются как миссионеры, стремящиеся подчинить злокозненной ереси православную церковь и самого великого князя [12]. Конструкции, отыскивающие исток ереси со времен Ю. Бруцкуса, основываются на совпадении имен чернокнижника Схари, появившегося лишь в сочинениях гонителей ереси, и киевского книжника Схари (Захарии бен Аарона), переводчика астрологических трактатов, которые использовались «жидовствующими». Как выясняется (в работах М. Таубе) совпадали и эсхатологические ожидания в еврейском и православном мире: неясно, насколько православные (византийские) календарные расчеты, относящие завершение 7000-летнего цикла к 1492 г., воздействовали на Западное Средиземноморье и способствовали изгнанию евреев из Испании в 1492 г., но практика аутодафе была заимствована русскими гонителями ереси. Изгнание из Испании естественно воздействовало не только на каббалистов, но и на эсхатологическое восприятие событий беженцами: итальянский еврей заметил, что срок, поставленный испанскими властями для того, чтобы евреи покинули королевство, заканчивался 9 ава, в День разрушения Храма [13]. Едва ли в этом совпадении можно усмотреть воздействие еврейского «миссионерства».

В целом усилия коллектива авторов книги значительно расширили возможности изучения взаимодействия славянского и еврейского миров. Углубленное исследование источников – очередная задача этого исследовательского процесса.

© 2016 г. В.Я. Петрухин

Работа подготовлена в рамках проекта «Проблемы межэтнических контактов и взаимодействий в текстах устной и письменной культуры: славяне и евреи» (грант РНФ, 15-18-00143).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Рашковский Б.Е. Книга Иосиппон как источник по истории славян и некоторых других народов Восточной Европы в исследованиях 1940–1990-х гг. // Славяноведение. 2009. № 2.
2. Турилов А.А. *Slavia Cyrillomethodiana*: Источниковедение истории и культуры южных славян и древней Руси. М., 2010.
3. Барац Г.М. Собрание трудов по вопросу о еврейском элементе в памятниках древнерусской письменности. Берлин; Париж, 1927. Т. 2.
4. Сказания о начале славянской письменности. Вст. ст., пер. и ком. Б.Н. Флори. М., 1981.
5. Joannis Dlugossii Annales seu cronicae incliti regni Poloniae. Varsaviae, 1964. Lib. I–II.
6. Три еврейских путешественника. М., 2004.
7. Древняя Русь в свете зарубежных источников. Восточные источники. Хрестоматия. М., 2009. Т. III.
8. Успенский Ф.Б. Скандинавы. Варяги. Русь. Историко-филологические очерки. М., 2002.
9. Zuckerman C. On the Kievan letter from Cairo Geniza // *Ruthenica* X (2011).
10. Петрухин В.Я. История хазар и сага Артура Кестлера о тринадцатом колене // Параллели: русско-еврейский ист.-лит. и библиогр. альманах. 2002. № 1.
11. Матузова В.И. Английские средневековые источники. М., 1979.
12. Алексеев А.И. Религиозные движения на Руси последней трети XIV – начала XVI века. М., 2012.
13. Marcus J.R. *The Jew in the Medieval World / A Source Book: 315–1791*. Cincinnati, 1999.

Славяноведение, № 2

Кенааниты: Евреи в средневековом славянском мире / Jews and Slavs / Под. ред. В. Московича, М. Членова, А. Торпусмана. М.: Иерусалим, 2014. Vol. 24. 574 с.

Изучение истории славяно-еврейских языковых, культурных, литературных и религиозных контактов является особым междисциплинарным направлением исследований на гранях иудаики, славистики, 120

европеистики и востоковедения и потому появление нового обобщающего научного труда по этой теме может считаться важным событием в науке. На этот раз в центре внимания такого труда, вышедшего в

двадцать четвертом томе иерусалимского сборника «Jews and Slavs», – вопрос о реконструкции истории, культуры и языка общин средневековых славяноязычных евреев – кенаанитов (от термина *лашон кенаан*, служившего в средневековых еврейских текстах обозначением славянского языка).

Отдельные свидетельства бытования этого языка известны по славянским глоссам или отдельным словам, встречающимся в средневековых иудейских текстах, и данным центрально- и восточноевропейской еврейской ономастики. Наиболее ранние данные об использовании евреями Центральной и Восточной Европы славянских языков относятся к X–XI вв. Окончательно же процесс вытеснения их из устного обихода завершается в XVII в.

Стоит подчеркнуть, что до нас не дошел ни один *самостоятельный текст*, написанный на средневековом иудео-славянском. В лучшем случае сохранились лишь некоторые славянские слова и выражения в виде отдельных вкраплений в текстах на иврите и на идише. Так что этот язык на всем протяжении своей истории оставался бесписьменным и употреблялся лишь в обиходной устной речи. При этом статус его в еврейской культуре оставался очень низким. По своему значению этот язык уступал не только ивриту – языку синагогального богослужения и религиозной литературы, но и пришедшему с запада идишу. Показательно отмеченное израильским лингвистом С. Арслановым наличие в идише характерного для *baby-talk* противопоставления славянской и германской речи. Так, славянскими заимствованиями в идише являются обозначения тех степеней родства, которые представляют собой обращения детей ко взрослым и старших родственников к младшим (например, «тате», «бобе», «зейде»). Тогда как в обозначении взрослыми членами семьи представителей младших поколений употребляется исключительно германская лексика. По всей видимости, в периоды ассимиляции славяноязычного еврейства Центральной и Восточной Европы его германоговорящими единоверцами бесписьменный славянско-еврейский язык – *кенаанит*, воспринимался как социально наименее престижный язык детской и женской половины дома [1. С. 409–412].

Материалы сборника состоят из двух частей: работ современных исследователей и переизданий трудов предшественников – ученых XIX и XX вв., включая ставшие уже классическими трудами по этому

вопросу статьи Ш. Дубнова, А.Я. Гаркави, Р. Якобсона.

Основные методологические принципы сборника сформулированы в статье М.А. Членова «Knaanim – the Medieval Jewry of the Slavonic World» (с. 13–51), которому принадлежит наиболее последовательная и концептуальная разработка древнейшей истории славяноязычных еврейских общин Европы от начала Средневековья и до конца XVII в. М.А. Членов основывается на собственной концепции полиэтнической еврейской цивилизации, состоящей из множества локальных этнических общин *эдот* (ед. ч. *эда* – один из ивритских терминов со значением – «община»). По мнению исследователя, средневековое славяноязычное еврейство являлось одной из таких *эдот*, подразделявшейся при этом на две самостоятельные территориальные группы, проживавшие на территории чешских и восточнославянских земель. Обе эти территории называются, соответственно, Западным и Восточным Кенааном. При этом в состав Кенаана исследователь не включает территорию средневекового польского королевства. Да и в целом вопрос об использовании польского языка евреями, жившими в этот период на территории польских земель, остался не освещен в статьях данного сборника, хотя именно с Польшей связаны древнейшие памятники еврейской эпиграфики на славянском языке – надписи на монетах времен Мешко III (1173–1202), выполненные еврейскими буквами и читающиеся как «Mieszko, król Polski».

Заслуживает внимания предположение Членова о том, что изучение истории иудейских общин Римских Норика и Паннонии, может пролить свет на проблему этногенеза евреев-кенаанитов (с. 32–36). Здесь, правда, стоит отметить, что на нынешнем этапе исследований историческая наука не располагает материалами для подобной реконструкции. Нам известны лишь отдельные крайне немногочисленные памятники еврейской эпиграфики II–IV вв., происходящие из этих провинций и затем сменяющие их свидетельства о присутствии с X в. еврейских общин в Центральной и Восточной Европе. Ситуация эта сильно напоминает имеющиеся данные по истории еврейских общин в Северном Причерноморье, где между многочисленными эпиграфическими свидетельствами о распространении иудаизма и присутствии еврейского населения в I–IV в. и данными письменных источников

Хазарской эпохи имеется продолжительный хронологический разрыв в несколько сотен лет.

Нельзя также не отметить остроумную трактовку Членовым известия ибн Хордадбеха о торговцах ал-раззанийа как о перечислении существовавших в его время еврейских *эдот* (с. 28–31). К сожалению, это предположение опирается довольно на спорное, на мой взгляд, прочтение текста ибн Хордадбеха и никак не поддерживается арабским оригиналом его сочинения. Последний сообщает о происхождении иудеев – ар-раззанийа дословно следующее: «Masalik at-tujjar al-yahud ar-radhaniyuua al-ladhina yatakallamun bi-l-arabiya wa-l-farisiya, wa-r-rumiyya wa-l-ifrandjiyuua, wa-l-andalusiya, wa-s-saqlabiyuua», т.е. «Пути торговцев евреев – ар-раззанийа, которые разговаривают по-арабски, по-персидски, по-румийски, по-франкски, по-андалуски и по-славянски» [2. S. 74–75] Отсюда видно, что термин *ал-раззанийа* в арабском тексте грамматически представляет собой согласованное определение в составе идафной конструкции (*masalik at-tujjar al-yahud*) и является обозначением группы иудейских купцов. За этим следует перечисление языков, которыми владеют купцы, принадлежащие к данной группе. Необходимо подчеркнуть, что грамматически по-арабски – это именно названия языков, а не обозначения или самоназвания этнических общин.

Ряд статей сборника посвящен вопросам реконструкции этнической истории славяноязычных еврейских общин. Статья В. Московича посвящена поиску следов средневекового славяно-еврейского субстрата в центрально- и восточноевропейских диалектах идиша (с. 183–188) Автор обращает внимание на то, что из 120 зафиксированных в еврейских письменных средневековых источниках славянских слов по крайней мере двадцать известны также в качестве славянских заимствований в идише.

А. Торпусман в статье «Где и когда возникла первая община кенаанитов?» (с. 52–57) высказывает предположение о существовании общин не только восточных (на территории Древней Руси) и западных (в Центральной Европе), но и южных (на Балканах) евреев-кенаанитов (с. 56–57). Эта гипотеза также эвристически весьма интересна, но она имеет и свои недостатки: для Балканского полуострова, так же, как и для Северного Причерноморья и Центральной Европы, отсутствуют данные письменных и археологических источников по истории

местных еврейских общин в период между падением на этих территориях власти Римской империи и становлением новых славянских государств. Поэтому, во всем том, что касается присутствия евреев на территории Первого болгарского царства, мы можем полагаться лишь на косвенные данные, такие, как использование отдельных взятых из еврейского алфавита знаков в процессе формирования славянской письменности.

Необходимо также указать на имеющуюся в данной статье неточность в интерпретации все того же известия ибн Хордадбеха об ар-раззанийа. Прилагательное «*al-ifrandjiyuua*» правильной переводить именно как *франкский*, а не «французский» язык (с. 52). Термин *al-ifrandj* в арабской географической литературе использовался для обозначения как германского племени франков, так и любых других западноевропейцев. Так что у нас нет оснований для того, чтобы соотносить прилагательное *al-ifrandjiyuua* в тексте ибн Хордадбеха с определенным германским или романским языком.

Вторая статья А. Торпусмана в сборнике посвящена реконструкции славяноязычных еврейских имен на основе данных современной ашкеназской ономастики (с. 152–165). Примечательно, что, согласно выводам автора, весьма существенная часть фамилий ашкеназских евреев была образована в свое время от женских личных имен, возникших в первоначально славяноязычной среде.

Важное значение для истории еврейской ономастики имеет и статья Александра Бейдера «*Onomastic analysis of the origin of Jews in Central and Eastern Europe*» (с. 53–116). Основываясь на обобщении данных еврейских и христианских источников, автор делает несколько важных выводов. Первый из них состоит в том, что набор наиболее распространенных личных имен и некоторые особенности произношения иврита свидетельствуют о реальности этнических различий между евреями Западной и Центральной и Восточной Европы (с. 72–75) в раннем Средневековье. Таким образом обосновывается тезис о независимом от западноевропейской ашкеназской диаспоры происхождении евреев-кенаанитов. У последних славянский язык в качестве основного разговорного или родного языка был окончательно вытеснен пришедшим с запада идишем в XV–XVI вв. в Богемии (с. 79), и к середине XVII в. (после Хмельнитчины) и у евреев Речи Посполитой (с. 93).

В статье группы чешских исследователей (О. Блаха, Р. Дитманн, К. Комарек, Д. Полякович, Л. Улична) вновь представлен анализ славянских глосс в средневековых рукописях книг «Ор заруа» Ицхака бен Моше из Вены (ок. 1180–1250 гг.), «Симаней ор заруа» его сына Хаима Элизера бен Ицхака и «Аругат ха-босем» Авраама бен Азриэля (XII в.) (с. 117–151). Большая часть славянских слов и выражений, встречающихся в средневековой еврейской литературе, происходит из этих трех сочинений. Авторы достаточно убедительно обосновывают тезис об отражении «ханаанскими глоссами» в этих текстах средневекового состояния именно чешского языка и отсутствия в них некоторых фонетических явлений, характерных для других славянских языков, включая польский. Наиболее показательно то, что «ханаанские глоссы» фиксируют отсутствие в разговорном еврейско-славянском языке носовых согласных (с. 121).

Примеры цитат, содержащих отрывки из разговорной восточнославянской (украинской и белорусской) речи в иудейской религиозной литературе, приводятся в статье израильского исследователя М. Таубе (с. 215–223). Датируются они временем не ранее XVII в. и потому относятся уже к той эпохе, когда основным (а позже – уже и единственным) языком бытового общения евреев в восточной Европе был идиш. Поэтому все эти цитаты, происходящие из сборников респонсов (ответов раввинов на вопросы по религиозному праву) фиксируют лишь ссылки на устные свидетельства православнославянских соседей евреев, приводившиеся в судебно-правовых документах еврейских общин.

Статья В.Л. Виховича (с. 198–203) посвящена Ице из Чернигова – единственному еврею домоногольской Руси, известному нам по имени. Упоминание о нем встречается в «Книге оникса» (ивр. «Сефер ха-шохам») английского автора конца XII – начала XIII вв. Моше ха-Нессия. При обсуждении глагола *uabam* (буква «бет» в этом случае обозначает звук «в»), означающего вступление в левиратный брак, автор ссылается на полученные от Ицы из Чернигова сведения о существовании на Руси слова похожего по своему звучанию и означающего «соитие». Этот древнейший случай письменной фиксации русской «обценной» лексики.

Статьи А.А. Алексеева и М. Шнейдера посвящены взаимосвязи древнерусской и средневековой еврейской литературы. Анализируя употребления еврейских

глосс в рукописях переводных с иврита древнерусских текстов, А.А. Алексеев приходит к выводу о том, что первоначально по крайней мере часть еврейских слов, встречающихся на полях и в текстах восточнославянских библейских рукописей, могла быть записана еврейской графикой (с. 172–173).

М. Шнейдер в статье «The “Judaizers” of Muscovite Russia and Kabablistic eschatology» (с. 224–260) предлагает достаточно смелую гипотезу, отождествляя переписчика ряда средневековых астрономических сочинений – Захарию бен Аарона из Киева с прибывшим, согласно русским источниками (в первую очередь – «Просветителю» Иосифа Волоцкого), в 1470 г. в Новгород в окружении киевского князя Михаила Олельковича неким *жидовином Схарией*, и якобы совратившим в иудаизм нескольких новгородских попов, вследствие чего и возникла так называемая «ересь жидовствующих» (с. 241, 252–253). Часть этих рукописей была переписана для рабби Моше из Киева – наиболее раннего из еврейских авторов восточной Европы, от которого сохранились какие-то известные сочинения.

М. Шнейдер анализирует комментарии Моше Киевского к каббалистическим трактатам, в которых встречаются указания на возможность конца света в 1492–1495 гг., т.е. как раз в тот период, когда Второе пришествие Христа и Страшный суд с наибольшей вероятностью ожидалось православными христианами восточнославянских земель. Помимо этого, труды Моше киевского характеризуются подчеркнuto положительным отношением к прозелитам (с. 238–240). Наконец, статья Шнейдера затрагивает крайне важный вопрос о необходимости систематического исследования западнорусских переводов с иврита, упоминаемых в источниках в связи с еретиками, чему в российской историографии «новгородско-московской ереси» до сих пор уделялось сравнительно мало внимания.

Несколько статей сборника посвящены вводу в оборот новых источников и новой интерпретации текстов, известных ранее. Так, в статье С. Темчина (с. 261–280) опубликован самый ранний дошедший до нас рукописный учебный текст по ивриту, написанный на восточнославянском языке. Рукопись датируется XVI в. и происходит с территории русских земель, входивших в состав Великого княжества Литовского. Она хранится в РГАДА в составе Мазу-

ринского собрания (Ф. 196. Оп. 1. Ед. хр. № 616).

В статье С.М. Якерсона (с. 204–214) рассматривается вопрос об интерпретации знаменитого «Киевского письма» – открытого в 1962 г. Н. Голбом древнейшего еврейского документа, упоминающего о Киеве. С. Якерсон предлагает свой взгляд на палеографию этого текста, позволяющий по-новому оценить выводы Н. Голба и О. Прицака. Как показывает С. Якерсон, в современном актуальном состоянии документа проблематичным выглядит и чтение самого главного в нем слова *Qiyuob* (еврейская буква «бет» на конце слова произносится как «в»), так и находившаяся на сгибе документа «заглавная» буква «коф» в настоящий момент утрачена. Таким образом, название топонима, откуда было отправлено это рекомендательное письмо, следует читать как *ууоб*, что не может в дальнейшем не сказаться на интерпретации текста письма. Якерсон не находит убедительных доводов в поддержку датировки письма именно X в., хотя основной вывод Н. Голба о том, что оно относится к раннему периоду заполнения материалов Каирской генизы, оставлен им без изменений.

Важно отметить, что предложенная Н. Голбом датировка киевского письма X в. основывается не столько на предположениях О. Прицака о хазарской интерпретации встречающихся в тексте письма личных имен, сколько на данных палеографического анализа. Как отмечает Голб, с XI в. частные письма, сохранившиеся в собрании генизы, написаны исключительно на бумаге, тогда как пергамен использовался в качестве материала для переписки и записи частноправовых актов и документов в более раннюю эпоху [3. С. 36]. Между тем этот вывод основан только на данных палеографии еврейских рукописей одного лишь ближневосточного региона. Тогда как в Восточной Европе бумага распространилась несколькими столетиями позднее. Показательно, что самые ранние происходящие с территории Древней Руси рукописи, написанные на бумаге, датируются лишь XIV в. [4. С. 91–94], что может служить дополнительным доводом в пользу позиции скептиков относительно ранней датировки и хазарской интерпретации «Киевского письма».

Группа чешских исследователей подготовила еще одну публикацию в составе сборника, озаглавленную «Roman Jacobson's unpublished study on the language of Canaanite glosses» (с. 218–318). Опубли-

кованная рукопись представляет собой черновик русскоязычной статьи выдающегося лингвиста Романа Якобсона, написанной не ранее 1956 г. (с. 285).

Наконец в статье Д. Васютинской (с. 318–328) опубликован фрагмент незавершенной работы караимского ученого, общественного деятеля и собирателя древностей А. Фирковича «О ханаанском языке и происхождении славян по еврейским источникам». Как показывает исследовательница, эта работа, найденная в архиве русского гебраиста и исследователя коллекций Фирковича – А.Я. Гаркави, оказала существенное влияние на подготовленное им исследование «Об языке евреев, живших в древнее время на Руси» (СПб., 1869).

Вторая часть сборника представляет собой воспроизведение (по большей части репринтное) научных статей по истории и культуре средневекового славяноязычного еврейства, написанных авторами XIX–XX вв. Кроме работ классиков еврейско-славянского «кенаановедения» в нем переизданы и сравнительно недавние исследования А. Архипова (1982) и М. Кулика (2005). Несколько выбивается из этого ряда только воспроизведение отрывка из комментария к русскому переводу издания ибн Хордабеха, вышедшего в 1986 г. в Баку. Фактически в издании опубликован не сам текст средневекового арабского географа, а комментарий к фрагменту об ар-раззанийа, написанный Н. Велихановой (с. 486–491). Поэтому и в оглавлении этой части сборника целесообразней было бы указать в качестве автора не ибн Хордабеха, а Н. Велиханову.

Стоит отметить очень достойный уровень полиграфического исполнения этой части издания. Ведь речь идет о перепечатке и воспроизведении текстов на языках, использующих различные шрифты, алфавиты, а то и вовсе системы письменности: немецкий готический, русский дореволюционный, украинский, английский. И все это перемежается цитатами на иврите или в еврейской графике. Такое обобщение работ классиков и современных исследователей может быть полезным не только для специалистов.

В целом в сборнике освещены почти все возможные проблемы исследования истории средневековой еврейской кенаанской общины, исключая, пожалуй, только вопрос о ее самосознании. Но и здесь можно привести в пример наблюдение из статьи М.А. Членова «Переносные топоним/этнонимы в еврейской средневеко-

вой историко-географической традиции» (с. 189–197) о том, что названия целого ряда значительных еврейских *эдов* в том числе, по всей видимости, и кенаанской, восходят к нескольким стихам из книги библейского пророка Овады (Авдий – в традиционном русском переводе).

Проблема самосознания является ключевой в вопросе о кенаанитах. Дело в том, что само употребление термина «Кенаан» в отношении огромного славяноязычного региона, включающего в себя не только западное, но и восточное и отчасти даже южное славянство никак не засвидетельствовано в средневековых еврейских источниках.

Выражение «арцейну эрец кнаан» (т.е. «страна наша земля Ханаан») в средневековой еврейской литературе является всего лишь обозначением территории Богемского королевства в устах славяноязычных богемских евреев, а не всего ареала расселения евреев в Центральной и Восточной Европе. Но показательно, что даже в Чехии использование термина «кенаани» не зафиксировано в качестве самоназвания представителей местных еврейских общин. И в этом состоит, пожалуй, наиболее существенное отличие *кенаанитов* от *сефардов* и *ашкеназов*, поскольку слова «ашкенази» и «сфаради» сотни раз встречаются в различных контекстах в средневековых еврейских текстах в качестве идентификатора происхождения того или иного средневекового еврейского деятеля.

Тут также нужно иметь в виду несомненную связь этногенеза многих (хотя и не всех) средневековых еврейских *эдов* с государствами или империями того времени: сефардов с мусульманской Испанией, романиотов с Византией, ашкеназов с Каролингской и Оттоновской монархиями. Именно этот фактор мощного влияния имперской организации на формирование культурной и языковой специфики мест-

ных еврейских общин, очевидно, отсутствовал в средневековом славянском мире.

Наконец, возможно, что развитию такой *кенаанской* самоидентификации славяноязычных евреев мешало и то, что в библейских текстах одно из обозначений иврита звучит как «сфат Кенаан» (Ис. 19:18), то есть буквально «ханаанейский» (или «кенаанский») язык. Нельзя забывать и о том, что название «Эрец Кенаан» на иврите это еще и такое же наименование Страны Израила (Быт. 17:8; Исх. 6:4 и др.), а термин *кенаани*, семантически слишком тесно связан с проклятием младшего сына Ноя его потомков (Быт. 9: 25–27).

Однако эти замечания ни в коей мере не отменяют огромного научного значения рецензируемого сборника, который наверняка обречен стать настольной книгой не только профессиональных славистов и востоковедов, но и всех интересующихся историей славяно-еврейских культурных связей.

© 2016 г. Б.Е. Рашковский

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арсланов С. Изменение языковой идентичности евреев Восточной Европы: к вопросу о формировании восточного идиша // История еврейского народа в России. М.; Иерусалим, 2010. Т. 1.
2. Lewicki T. Źródła arabskie do dziejów Słowiańszczyzny. Wrocław; Kraków, 1956.
3. Голб Н., Прицак О. Хазарско-еврейские документы X в. М.; Иерусалим, 2003.
4. Капитанов С.М., Столярова Л.В. Книга в древней Руси. XI–XVI вв. М., 2010.

Рецензия написана при поддержке гранта РНФ 15-18-00143.

ПАМЯТИ ОЛЕГА ВИКТОРОВИЧА ТВОРОГОВА
(1928–2015)

24 мая 2015 г. в Петербурге на 87-м году жизни скончался замечательный российский филолог-медиевист и палеославист Олег Викторович Творогов, доктор филологических наук, многолетний (с 1961 по 2006 гг.) сотрудник сектора древнерусской литературы ИРЛИ РАН (Пушкинский Дом); в 1999–2004 гг. он был и.о. зав. отдела. С Институтом славяноведения у О.В. Творогова существовали давние и прочные связи через Археографическую комиссию, членом Ленинградского / С.-Петербургского отделения которой он являлся. Участвовал он и в трудах Института – им, в частности, написаны разделы о древнерусской литературе в «Очерках истории культуры славян» (М., 1996).

Вопреки традиции здесь можно, как кажется, обойтись без развернутой биографии покойного и перечисления его основных научных трудов (кто же из филологов и историков-медиевистов их не знает!). И дело не только в том, что в эпоху Интернета эти сведения содержатся в Википедии и на сайте Отдела древнерусской литературы Пушкинского Дома. Об этом можно прочесть и в юбилейных статьях А.А. Алексева (Русская литература. 1998. № 4) и Г.М. Прохорова (ТОДРЛ. СПб., 2004. Т. 55). Библиография работ Олега Викторовича опубликована в том же юбилейном томе «Трудов» и в отдельной биобиблиографической брошюре, составленной Л.В. Соколовой (СПб., 2014). Несколько особняком (в силу явной «неюбилейности») стоит статья Д.М. Буланина «Служба и служение», писавшаяся тоже как юбилейная, но опубликованная как вторая глава его «Эпилога к истории русской интеллигенции» (СПб., 2005). Здесь биография и научная судьба Олега Викторовича рассмотрены на фоне советской и постсоветской эпохи, а характеристики героя можно цитировать буквально «целыми паремьями» (к слову, эта глава сопровождается текстом из архива биографического справочника об ученых ИРЛИ, который в полном виде не предназначался для издания).

Олег Викторович поздно пришел в науку – только в 1958 г., на тридцатом году жизни, он закончил филологический факультет Ленинградского педагогического института им. Герцена и поступил в аспирантуру ЛГУ. Тому было много причин – и материальное неблагополучие, заставившее его пойти на работу в военные годы еще подростком, потом служба в армии и вновь работа, во время которой он закончил школу рабочей молодежи. Поэтому можно лишь удивляться и восхищаться тому, как много он успел и сумел сделать. Лингвист по основному образованию (его научным руководителем в аспирантуре был Б.А. Ларин), он был принят в 1961 г. в Отдел древнерусской литературы Пушкинского Дома первоначально на черновую работу по составлению словаря-справочника «Слова о полку Игореве». И трудно сказать, кому больше повезло – Творогову с отделом или же отделу с Твороговым. Можно лишь констатировать, что он превратился со временем в выдающегося текстолога-медиевиста.

Круг научных интересов Олега Викторовича был исключительно широк. В него входили и Повесть временных лет, и «Слово о полку Игореве», и «Задонщина», и пресловутая «Влесова книга», которую он впервые публиковал научно с исчерпывающим комментарием, и репертуар древнейших (XI–XIV вв.) русских рукописных книг. Но в центре их на десятилетия встала многовековая история русских всемирно-исторических сводов (хронографов) – от реконструируемого «Хронографа по великому изложению» (XI в.) до

Русского хронографа редакции 1617 г. Тем самым исследователь возродил отечественную традицию изучения жанра, прервавшуюся в 1920-х годах. С этим же напрямую связаны его исследования и публикации источников хронографов – переводных византийских хроник, романа об Александре Македонском («Александрии»), средневековых сказаний о Трое. Его монография «Древнерусские хронографы» (Л., 1975), принесящая ему степень доктора филологических наук, по праву вошла в золотой фонд отечественной и мировой истории литературы и текстологии. Комментированное издание «Летописца Еллинского и Римского» (СПб., 1999, 2001. Т. 1–2) в 2009 г. было удостоено Шахматовской премии.

Олег Викторович относился к числу людей, для которых были близки и дороги судьбы отечественной науки. Затертые и избитые слова – «беззаветный труженик науки» и «рыцарь науки» – применительно к нему наполняются живым содержанием. Крайне добросовестный исследователь, очень внимательно относившийся к критике в собственный адрес, он был нетерпим к проявлениям халтуры в науке и тем более к разного рода мистификациям и фальсификациям. Этим объясняется и издание и исследование «Влесовой книги» (выполненное, кстати, «sine ira et studio») и участие в полемике против «новой хронологии» Фоменко.

Выражение личной ответственности О.В. Творогова перед наукой видится и в другом. Как и многие другие исследователи он прекрасно понимал тяжелое (если не катастрофическое) положение, существующее со справочниками в отечественной медиевистике. Но, в отличие от этих многих, он активно старался его исправить. Отсюда его постоянная готовность участвовать в составлении и редактировании новых справочников. Тому есть множество примеров, даже если не принимать во внимание «Энциклопедию “Слова о полку Игореве”», для которой он составлял словник, а затем был и одним из авторов и главным редактором. О.В. Творогов написал десятки статей для «Словаря книжников и книжности Древней Руси» и был одним из редакторов его первого тома (Л., 1987). В описании рукописей собрания М.П. Погодина, издающимся ОР РНБ, Олег Викторович был не только одним из редакторов выпусков с первого по четвертый, но и собственноручно описывал рукописи, пока позволяло зрение. Составленные им справочники по рукописной традиции житий русских святых (в сборнике «Русская агиография». СПб., 2005. Вып. 1) и по переводным (Переводные жития в русской книжности XI–XV вв. М.; СПб., 2008) стали настольными книгами буквально с момента их выхода. Еще одно из «дел жизни» О.В. Творогова, которым он занимался с начала 1980-х годов – каталог репертуара древнерусских рукописей XI–XIV вв. – публиковавшийся частями в ТОДРЛ, увидело свет как единая книга (с дополнениями других составителей) в прошлом году («Каталог памятников древнерусской письменности XI–XIV вв. (рукописные книги)». СПб., 2014). Тогда же был опубликован еще один чрезвычайно актуальный справочник на основании изучения большой рукописной традиции: «Описание состава Пространной редакции Пролога по спискам XIV–XVI веков» (ТОДРЛ. СПб., 2014. Т. 62 (Ч. 1), 63 (Ч. 2)). Работа над ним – лишнее свидетельство того, что исследователь никогда не боялся сложных и непопулярных тем.

На протяжении жизни ученый был удостоен ряда правительственных наград и премий. Помимо уже упомянутой Шахматовской это орден Дружбы, медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», медаль ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени. В 1993 г. он в составе коллектива стал лауреатом Государственной премии РФ в области литературы и искусства за подготовку и издание серии «Памятники литературы Древней Руси».

Память об Олеге Викторовиче как человеке и ученом будет жива, пока живы младшие из его современников. Дальше вступает в действие почти чисто историографический фактор, но нет сомнений, что его трудам суждена долгая жизнь.

© 2016 г. А.А. Турилов

CONTENTS

ARTICLES

<i>Floria B.N.</i> (Moscow). The Slavic world and its destinies in the early period of its history in the works of Polish historical thought of the second half of the fifteenth – early sixteenth centuries.....	3
<i>Turilov A.A.</i> (Moscow). An unnoticed date in the Southern-Slavic Cyrillic and Glagolitic palaeography (on the time of writing of the Apostle of Ohrid).....	21
<i>Kochegarov K.A.</i> (Moscow). The Russian government and the right of Hetman Ivan Mazepa to appoint Cossack colonels of the Zaporozhian Army: the case of Ivan Chernysh in 1707.....	29
<i>Pálffy G.</i> (Budapest). The age of breaks and compromises: a new approach to the history of the Kingdom of Hungary in the seventeenth century.....	41
<i>Ambroziak T.</i> (Moscow). Notions apparatus of the <i>sejmiki</i> sources in the late sixteenth – early seventeenth centuries as a manifestation of political culture of the Grand Duchy of Lithuania.....	51
<i>Chubarova V.V.</i> (Moscow). The image of the Slavs in Poland: historical milestones.....	64

REPORTS

<i>Rybalka A.</i> (Penza). Mercator's Ruthenians.....	76
<i>Polonsky D.G.</i> (Moscow). The cult of Roman Pope Leo I the Great in the southern- und eastern-Slavic traditions of the twelfth – seventeenth centuries.....	82

FROM THE HISTORY OF SLAVIC STUDIES

<i>Robinson M.A., Sazonova L.I.</i> (Moscow). Restoring of I.V. Jagić in the status of Russian Academy of Sciences actual member and the state of the project «Encyclopaedia of Slavic Philology» (the early 1920s).....	89
<i>Tarakanova I.G.</i> (Moscow). «Life is not all cakes and ale...» (new documents concerning the work of Vladimir I. Picheta in the Moscow State Pedagogical Institute (MGPI)).....	100

REVIEWS

<i>Melnikov G.P.</i> Древняя Русь в средневековом мире. Энциклопедия.....	111
<i>Borovkov D.A.</i> Древняя Русь в средневековом мире. Энциклопедия.....	114
<i>Petrukhin V.Ja.</i> Кенааниты: Евреи в средневековом славянском мире / Jews and Slavs.....	116
<i>Rashkovsky B.E.</i> Кенааниты: Евреи в средневековом славянском мире / Jews and Slavs.....	120

OBITUARIES

<i>Turilov A.A.</i> In memoriam of Oleg Viktorovich Tvorogov (1928–2015).....	126
---	-----

Сдано в набор 02.12.2015   Подписано в печать 26.01.2016   Дата выхода в свет 20.03.2016
Формат 70 × 100¹/₁₆   Цифровая печать   Усл.печ.л. 10,4   Усл.кр.-отт. 2,0 тыс.   Уч.-изд.л. 12,0
Бум.л. 4,0   Тираж 180 экз.   Зак. 1019   Цена свободная

Учредители: Российская академия наук, Институт славяноведения РАН

Издатель: ФГУП «Академиздатцентр «Наука», 117997, Москва, Профсоюзная ул., 90
Адрес редакции: 119991, Москва, Ленинский проспект, 32а. Телефон 8-495-938-01-20
E-mail: zhurslav@mail.ru

Оригинал-макет подготовлен издательством «Наука» РАН

Отпечатано в ФГУП «Академиздатцентр «Наука» (Типография «Наука»),
121099, Москва, Шубинский пер., 6